

INSPIRIA

ТРИ СУДЬБЫ ПОД СОЛНЦЕМ

СЮЮЗЕН
МЭЛЛЕРИ

INSPIRIA

Annotation

В морском воздухе Ежевичного острова витают старые тайны, любовные потрясения и шанс начать все сначала.

«Три судьбы под солнцем» – вторая часть цикла «Ежевичный остров» от автора бестселлеров New York Times. Это трогательная история о трех женщинах, чья неожиданная дружба меняет их жизни навсегда.

Добро пожаловать на Ежевичный остров. Неважно, как вы здесь оказались; приплыли на пароме или проехали тысячу километров на машине, – это идеальное место, чтобы расслабиться и никуда не спешить. Здесь местные жители и гости острова собирают сладкую ежевику, проводят время за хорошей книгой и наслаждаются видами на шумный океан, в котором каждый день тонет солнце.

Если вас бросили у алтаря – знайте, это испытание не для неженков. Но Энди Гордон берет себя в руки и принимает самое важное решение в жизни – покупает дом на Ежевичном острове. Кажется, новая жизнь складывается отлично, но капитальный ремонт нужен не только дому, но и самой Энди.

Обвинив супруга в неверности, Дина Филлипс открывает ящик Пандоры. По словам мужа, она и есть источник всех бед. Самое страшное, что он прав. Стремясь стать идеальной, Дина потеряла себя.

Художница Бостон Кинг надеялась, что ее брак со школьной любовью будет длиться вечно. Их связь казалась неразрывной, однако жизнь вносит свои коррективы.

Три женщины, три судьбы, одно палящее солнце, способное осветить путь тому, кто потерялся во тьме.

«Эта книга должна быть в шорт-листе каждой читательницы». – Fresh Fiction

«Трогательная история о глубоких чувствах и целительной силе женской дружбы». – Library Journal

- [Сьюзен Мэллери](#)

-
-

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
-

Сьюзен Мэллери

Три судьбы под солнцем

Susan Mallery
Three Sisters

© 2013 by Susan Mallery, Inc.

© Рябцун М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Если тебя бросили у алтаря – знай, это испытание не для неженков.

Помимо унижения и боли, существуют весьма приземленные проблемы, требующие решения. Очевидно, если парень способен бросить тебя на глазах у трех сотен самых близких друзей и родственников, не говоря уже об обеих матерях, он не станет беспокоиться о таких мелочах, как возврат подарков и оплата услуг официантов. Это объясняло, почему спустя три месяца после такого опыта Энди Гордон вложила свои сбережения в дом, который видела всего два раза, в городе, где провела всего семьдесят два часа.

Играй по-крупному – или оставайся дома. Энди решила сделать и то и другое.

Подписав последние документы и взяв ключи, она поднялась на холм, на самую высокую точку Ежевичного острова, и уставилась на дом, который только что купила. Постройку называли одной из «Трех сестер». Это были три красивых дома в стиле королевы Анны, построенные в начале прошлого века. По словам риелтора, дом слева был прекрасно отреставрирован. Цвет сливочного мороженого отражал стиль и моду времен его постройки. Даже сад выглядел более традиционно английским, чем это было принято на северо-западе Тихоокеанского побережья. Женский велосипед, прислоненный к крыльцу, казался неуместно современным.

Дом справа также был отреставрирован, но сохранил меньше деталей своей эпохи. Сланцево-серая облицовка обрамляла витражные окна, а во дворе была установлена скульптура взлетающей птицы.

У дома посередине все еще красовалась табличка «Продается», воткнутая в неухоженный газон. Хоть и похожий на два других стилем и размерами, купленный ею дом имел мало общего со своими соседями. От крыши с отсутствующей черепицей до облупившейся краски и выбитых окон – весь он свидетельствовал о небрежности и безразличии. Не будь это здание историческим, его бы снесли много лет назад.

Энди прочитала объявление продавца, в котором описывались все недостатки дома. Там было много страниц с перечислением основных проблем, начиная с необходимости переделать электропроводку,

проведенную двадцать лет назад, и заканчивая отвратительной неработающей сантехникой. Строительный инспектор, которого наняла Энди для осмотра места, сдался на полпути и вернул ей деньги. Затем ее агент попытался показать ей прекрасную квартиру с видом на марину.

Энди отказалась. Увидев старый дом, она в ту же секунду поняла: это то, что она искала. Когда-то этот дом был полон надежд. Время и обстоятельства довели его до нынешнего состояния – он был нелюбим и покинут. Ей не нужен был диплом психолога, чтобы понять: она видит в этом доме саму себя. Энди осознавала, какие подводные камни скрывает вера в то, что если она починит дом, то исцелит и себя. Но знать и делать, а в данном случае не делать – не одно и то же. Умом она понимала, что это огромная ошибка, но сердце ее уже влюбилось.

Учитывая недавнюю публично разорванную помолвку, влюбиться в дом казалось намного безопаснее, чем влюбиться в мужчину. В конце концов, если дом бросит ее у алтаря, она может попросту сжечь его дотла.

Она припарковалась перед трехэтажным зданием, выглядящим как катастрофа, и улыбнулась. «Я здесь, – прошептала она, давая обещание себе и дому. – И я тебя восстановлю».

Последние три месяца были сплошным кошмаром рутинного планирования и взаимных обвинений. Покупка одной из «Трех сестер» ставила перед ней новые задачи, которыми следовало озаботиться. Отправлять по электронной почте документы для получения кредита оказалось намного приятнее, чем объяснять троюродной сестре, что да, после более чем десяти лет отношений Мэтт действительно бросил ее у алтаря. Он сказал, что их решение пожениться показалось ему внезапным и ему нужно больше времени. И да, две недели спустя он сбежал в Лас-Вегас, женившись на своей секретарше. Энди не хотела даже вспоминать о разговорах, которые вела на эту тему с матерью.

Но ее поддерживало осознание того, что она скоро уедет из Сиэтла на Ежевичный остров. Она сосредоточилась на этом побеге, а затем упаковала вещи в своей городской квартире и направилась на север.

Энди сжала ключи, которые вручил ей агент по недвижимости, ощущая, как металл впивается в кожу. Боль вернула ее в реальность, в момент, когда существовали только возможности.

Она вышла из машины и уставилась на полуразрушенный дом. Но вместо заколоченных окон и покосившегося крыльца она видела, каким он будет. Новым. Ярким. Достойным восхищения. Не развалиной. А когда дом будет восстановлен, Энди сможет позвонить матери и рассказать ей об этом. Это будет гораздо лучше, чем выслушивать, как мама перечисляет все, что Энди испортила в своей жизни. Например, не позволила Мэтту переделать ее и по глупости упустила такого замечательного мужчину.

Энди повернулась, чтобы полюбоваться видом. В ясный день воды Пьюджет-Саунда ^[1] буквально сверкали. Конечно, ясные дни были относительно редкими в этой части страны, но Энди это устраивало. Ей нравился дождь. Серое морозящее небо, хлюпанье ботинок по тротуару. Вся эта мрачность заставляла ее ценить солнечные дни.

Она повернулась на запад, глядя на пролив. Из окон домов открывался прекрасный вид. Их построили капитаны дальнего плавания, чтобы наблюдать за проплывающими кораблями. В конце 1800-х годов мореплавание все еще имело большое значение для этого района, пока не уступило лесозаготовкам.

«Все правильно», – радостно подумала она. Ее место здесь. Или будет здесь – со временем. Если ремонт начнет ее доставать, она просто посмотрит в окно. Танец волн и открывающийся вид на полуостров сильно отличаются от высоток в центре Сиэтла. До города всего пара часов езды на машине, но он кажется другой планетой по сравнению с маленьким городком на Ежевичном острове.

– Привет! Это вы купили этот дом?

Энди обернулась и увидела идущую к ней женщину. Она была среднего роста, с длинными темно-рыжими волосами, спадавшими до середины спины. На ней были джинсы и сабо, а также вязаный свитер цвета слоновой кости, достоящий до бедер. Когда женщина подошла ближе, Энди подумала, что ее лицо можно назвать скорее привлекательным, чем красивым. Высокие скулы и огромные зеленые глаза. Бледная кожа, вероятно, была результатом как генетики, так и полного отказа от пребывания на солнце с прошлого сентября.

– Привет. Да, это я.

Женщина улыбнулась.

– Наконец-то! Это несчастное место... Мне было здесь так одиноко. О, я Бостон. Бостон Кинг. – Она указала на дом со

скульптурой птицы на лужайке. – Я живу там.

– Энди Гордон.

Они пожали друг другу руки. Слабый луч солнца пробился сквозь облака и высветил в волосах Бостон пурпурную прядь.

Энди провела пальцами по своим темным волосам и подумала, не сделать ли что-нибудь столь же выразительное. Максимум, на что она отваживалась, это подстричься.

– Вы имеете какое-то отношение к Зику Кингу? – спросила Энди. – Он подрядчик, с которым я списалась по электронной почте по поводу дома.

Лицо Бостон озарилось улыбкой.

– Это мой муж. Он и его брат – владельцы местной компании здесь, на острове. Он упоминал, что списался с новым хозяином дома. – Она склонила голову набок. – Но он ничего о вас не рассказывал, а я умираю от желания узнать подробности. Уделите мне несколько минут? Я только что заварила кофе.

Энди подумала о чистящих средствах на заднем сиденье внедорожника. Утром прибудет фургон с вещами, и у нее много дел – надо подготовить помещение. Но в маленьком тупичке всего три дома, и знакомство с одной из соседок казалось не менее важным.

– Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе, – сказала она.

Бостон повела ее по разросшейся траве к своему двору и поднялась по ступенькам к входной двери. Энди обратила внимание, что пол на крыльце выкрашен в темно-синий цвет и разрисован звездами и планетами. Входная дверь из темного дерева покрыта витражными панелями.

Прихожая отличалась таким же эклектичным сочетанием традиционного декора и эксцентричности. У вешалки для одежды стояла скамейка в шейкер-стиле^[2]. На стене висело зеркало в обрамлении серебряных белок и птиц. Слева в гостиной стояли удобные диваны и кресла, а над камином красовалась огромная картина, изображающая обнаженную фею. Бостон провела гостью по окрашенному в кроваво-красный цвет узкому коридору в светлую гостеприимную кухню. Там были выкрашенные в кобальтово-синий шкафы, изящные приборы из нержавеющей стали и столешница из серо-голубого мрамора. Запах кофе смешивался с ароматами корицы и яблок.

– Присаживайся, – пригласила Бостон, указывая на табуреты, придвинутые к барной стойке. – Я только что разогрела пару булочек. У меня есть яблочное масло с корицей, приготовила его сама прошлой осенью.

Энди подумала о протеиновом батончике и чашке кофе, которые были ее завтраком, и услышала, как заурчал желудок.

– Звучит здорово. Спасибо.

Она заняла предложенное место. Бостон открыла духовку и достала противень с двумя большими булочками. В стеклянной банке на стойке стояло яблочное масло. Бостон выложила выпечку на тарелки и передала одну Энди, затем занялась кофе.

– Мне просто черный, – попросила Энди.

– Ах, настоящий любитель кофе. А я сдабриваю кофеин орехами и ванилью.

Она достала из холодильника ароматизированные сливки.

Энди осмотрелась. Большое окно над раковиной и еще одно – в углу обеденной зоны. Большую часть одной из стен занимал обширный буфет. Возле задней двери виднелись старинная лепнина и декоративная панель, но остальная часть кухни была обновлена.

– Мне здесь нравится, – заметила Энди. – Я не уверена, что моя кухня за последние шестьдесят лет видела хотя бы покраску.

Бостон взяла два ножа и протянула один гостю, затем разрежала свою булочку и намазала яблочным маслом. Несколько серебряных браслетов с подвесками на руке женщины звякнули друг о друга.

– Мы видели твой дом на дне открытых дверей. Похоже, твоя кухня – из пятидесятых.

– Я не возражаю против ретростиля, – призналась Энди. – Но там ничего не работает! Знаешь, я люблю, когда открываешь кран – и течет горячая вода. И я бы хотела иметь холодильник, в котором еда остается холодной.

Бостон ухмыльнулась.

– Стало быть, ты требовательна.

– Очевидно, да.

– Я знаю, что Зик умеет разрабатывать планы. Я не видела их все, но они с братом отлично работают.

Энди окинула взглядом кухню.

– Это он делал ремонт в твоём доме?

– Около шести лет назад. – Бостон взяла свой кофе. – Ты откуда переехала?

Остров был достаточно мал, и Энди не удивило предположение Бостон, что она нездешняя.

– Из Сиэтла.

– Из большого города, да? Вот это перемена!

– Я готова к переменам.

– У тебя есть семья?

Энди поняла, что Бостон не имела в виду родителей, братьев и сестер.

– Нет.

На лице Бостон отразилось удивление.

– Это большой дом.

– Я врач. Педиатр. Хочу использовать первый этаж для практики и жить наверху.

Ей показалось, что плечи Бостон напряглись.

– О, это умно. Не будет хлопот с поездками на работу. – Женщина посмотрела в окно над раковиной в сторону дома Энди. – Там достаточно места для парковки, и, насколько я понимаю, перестройка будет несложной.

– Самым большим изменением будет перемещение кухни наверх. Мне все равно пришлось бы ее полностью переделывать, так что это ненамного увеличит счет. – Она потянулась за своей булочкой. – Ты давно живешь на острове?

– Я здесь выросла, – отозвалась Бостон. – В этом самом доме. Я больше никогда нигде не жила. Когда мы с Зиком начали встречаться, я предупредила его, что у меня около трех тысяч квадратных футов приданого. – Ее улыбка немного померкла. – Он сказал, что ему это нравится.

Энди пожевала булочку со вкусом ванили, наслаждаясь терпкостью яблока и корицы, затем проглотила.

– У тебя есть работа?

Бостон покачала головой.

– Я художник. В основном расписываю текстиль, хотя в последнее время... – Ее голос затих, глаза потемнели. – Иногда я пишу портреты. Большинство странных вещей, которые ты здесь видишь, – моих рук дело.

– Мне нравится крыльцо.

– В самом деле? Дина его ненавидит. – Бостон сморщила нос. – Она, конечно, никогда ничего не скажет, но я слышу, как она вздыхает каждый раз, когда ступает на него.

– Дина?

– Твоя вторая соседка.

– У нее красивый дом.

– Да, не правда ли? Тебе стоит взглянуть на него изнутри. Я уверена, она пригласит тебя в гости. Парадные комнаты меблированы в соответствии с эпохой. Исторические общества от нее в восторге. – Бостон снова выглянула в окно. – У нее пять дочерей. О, твои клиенты. – Она нахмурилась. – Или не клиенты?

– Пациенты.

Бостон кивнула.

– Верно. Очень милые девочки. – Она пожала плечами. – И это весь наш район. Только мы трое. Я так счастлива, что кто-то будет жить в среднем доме. Он пустовал столько лет. Дом без жильцов – это очень печально.

Хотя в тоне Бостон ничего не изменилось, Энди почувствовала перемену в настроении женщины. Даже определив для себя, что ее новая знакомая, как сказала бы мать, «со странностями», она не могла избавиться от ощущения, что теперь соседка хочет, чтобы она ушла.

Энди быстро доела остатки булочки и улыбнулась.

– Ты так добра. Я очень благодарна за кофеиновый заряд бодрости и перекус, но мне нужно переделать столько дел...

– Переезд. Я слышала, что это тяжело. Не могу представить себе жизнь где-нибудь, кроме как здесь. Надеюсь, ты будешь счастлива на нашей маленькой улочке.

– Уверена, что буду. – Энди поднялась. – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – отозвалась Бостон, провожая ее до входной двери. – Пожалуйста, заходи, если что-нибудь понадобится. В том числе душ. У нас есть гостевая ванна, знаешь, на случай, если у тебя отключат воду.

– Это очень мило с твоей стороны, но если отключат воду, я перееду в отель.

– Мне нравится твой стиль.

Энди помахала рукой и вышла на крыльцо. Входная дверь закрылась, и она на секунду замерла, глядя на свой дом глазами соседки. Отсюда виднелось несколько треснувших окон, часть облицовки свисала, расшатанная и облупившаяся. Двор зарос.

«Поговорим об уродстве», – пробормотала она, возвращаясь к машине.

Не волнуйся, сказала она себе. Она уже ознакомилась с планами реконструкции, а в субботу первым делом встретится с Зиком, чтобы подписать контракт. Тогда начнется ремонт.

А пока ей нужно подготовиться к приезду грузчиков, которые придут утром. Энди решила хранить большую часть мебели наверху. Пока идет ремонт, она будет жить в двух маленьких спальнях в мансарде. Они уродливы, но вполне пригодны. Та, что побольше, послужит гостиной и чем-то вроде кухни. Она не собирается ничего готовить, будет только разогревать еду в тостере или микроволновке.

В крошечной ванной комнате в мансарде был душ, явно предназначенный для тех, кто ниже пяти футов ростом, и светильники сороковых годов, но все работало. Зик обещал первым делом установить водонагреватель.

У нее было все необходимое, чтобы пережить три месяца ремонта. Энди сказала Зик, что хочет, чтобы дом был полностью готов к началу июля, но на самом деле она планировала начать практику первого сентября. Это давало ей хороший запас времени. Она видела достаточно шоу-программ на канале «Дом и сад»^[3], чтобы знать: в ходе ремонта часто возникают проблемы и всевозможные заминки.

Энди забрала вещи с заднего сиденья внедорожника. Ей нужно было убрать комнату, которую она будет использовать для хранения мебели, а затем заняться выбранной ванной. После этого она собиралась вознаградить себя бутербродом с тушеной свининой из закуской «У Арни». Ее агент по недвижимости обещал, что еда будет великолепной.

Энди осторожно поднялась по парадной лестнице. Две из восьми ступенек отсутствовали. Она вставила ключ в замок входной двери и повернула его. Вошла в прихожую. В отличие от дома Бостон, здесь не было ни эклектичного набора очаровательной мебели, ни занавесок на окнах, вообще ничего такого, что хотя бы отдаленно выглядело пригодным для жизни. Запах разложения и грязи смешивался с вонью

бывших обитателей – грызунов. Обои свисали со стен, покрытых засохшими подтеками, несколько окон гостиной были забиты фанерой.

Энди поставила на пол ведро с чистящими средствами и сумку, набитую тряпками и бумажными полотенцами, вытянула руки и закружилась на месте. Катастрофический вид ее нового дома заставил женщину засмеяться.

«Ты будешь так счастлив, – прошептала она. – Я сделаю так, что ты засияешь. – Она усмехнулась. – Ну, я и строительная бригада. Вот увидишь! Когда все будет готово, нам станет лучше – и тебе, и мне».

К тому времени, когда ремонт завершится, Энди пустит корни здесь, на острове. Ее бывший жених станет не более чем поучительной историей, а у нее начнется процветающая врачебная практика. Она больше не будет неудачницей в семейной жизни или женщиной, которая настолько глупа, чтобы отдать десять лет своей жизни мужчине, который попытается ее переделать, а потом бросит и через две недели женится на другой. Ей не придется беспокоиться о том, что она якобы недостаточно хороша.

«Мы не будем такими совершенными, как дом слева, или такими артистичными, как тот, что с другой стороны, но мы с тобой будем в самый раз. Вот увидишь».

Слова звучали как обещание. А свои обещания Энди всегда выполняла.

Глава 2

Дина Филлипс уставилась на фотографию. Девушка была хорошенькая: лет двадцати пяти – двадцати шести, с темными волосами. Ракурс не позволял разглядеть цвет ее глаз. Она обнимала мужчину, прижимаясь губами к его щеке. Он стоял лицом к камере, а девушка смотрела на него.

На снимке был запечатлен счастливый момент. Мужчина улыбался, молодая женщина приникла к нему, согнув колено и приподняв одну ногу. Все в этой фотографии было очаровательным. Даже вдохновляющим. За исключением того факта, что этот мужчина был мужем Дины.

Она стояла в спальне, прислушиваясь к шуму воды в душе. Было едва больше шести, но Колин вставал в пять. Сначала отправлялся на пробежку, потом завтракал, после чего принимал душ. В половине седьмого он выйдет из дома, поедет в офис, а затем отправится в дорогу. Колин путешествует по работе, так что она не увидит его до конца недели.

Тысячи мыслей пронеслись у нее в голове. Он ей изменяет. Он настолько глуп, что оставил фотографию в своем телефоне. Он изменяет ей! С кем еще? Со сколькими еще? Он ей изменяет... Ее желудок скрутило и перекаатило, как корабль в бурю. Если бы она что-нибудь съела, ее бы вырвало. Она вздрагивала, покрылась гусиной кожей, ноги дрожали.

«Соберись», – прошептала Дина. У нее не так много времени. Меньше чем через полчаса она должна поднять девочек и собрать их в школу. К тому же ее саму ждали с утра в классе близняшек. После этого нужно идти на работу, а там тысяча дел, задач и обязанностей. И все это не прекратится лишь потому, что Колин предал ее худшим из возможных способов.

Ее глаза буквально горели, но она не заплакала. Слезы означали слабость. Все еще сжимая в руке сотовый телефон, она размышляла, что делать. Выяснить отношения? Это было логичное решение. Она должна что-то сказать, только не знала, что именно. Она не была готова, не была...

В душе стало тихо: Колин выключил воду. Дина вздрогнула, затем тихо положила телефон обратно на комод рядом с бумажником мужа и ключами от машины. Она брала его лишь для того, чтобы посмотреть фотографии с последней игры в софтбол^[4]. Хотела взять пару снимков, чтобы обновить семейную страничку в Интернете. Вместо этого она обнаружила предательство.

Она поняла: ей нужно время. Время, чтобы разобраться в том, что происходит, что все это значит, каким будет ее следующий шаг. И будет ли вообще этот следующий шаг? Дина накинула халат, поспешила вниз в кабинет и включила компьютер, нажав кнопку. Заметила, что ее пальцы дрожат. Опустилась в большое кожаное кресло и обхватила себя руками. Зубы стучали, ноги замерзли, но она не собиралась возвращаться в спальню за тапочками. Не могла. Ей подумалось, что сейчас она просто распадется на части, разлетится на миллион кусочков, если не будет осторожна.

Загружающийся компьютер гудел и попискивал. Наконец она увидела, как обрели четкость обои на рабочем столе. Картинка изображала идеальную семью: отец, мать, дочери. Все белокурые, привлекательные, счастливые. Они были на пляже, все в свитерах цвета слоновой кости и джинсах, веселое переплетение рук и ног. Близнецы пригнулись, старшие девочки стояли позади них, Колин обнимал ее. Все смеялись. Счастливые.

Что, черт возьми, произошло?

– С тобой все в порядке?

Она подняла глаза и увидела стоящего в дверях мужа. На нем был темно-синий костюм, который она сама для него выбрала. У этого мужчины был отвратительный вкус в одежде. Ей не нравился галстук, но что с того? Разве сегодня это имеет значение? Дина смотрела на него и задавалась вопросом: а как его видят другие женщины? Она признала, что он красив. Высокий, широкоплечий, с голубыми глазами. Он поддерживал себя в форме. Она гордилась тем, что ее муж все еще отлично выглядит в джинсах и футболке. В отличие от многих сверстников, Колина не портит пивной живот. В следующем году ему исполнится сорок. Поэтому – другая женщина? Кризис среднего возраста?

– Дина?

Она поняла, что он смотрит на нее.

– Я в порядке. – Она не была уверена, что сможет ответить, но каким-то образом сумела произнести эти слова.

Он продолжал наблюдать за ней, словно ожидая продолжения. Она облизнула губы, не зная, что сказать. Время, в отчаянии подумала она. Ей действительно нужно время.

Она сунула руки под стол, чтобы он не заметил, как они дрожат.

– С утра немного желудок беспокоит. Должно быть, съела что-то не то.

– Все будет хорошо?

Ей хотелось крикнуть, что, конечно же, хорошо теперь не будет. Как он вообще мог такое спросить? Взял все, что у них было общего, и уничтожил. Уничтожил ее. Исчезло все, о чем она мечтала, к чему стремилась. Ей придется уйти от него, стать одной из отчаявшихся матерей-одиночек. Боже милостивый, у нее же пятеро детей. Пять дочерей! Ей не справиться в одиночку.

– Со мной все нормально, – сказала она, чтобы заставить его уйти. Ей нужно время, чтобы подумать, передохнуть, понять. Ей нужно время, чтобы приглушить боль.

– Я вернусь в четверг, – сказал он. – Буду в Портленде.

Он всегда говорил ей такие вещи. Подробности. Она никогда не слушала. У нее с девочками был свой распорядок дня. Они привыкли к тому, что Колина не было дома всю неделю.

А ведь он может уйти навсегда, поняла она. И что тогда? Она работала неполный рабочий день в лавке ремесел. Вела занятия по лоскутному шитью и скрапбукингу^[5]. Ее зарплаты хватало на развлечения и ужин в кафе. Но на свой заработок она не могла прокормить и аквариум с рыбками, не говоря уже о пяти девочках.

Паника охватила ее, сжимая сердце. Возникло чувство, что она сейчас умрет на месте. Дина заставила себя не отрывать взгляд от мужа и отчаянно пыталась понять, какой ответ прозвучит нормально.

– Надеюсь, там тепло, – сказала она.

– Что?

– В Орегоне. Надеюсь, там хорошая погода.

Он нахмурился.

– Дина, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она знала, что попытка улыбнуться обернется катастрофой.

– Это просто желудок. Думаю, мне лучше сбежать в ванную. Езжай спокойно.

Дина встала. К счастью, он отступил и она смогла проскользнуть мимо, не задев его. Она поспешила вверх по лестнице и кинулась в ванную. Вцепилась в мраморный туалетный столик и закрыла глаза, чтобы не видеть в зеркале свое бледное, ошеломленное лицо.

– Мама, ты же знаешь, я ненавижу этот хлеб. Почему ты продолжаешь его печь?

Дина даже не потрудилась поднять глаза. Просто положила в ланчбокс бутерброд, который сделала накануне вечером. За ним последовала морковь, затем яблоко и печенье. Льняное семя, подумала она, глядя на контейнер из перерабатываемого пластика, наполненный маленькими печеньками. Они сделаны с льняным семенем. Не самые любимые у девочек, но полезные для здоровья.

– Мам! – Мэдисон встала, руки в боки. В свои двенадцать она уже умела смотреть презрительным взглядом, который покоробит даже сильных духом.

Дина узнала этот взгляд и поняла его причину, ведь много лет назад испытывала то же самое по отношению к собственной матери. С той лишь разницей, что мать Дины была сущим кошмаром. И сейчас Дина не могла понять, что такого она сделала своей старшей дочери, чтобы та ее так ненавидела.

– Мэдисон, давай не сегодня. Пожалуйста. Просто возьми сэндвич.

Дочь продолжала пристально смотреть на нее, а затем потопала прочь, пробормотав что-то подозрительно похожее на «Какая же ты стерва». Но Дина не была в этом уверена, к тому же этим утром у нее не было сил на подобные скандалы.

К восьми все пять девочек ушли. Кухня, как всегда, представляла собой полную катастрофу: миски в раковине, тарелки и открытые коробки из-под хлопьев на обеденном столе. Люси оставила свой ланчбокс с завтраком у холодильника, а значит, позже Дине придется сделать еще одну остановку. А куртка Мэдисон так и осталась висеть на высокой спинке стула.

Рассеянность Люси не была чем-то новым или особенным, чего нельзя было сказать о Мэдисон. Старшая дочь возненавидела непромокаемую красную куртку через сорок восемь часов после того,

как настояла на том, что эта вещь идеальна и она должна ее носить. После той поездки по магазинам в конце сентября они с Мэдисон поспорили из-за одежды: дочь настаивала на покупке новой, а Дина отказалась.

Где-то в октябре Колин сказал, что не стоит так ругаться, надо просто купить Мэдисон новую куртку. Люси нравится красный цвет, и, вероятно, к следующей осени она сможет ее носить. Если бы старшая дочь ходила в куртке весь год, та стала бы слишком потрепанной, чтобы передать ее младшей.

«В очередной раз Колин меня не поддержал», – с горечью подумала Дина. Еще один пример того, как муж встал на сторону девочек против нее.

Дина подошла к раковине и включила воду. Подождала, пока температура станет подходящей, затем трижды нажала на флакон, выдавив жидкое мыло, и начала мыть руки. Снова и снова, снова и снова. Привычное ощущение теплой воды и скользкого мыла успокаивало ее. Она знала, что не может позволить себе делать это слишком долго. Если не будет внимательна, то слишком увлечется. Пришлось закончить раньше, чем ей хотелось. Она открыла ящик у раковины, достала хлопчатобумажное полотенце и вытерла руки.

Не оглядываясь, вышла из кухни. С беспорядком она разберется позже. Но вместо того, чтобы подняться на второй этаж и зайти в главную спальню, Дина села на нижнюю ступеньку и уронила голову на руки. Гнев смешался со страхом и острым привкусом унижения. Она изо всех сил старалась не походить на свою мать, но все же некоторые уроки нельзя было не усвоить. Знакомый вопрос «Что подумают соседи?» застрял в мозгу и отказывался сдвинуться с места.

Будут судачить. Будут гадать, как долго длился этот роман. Решат, что Колин обманывал ее в течение многих лет. В конце концов, его работа связана с постоянными разъездами. Она получит сочувствие, заботливое внимание друзей, но другие жены отвернутся от нее. Не захотят, чтобы рядом ошивалась разведенная женщина. Мужья будут смотреть на нее и гадать, что она такого сделала, что заставило Колина сбиться с пути. Будут расспрашивать ее мужа о том, где и как все происходило, опосредованно переживая его приключения.

Дине страстно хотелось забраться обратно в постель и начать утро заново. Вот бы вовсе не находить эту фотографию, подумалось ей.

Тогда она и не узнала бы... Но время вспять не повернешь, и ей пришлось смириться с реальностью предательства Колина.

Она уставилась на обручальное кольцо на левой руке. Крупный камень в центре сверкал даже в тусклом освещении. Каждые три месяца она старательно чистила кольцо, проверяла зубцы, чтобы убедиться, что они не разболтались. Она была так внимательна ко множеству разных вещей. Она была дурой.

Дина стянула кольцо с пальца и швырнула через коридор. Оно отскочило от стены и выкатилось на середину полированного деревянного пола. Женщина закрыла лицо руками и разрыдалась.

Бостон Кинг поставила тюльпаны на небольшой, расписанный вручную столик, который принесла из гостевой спальни. Столешница была белой, ножки – бледно-зелеными. Много лет назад она нанесла цветочный узор по краям, идеально сочетающийся с живыми цветами. Теперь она перебирала тюльпаны, пытаясь создать эффект случайного беспорядка.

Она поправила длинный темно-зеленый лист, сместила лепесток, придвинула желтый тюльпан ближе к розовому. Удовлетворившись результатом, подняла столик и поставила его так, чтобы на него падал яркий солнечный луч. Затем уселась на табурет, взяла блокнот и начала рисовать.

Ее рука двигалась быстро и уверенно. Разум прояснился, когда она сосредоточилась на формах, контрастах и линиях, замечая отдельные фрагменты каждого объекта. Кусочки целого, с улыбкой подумала она, вспоминая одного из своих учителей, который говорил: «Мы смотрим на мир на молекулярном уровне. Видим строительные блоки, а не конечный результат».

На странице возник первый цветок. Импульсивно она потянулась за кусочком мела, думая, что сможет запечатлеть чистоту желтого лепестка. Когда она поднесла его к бумаге, ее браслет с подвесками знакомо звякнул. Она закрыла и снова открыла глаза.

Серый. Она выбрала серый, а не желтый. Самый темный из набора, почти черный, но не совсем. Кусок был коротким и потертым, но заостренным. Она всегда держала его заостренным. Затем ее рука снова задвигалась – быстрее, чем прежде. Линии получались будто сами собой, движения были почти привычными.

То, что было цветком, стало чем-то гораздо более прекрасным, гораздо более драгоценным. Еще несколько штрихов, и она увидела лицо младенца. Лиам, подумала она, водя рукой по рисунку, смазывая и смягчая четкие линии, пока они не стали такими же сонными, как изображенный мальчик.

Она нарисовала несколько деталей фона, посмотрела на результат. Да, ей удалось его изобразить: изгиб щеки, обещание любви в полужакрытых глазах. Ее лучший рисунок мальчика. Бостон написала свои инициалы и дату в правом нижнем углу листа, вырвала его из блокнота и положила поверх других рисунков. Взяв кружку с белым чаем, подошла к окну и уставилась на сад за домом.

По краю участка росли ели. Перед ними танцевала на послеполуденном ветру восковница калифорнийская^[6]. Прошлой зимой растения пережили большую бурю. Покачивались последние тюльпаны – их обещание весны уже исполнилось. В течение следующей недели или около того она посадит остальную часть сада. Бостон наслаждалась свежими овощами, хотя и не разделяла одержимость своей соседки Дины выращиванием собственной еды при любой возможности.

Она проникалась молчанием, скорее чувствуя, чем слыша ровное биение своего сердца. Вот что она испытывала в эти дни – молчание. Не тишину. Тишина обладала успокаивающим свойством. В тишине она могла обрести покой. В тишине было только отсутствие звуков. Бостон повернулась и пошла в переднюю часть дома. С грохотом завелся большой фургон на подъездной дорожке Энди. Он стоял там с раннего утра. Зик рассказывал ей о планах новой соседки хранить большую часть мебели в спальне наверху и жить в мансарде во время ремонта. Бостон не завидовала грузчикам, таскавшим вверх по узкой лестнице тяжеленную мебель. Будто вызванный силой мысли, ее муж на потрепанном красном пикапе обогнул отъезжающий грузовик и подъехал к дому. Она смотрела, как он припарковался, вышел и пошел к боковому входу.

Его походка была такой же легкой и грациозной, как и в первый раз, когда она его увидела. Тогда ей было всего пятнадцать – новенькая второкурсница старшей школы на материке. Это была первая неделя занятий, и она цеплялась за друзей, как брошенная в джунглях обезьянка, оставшаяся без матери. Он был выпускником. Красивый.

Сексуальный. Игрок футбольной команды. Несмотря на жаркий сентябрьский день, он с гордостью носил свой леттерман^[7].

Она бросила на него единственный взгляд и накрепко влюбилась. В тот же момент поняла, что он – тот самый. Ему нравилось поддразнивать ее, говоря, что у него это заняло больше времени: только поговорив с ней минут десять, он смирился со своей судьбой.

С тех пор они были вместе. Поженились, когда ей было двадцать, а ему двадцать два. Их любовь никогда не угасала, и они были так счастливы вместе, что поначалу не стали заводить детей. Ей нужно было сделать карьеру, а он занимался своим бизнесом. И был целый мир, который стоило посмотреть. Их жизнь была идеальной.

– Привет, детка, – окликнул Зик, входя в кухонную дверь. – Наша соседка приехала.

– Я видела.

Он вышел из кухни и направился к ней. Его карие глаза, как всегда, смотрели ласково, но теперь еще и настороженно. Потому что в последние шесть месяцев их отношения, кажется, начали буксовать.

«Все свелось к чувству вины», – подумала она, крепче сжимая кружку с чаем. Умом они понимали, что ни один из них не виноват, но в глубине души... Ну, она не могла говорить насчет его сердца, но ее стало абсолютно пустым. В последнее время она начала задаваться вопросом, способна ли любовь выжить в черной дыре.

– Этот ремонт серьезно повлияет на нашу прибыль в этом году, – сказал Зик. – Будь поприветливей, слышишь?

– Я всегда приветлива, – улыбнулась она.

– Просто говорю, что тебе, возможно, лучше отложить разговоры о силе, которая исходит от земли, пока мы не обналичим чеки.

Бостон закатила глаза.

– Я только один раз отпраздновала летнее солнцестояние, и то просто из вежливости по отношению к моему другу из художественного класса, в котором я преподавала.

– Ты иногда кажешься людям странной.

– Деревенщина.

– Эксцентричная особа. – Зик поцеловал ее в щеку. – Пойду заберу манатки.

Он вышел на улицу и пошел к грузовику. Бостон взглянула на часы и отметила, что для ужина еще слишком рано. Стояла хорошая погода,

и она подумала, что можно просто приготовить гамбургеры на гриле. Первый раз в сезоне. В прошлые выходные Зик вытащил высокотехнологичное чудовище из нержавеющей стали, и ему не терпелось запустить его.

Она решила, что можно приготовить салат. Может, стоит пригласить Энди. Новая соседка, должно быть, измотана после тяжелого переезда, и Бостон знала, что в ее доме нет ничего даже отдаленно похожего на нормальную кухню.

Зик вернулся с охапкой планов и контрактов. В одной руке он держал ланчбокс, в другой – маленькую коробочку.

Она улыбнулась.

– Это мне?

– Не знаю. Я купил это для самой красивой девушки в мире. Это ты?

Пусть что-то и шло не так, но Зик всегда так старается, подумала она. Он был таким заботливым, регулярно приносил ей маленькие подарки.

Сами подарки не были дорогими: новая кисть, цветок, винтажная заколка для волос. За все годы, что они были женаты, он изо всех сил старался дать ей понять, что думает о ней, что она важна для него. Во многом именно это скрепляло их брак.

Она потянулась за коробкой, но он развернулся, держа ее вне досягаемости.

– Не так быстро, юная леди.

Зик отложил бумаги и медленно протянул ей коробочку.

Она взяла ее, позволив предвкушению нарастать.

– Бриллианты? – спросила она, зная, что они оба ими не интересовались.

– Черт возьми. Ты хотела бриллианты? Но это – новый грузовик.

Несмотря на поддразнивание, его голос как-то изменился. Она подняла взгляд и увидела в его глазах нерешительность. Бостон медленно открыла коробку и прикипела взглядом к крошечным розовым пинеткам.

Они были сшиты из тончайшего трикотажа, с небольшой кружевной отделкой и изящными завязками. Милые, девчоночьи. От одного взгляда на них у нее сжалось в груди. Она не могла дышать. Все тело похолодело, коробочка с пинетками выскользнула из рук.

– Как ты мог? – спросила она едва слышным шепотом.

Боль прошла ее, пронзая и рассекая на части. Она отвернулась, полная решимости крепко удерживать монстра, который был ее болью, в клетке.

Зик схватил ее за руку.

– Бостон, не отгораживайся от меня. Не отворачивайся. Поговори со мной, милая. Мы должны поговорить об этом. Прошло уже шесть месяцев. У нас все еще может быть семья. Другой ребенок.

Она высвободила руку и уставилась на него.

– Наш сын умер.

– Думаешь, я это забыл?

– Ты ведешь себя так, будто забыл. Говоришь о шести месяцах так, словно это целая жизнь. Ну так вот, это не так. Полгода – это совсем немного. Я никогда его не забуду, слышишь? Никогда.

Она увидела, как из глаз мужа исчезает нежность, сменяясь чем-то мрачным.

– Ты продолжаешь, – сказал он ей. – Продолжаешь отгораживаться от меня. Но мы должны двигаться дальше.

– Вот и двигайся дальше, – ответила она, и ее охватило привычное оцепенение. – А я останусь там, где я сейчас.

Смирение прочертило морщинки вокруг его рта.

– Как всегда, – сказал он. – Отлично. Хочешь продолжать – пожалуйста. Я уйду. Когда вернусь – не знаю.

Зик заколебался, прежде чем отвернуться, словно ожидал, что она попросит его не уходить. Бостон плотно сжала губы, желая побыть одной, нет, нуждаясь в одиночестве. Зик уходил, чтобы напиться, и ее это вполне устраивало. Она пряталась от реальности в своем искусстве, а он – на дне бутылки. Так они справлялись с болью.

Он покачал головой и вышел. Через несколько секунд она услышала, как завелся мотор грузовика.

Когда звук двигателя затих вдали, Бостон вернулась в мастерскую. Внутри она не обратила внимания ни на свет, льющийся сквозь высокие окна, ни на самодельные стеллажи, тщательно сконструированные в соответствии с ее требованиями, ни на мольберты и пустые холсты, ожидающие своей судьбы. Вместо этого ее взгляд упал на портреты Лиама. Ее сына.

Крошечные наброски и портреты в натуральную величину. Рисунки и акварели. Она использовала все материалы, все средства. Нарисовала сотни картин, может быть, тысячи. После похорон Лиамы она могла рисовать только его. Это было все, что она хотела создавать.

И теперь, когда ее сердце все еще колотилось, а тело оставалось ледяным, Бостон взяла блокнот для рисования и карандаш. Уселась на любимый табурет и начала рисовать.

Глава 3

Дина сидела в своей машине, припаркованной на стоянке.

На северо-запад Тихоокеанского побережья пришла весна. Молодые листики отражали солнечные блики, кусты покрылись бутонами. В городском парке росла мягкая зеленая трава, еще не вытоптанная детьми, которые скоро придут туда играть.

Она потянулась за купленным стаканчиком кофе и поняла, что ее слишком сильно трясет, чтобы удержать его, не говоря уже о том, чтобы поднести ко рту. Трясло ее последние два дня. Она дрожала, не ела и пыталась понять, как спасти разбитые остатки своей когда-то идеальной жизни. Дина то винила себя, то хотела убить Колина. Она плакала, визжала, а когда дети были рядом, делала вид, что абсолютно ничего не случилось. И вот она придумала план.

На пассажирском сиденье рядом с ней лежало несколько листов бумаги. Заметки, которые она сделала, номера телефонов и статистика. У нее были все документы девочек и копии их с Колином совместных банковских выписок.

Ее возможности были ограничены. Если честно, она не хотела развода. Замужество было ее мечтой, частью ее личности, и Колин не может отнять у нее еще и это. Поэтому она собиралась объяснить мужу, что может простить его, но забывать не собирается. Что ему предстоит очень постараться, если он хочет вернуть ее.

У нее имелось несколько козырей, которые она готова была использовать. Конечно, девочки. Его положение в обществе. Колина нравился остров, но если он не одумается, его подвергнут остракизму.

Голос в глубине сознания шептал, что, возможно, он не захочет отказываться от другой женщины. Может быть, семья его больше не интересует. Семья – в смысле она, Дина, потому что Колин, без сомнения, любил своих дочерей.

Она не стала обращать внимания на этот голос, зная, что он исходит из более слабой части ее самой. Ей нужна сила, и она будет сильной. Она знает, как поступить. Ей доводилось переживать вещи и похуже. Дина глубоко вдохнула и успокоилась настолько, чтобы взять кофе и сделать глоток. Как только Колин согласится прекратить свой роман, она будет настаивать на семейной терапии. Небрежно упомянет,

что у нее есть контакты нескольких хороших адвокатов. Адвокатов, которые не считают, что заблудший отец заслуживает проводить много времени со своими детьми.

Слава богу, с домом проблем нет. Он записан на нее, и так будет до самой ее смерти. Несколько раз за эти годы она подумывала о том, чтобы вписать имя мужа в документ, но так и не сделала этого. Теперь она была этому рада. Дина взглянула на часы. Около часа назад, зная, что Колин находится недалеко от дома, она отправила ему сообщение. Написала, что знает о другой женщине, и попросила встретиться с ней в парке. Этот разговор нужно провести наедине, а с пятью девочками в доме уединение было редкостью. Мэдисон пошла к подруге, и Дина наняла няню, чтобы та посидела с остальными четверьмя.

Потрепанный седан Колина остановился рядом с ее внедорожником. Дина поставила кофе и потянулась за папками. Когда пальцы сомкнулись на дверной ручке, Дину затопил гнев. Холодная, густая ярость, от которой ей захотелось нападать, резать и ранить. Как он посмел? Она потратила жизнь, служа своей семье, и вот что он с ней сделал? Дина глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Она должна сохранять ясность ума. Должна быть в состоянии думать. Должна держать себя в руках.

Колин вышел из машины и посмотрел на нее поверх крыши. Он оставался в своем синем костюме, хотя сменил рубашку и галстук. Воодушевленная справедливостью своей позиции, она открыла дверь.

– Привет, Дина.

«Привет»? Не «Мне очень жаль»? Она сжала губы и кивнула, затем направилась к скамейке на газоне. Села сбоку, откуда открывался вид на пролив. Сможет полюбоваться, пока Колин будет пресмыкаться.

Он сел напротив. Взгляд голубых глаз остановился на ее лице. Она ждала, готовая к объяснениям, извинениям. Надеялась увидеть хоть немного страха в его глазах. Нет, мрачно подумала она, много страха.

Но страха не было. Во всяком случае, Колин выглядел как обычно. Конечно, он устал от поездки. Если бы ей пришлось выбирать вторую эмоцию, это была бы покорность судьбе. Она бы могла сказать, что он выглядел решительным, но это не имело смысла.

Он кивнул на папки, которые она держала в руках.

– Ты подготовилась.

– Да.

Он наклонился к ней, положив локти на стол.

– У меня нет интрижки на стороне. Никогда не было.

– Я видела фотографию.

– Ты видела фотографию – и только.

Она отстранилась и расправила плечи.

– Если ты собираешься играть в слова, разговора у нас не получится.

– На фотографии я с коллегой. Весь офис праздновал. Вэл только-только обручилась. Несколько недель назад ее парень вел себя странно. Она думала, что он собирается с ней расстаться, но я посоветовал ей держаться. Оказывается, он готовил романтический уик-энд за городом, чтобы сделать ей предложение. На фотографии она благодарит меня.

– Поцелуем?

– В щеку, Дина. Она еще ребенок. Я не изменял тебе.

Она увидела в его глазах правду. Колин никогда не был большим лгуном. Хорошее качество в муже, подумала она, когда облегчение сменилось страхом. Папки, которые она держала в руках, вдруг показались ей тяжелыми, мешающими.

– Ты мог бы хоть что-нибудь сказать, – пробормотала она, понимая, что должна извиниться перед ним.

– Ты тоже могла бы, – он выпрямился и внимательно посмотрел на нее. – Мне жаль, что ты считаешь меня мужчиной, который склонен к изменам.

– Я не знала, что еще это может быть, – призналась она, чувствуя себя неловко из-за того, что была не права. – Ты все время в разъездах по работе. Ты целуешься с другой женщиной, все время уходишь...

– Я не виноват, что ты все неправильно поняла, – сказал он.

– Знаю.

Она подумала, что вела себя как идиотка. Ей пришлось объясниться и признать свою вину. Вот как оно бывает.

– Я просто...

Слова застряли у нее в горле.

Она замолчала, и внезапно заговорил Колин.

– Нет. – Он уставился на нее. – Нет, этого недостаточно.

– Что?

– Ты так и не извинилась. Снова.

Она напряглась.

– Колин!

– Мне это надоело. Насчет тебя, нас. Я недоволен нашим браком. Давно недоволен.

Она моргнула, словно сказанное ударило ее прямо в грудь. Открыла рот, но не смогла придумать, что сказать.

Выражение его лица стало напряженным.

– Я устал, Дина. Устал от тебя. Тебе нет дела ни до меня, ни до наших отношений. Не уверен, что тебя волнует что-либо, кроме того, как добиться своего и как все будет выглядеть со стороны. Черт возьми, похоже, тебе не нужно, чтобы я был рядом. Тебе нужна моя зарплата, а потом ты хочешь, чтобы я не мешался под ногами.

Жар обжег ей щеки, страх сковал грудь и отнял дыхание.

– Ты думаешь, я не замечаю, как ты нетерпелива всякий раз, когда я пытаюсь провести время с девочками? Ты заставляешь всех нас чувствовать себя нежеланными гостями в нашем собственном доме. Угодить тебе просто невозможно. Ты постоянно гнобишь девчонок, суешь нос в мои дела. Ты господствуешь в доме и чертовски ясно даешь понять, что мне там не рады.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – прошептала она, пораженная неожиданным нападением. – Это неправда.

– В самом деле? Ты действительно так считаешь? Тогда проблема серьезнее, чем я думал. – На мгновение он замолчал. – Я считал, что все наладится. Что ты поймешь, что творишь. Но ты этого не сделала и не сделаешь. Может быть, я боялся последствий, не знаю. Как бы то ни было, я устал ждать.

Он встал и посмотрел на нее сверху вниз.

– Уверен, что в твоих папках достаточно информации, Дина. Не знаю, планировала ли ты напугать меня до смерти или сказать, чтобы я убирался. Я не так расчетлив и предусмотрителен, но скажу вот что: мне нужен настоящий брак. Я хочу чувствовать, что мне рады в моем собственном доме. Я устал оттого, что ты командуешь всеми и обращаешься с дочерьми как с собаками, которых нужно приучать к дому, а не с детьми, которых нужно воспитывать. Отныне все изменится – или наш брак закончится.

Кажется, он говорил что-то еще, Дина не была уверена. Она лишь чувствовала, что замерзла и не может дышать, что у нее болит живот.

Она попыталась встать и не смогла. Папки упали на землю. Бумаги разлетелись.

Он ошибается. Он не прав! Слова повторялись снова и снова – неправильные и жестокие. Дина ненавидела его, ненавидела все это. Ей наконец удалось встать со скамейки. Она повернулась, чтобы сказать Колину об этом, но он уже ушел. Она увидела, как его машина отъехала и исчезла за поворотом. Дина осталась одна.

Бостон погрузила руки в прохладную почву и пошевелила пальцами в рыхлой земле. Рядом выстроилась рассада: нежные пучки, которые вырастут в крепкие растения. Большую часть сада она засекала семенами, но последние несколько лет экспериментировала с выращиванием овощей из рассады. Зик даже построил для этого небольшую оранжерею. В прошлом году она добилась успеха с помидорами, в этом добавила брокколи и капусту.

Она потянулась за первым растением, но села на пятки, услышав, как на подъездную дорожку въехал грузовик. Это не муж, подумала она. Ее шурин – Уэйд. Скорее всего, прибыл, чтобы заступиться за Зика. Ох уж эти старшие братья! Уэйд не мог удержаться, чтобы не встать между Зиком и неприятностями, как не мог изменить цвет своих глаз или рост. Бостон передвинулась и села на траву, скрестила ноги в ожидании. Секунд через тридцать Уэйд вышел из-за угла дома и увидел ее.

– Так и знал, что ты будешь в саду, – сказал он, подходя.

Бостон посмотрела на него. Братья были примерно одного роста, шесть футов два дюйма, с темными волосами и глазами. Сильные, добродушные и преданные до глубины души. У них были причуды, в которых они не признавались, и страсть к спорту, которую она никогда не понимала. Но каждый год она устраивала небольшой семейный праздник в честь завершения футбольного сезона.

Уэйд устроился рядом, вытянув длинные ноги. На нем были джинсы, поношенные рабочие ботинки и клетчатая рубашка. Никакой куртки. Братья Кинг были крепкими и почти не носили верхнюю одежду вплоть до наступления холодов. Бостон знала Уэйда почти так же давно, как и его брата. Если она правильно помнила, Зик отвез ее домой, чтобы познакомить с семьей, после их второго свидания. За салатом и спагетти он объявил, что однажды женится на ней. Стоит

отдать должное его родителям: никто из них и глазом не моргнул, услышав это заявление. Вероятно, они предполагали, что в юности любовь недолговечна.

– Он думает, что ты злишься, – непринужденным тоном сообщил Уэйд.

– Разве не он должен вести этот разговор? – поинтересовалась она.

– Ты же знаешь, Зик ненавидит ссоры.

– А ты – нет?

Уэйд одарил ее знакомой улыбкой.

– Я слишком тебе нравлюсь, чтобы ты на меня орала. Кроме того, я невинный свидетель.

– Я люблю Зика, и мне очень удобно кричать на него.

– Конечно, именно поэтому я здесь вместо него. Он не знает, как до тебя достучаться. Говорит, что иногда ему кажется, будто тебя вовсе нет.

Точная оценка, подумала она. Каждый свободный уголок ее сердца наполнен болью. Боли так много, что она больше ничего не могла ощущать. И поскольку боль поглотила ее, она сознательно предпочитала вообще ничего не чувствовать. Бостон скучала по своему прекрасному мальчику в полном одиночестве, в эмоциональном вакууме – там он всегда улыбался, был счастлив и лишь слегка недостижим.

Она ткнула пальцем в разрытую землю.

– Это не твоя битва, Уэйд.

– Скажи мне, что Зик может вернуться домой. Я устал оттого, что он спит у меня на диване.

– Ему вообще не нужно было уходить.

Уэйд приподнял левую бровь. Она вздохнула.

– Не моя вина, что он предпочел сбежать, вместо того чтобы сражаться. Я готова взять это на себя.

– Ты? Он говорит, проблема в том, что ты бездействуешь. – Беспокойство омрачило его взгляд. – Вы уже потеряли Лиаму. Не теряйте друг друга.

Бостон сумела не вздрогнуть, услышав имя своего сына.

– Меня он не потеряет, – сказала она, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно, иначе Уэйд догадается о правде. – Я буду любить Зика до самой смерти. А он рассказал тебе, что именно он мне сказал?

Уэйд посмотрел на нее.

– Он прав, Бостон. Если у вас будет другой ребенок...

Она вскочила на ноги и покачала головой.

– Прекрати! Ты не имеешь права так говорить. У тебя есть дочь – красивая и здоровая. Ты не можешь указывать мне, когда я должна быть готова.

Она сделала шаг назад, потом еще один.

Уэйд поднял обе руки.

– Прости. Ты права. Я не должен был так говорить, упоминать это. – Бостон сделала глубокий вдох. Уэйд подошел и обнял ее. Она устроилась поудобнее, молчаливо принимая его извинения. Шурин поцеловал ее в макушку. – Не злись на него. Он тебя любит. Я тоже тебя люблю. Просто немного иначе.

Это была старая семейная шутка. Милая и приятная. Она закрыла глаза и кивнула.

– Я тоже люблю тебя, только иначе. Отправь его домой. Все в порядке.

– Ты уверена?

– Если он будет здесь, я смогу более тщательно мучить его.

– Вот это моя девочка. – Он отпустил ее. – Я беру на себя работу у Гордон.

– В доме по соседству? Не Зик?

– Мы с ним решили, что я больше подхожу для этого проекта.

Она посмотрела на Уэйда и подняла брови.

– Конечно, подходишь. Уверена, это был долгий и вдумчивый разговор, и ни слова о том, что Энди Гордон – симпатичная, одинокая и у нее отличная задница.

– Моя работа – это сплошная боль. Я делаю все, что в моих силах.

– Ты законченный и неисправимый кобель.

– Не совсем, но я действительно хочу заценить новую соседку. – Он подмигнул. – У меня с утра назначена встреча. Пожелай мне удачи.

– Даже не подумаю. И отправь моего мужа домой.

Уэйд махнул рукой в знак согласия и направился к своему грузовику.

Бостон вернулась к своим посадкам.

Зик вернется, они поговорят, и жизнь снова пойдет своим чередом. В какой-то момент ему придется признать, что она не готова к

следующему шагу. Ее сердце разорвано на столько частей, что, возможно, никогда уже не станет целым. Люди исцеляются по-разному и в разные сроки. Ее вполне устраивало, что он готов двигаться дальше. Ей почти хотелось походить на него. Почти. Потому что правда заключалась в том, что не отпустить прошлое значило как бы оставаться рядом со своим умершим ребенком. В ее боли Лиам всегда был с ней – именно там, где ему и место.

Дина не знала, сколько времени просидела в парке. Когда она наконец заставила себя пошевелиться, ее била дрожь. Возможно, из-за того, что на улице похолодало, а может, из-за чего-то, что засело глубоко внутри.

Слова Колина продолжали терзать ее. Встав, она словно ощутила, как из невидимых ран сочится кровь.

Он не прав, сказала она себе, возвращаясь к внедорожнику. Как он может так о ней думать? Она любит детей. Она посвятила семье всю свою жизнь, всю себя. Вся ее жизнь определяется этими отношениями, ее любовью к семье. Дина завела двигатель и медленно поехала назад к дому. Когда она поворачивала, папка соскользнула с сиденья и бумаги рассыпались по коврику под пассажирским местом.

«Я была так уверена в его измене, – с горечью подумала она. – Так подготовились. Знала, что скажу и чего потребую...» Теперь ей оставалось только бороться, и она была не в силах понять, что именно пошло не так.

Унижение пронзило насквозь, опалая кожу. Говорил ли он об этом с девочками? Знали ли они о том, что произошло? Дина могла предположить, что Мэдисон обрадуется. Но другие дочери – младшие, близнецы. Они были ее детьми, любили ее, она была их матерью.

Вдруг Дина поняла, что теперь она уже не так в этом уверена, как час назад. Как будто кто-то поднял весь ее мир и встряхнул, а потом поставил обратно. И хотя все было на своих местах, швы уже не были прямыми, а края не совпадали.

Она повернула за угол и начала подниматься на последний холм. В поле зрения появились «Три сестры». Вид ее дома, так прекрасно отреставрированного, обычно успокаивал. Но не сегодня. Не сейчас.

Очевидно, она просидела в парке не так долго, как ей показалось, потому что Колин все еще был на подъездной дорожке. Все пять

девочек столпились вокруг, обнимали его и болтали, каждая из всех сил старалась стать той, кто понесет его чемодан.

Она замедлила шаг, затем остановилась на улице и смотрела, как ее дети улыбаются своему отцу. Они были так рады его видеть. Она слышала их возбужденные голоса и смех. Девочки практически танцевали вокруг него.

Несколько дней назад эта сцена наполнила бы ее удовлетворением и гордостью. Столько отцов не интересовались своими детьми, но только не Колин. Он всегда участвовал в воспитании девочек. Теперь она поняла, что у него с самого начала был план. Он желал отобрать у нее все, чтобы причинить боль.

Дина подождала, пока они войдут внутрь, припарковалась рядом с его машиной и вошла в дом. Из кухни доносился громкий разговор, каждая из дочерей Колина стремилась завладеть его вниманием. Она поднялась по лестнице в их спальню и закрыла дверь.

Прислонилась к крепкой древесине и из всех сил старалась просто дышать. Она не будет плакать, сказала она себе. Не покажет, что он задел ее.

Она подошла к кровати и схватилась за один из угловых столбиков. Держалась, хватая ртом воздух.

Несправедливость вызвала у нее желание закричать. Дина всем пожертвовала ради Колина. Создала идеальную жизнь, на которую он теперь жаловался. Она была хорошей матерью. Хорошей! Как он смеет ее осуждать? Он уезжал каждую неделю. Она заботилась обо всех мелочах, ей приходилось справляться со всеми проблемами, в то время как он мог приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Этаким герой, который появляется лишь время от времени. Она же была родительницей, которая напоминала детям, чтобы они чистили зубы.

Желчная горечь подступила к горлу. Она вцепилась в резное дерево обеими руками, впиваясь ногтями в лакированную поверхность. Ее переполняла ненависть. Негодование и гнев смешались, превратившись в яд.

Будь он проклят, злобно подумала она. Будь они все прокляты.

Глава 4

Энди стояла перед кофеваркой.

– Давай, – пробормотала она. – Быстрее. Seriously, я в отчаянии.

Вода внутри забурлила, а затем потекла, словно волшебный темный эликсир. Энди поставила кружку на место кофейного кувшина и ждала, пока она наполнится до краев, а затем ловко вернула кувшин на место и сделала первый глоток.

«Это жизнь», – радостно подумала она, чувствуя, как горячая жидкость с кофеином стекает в горло. Жизнь, ее обещание и постепенное отступление сонной серости, окутывающей мозг. Энди откинула с лица волосы и попыталась напомнить себе, что любит этот дом. Она вырвала всю свою жизнь с корнем по причине, которая на тот момент казалась ей очень убедительной.

– Еще кофе, – сказала она вслух. – И тогда я вспомню, почему решила, что это хорошая идея.

Она пересекла чердачный этаж и выглянула в окно. Да, жить тесновато, но уж точно нельзя пожаловаться на открывающийся вид. Отсюда вся западная часть острова как на ладони, а за ней в лучах яркого утреннего солнца сверкает пролив. Прямо сейчас, с кофе в руке и без ужасающих проблем, способных взорвать ей мозг, она видела открывающиеся возможности. А это уже немало.

На подъездную дорожку въехал грузовик. Она смотрела вниз, гадая, кто решил навестить ее в восемь утра в субботу. Должно быть, это...

– Дерьмо, – сказала Энди, ставя кофе на подоконник и бросая взгляд на безразмерную футболку, в которой спала. – Два раза дерьмо.

Зик, ее подрядчик. У них назначена встреча. Она бы не забыла, если бы спала больше четырех часов за последние три ночи.

Она сорвала с себя футболку, натянула джинсы и застегнула лифчик. Схватив вчерашнюю блузку, сунула ноги в сандалии и поспешила вниз по лестнице. Задержалась на площадке второго этажа, чтобы натянуть и расправить блузку. Энди не принимала душ с тех пор, как приехала, а на голове у нее было что-то вроде прически на Хеллоуин. Она радовалась, что хотя бы почистила зубы. Цивилизация

требует стандартов. Возможно, ее стандарты невысоки, но она старается им соответствовать.

Она спрыгнула с последних трех ступенек и бегом направилась к двери, успев открыть ее как раз перед тем, как Зик постучал.

– Да ладно, – сказала она со смехом. – Вы приехали на машине? Вы же живете...

Она хотела сказать «по соседству», но слова замерли на языке, челюсть отвисла. Потому что парень, стоявший перед ней, не был Зиком Кингом, ее соседом и подрядчиком.

Зик был высоким, с темными волосами и приятной улыбкой. Симпатичным, на ее вкус. Так можно было описать и этого мужчину, но на этом сходство заканчивалось.

Его рост отличался от роста Зика максимум на полдюйма, но он выглядел выше. Волосы темнее, а улыбка ярче. Сексуальнее, подумала она, осторожно закрывая рот и отчаянно жалея, что не приняла душ и не нарядилась. Что не надела тот прекрасный костюм, в котором она смотрится так, будто у нее действительно есть фигура и – да-да – грудь.

– Доброе утро, – поздоровался мужчина низким хриловатым голосом.

Она слегка поджала пальцы ног. Жаль, что без педикюра.

– Ты, должно быть, Энди Гордон. Я Уэйд Кинг. Брат Зика.

У Зика есть брат?

Вокруг глаз Уэйда залегло несколько морщин, делавших его лицо более выразительным. Энди предположила, что он на пару лет старше Зика. Если бы она не потратила последние десять лет на то, чтобы ее сердце растоптал никчемный придурок, бросивший ее у алтаря и две недели спустя женившийся на своей секретарше, она бы поинтересовалась, холост ли Уэйд.

– Энди?

– Что? Извини. – Она покачала головой. – Я задумалась. Входи.

Она отступила назад, пропуская его в дом.

– О чем? – спросил он.

– Прошу прощения?

– Ты сказала, что задумались.

– О, точно. Я не выпалась. У меня тут летучие мыши.

Уэйд рассмеялся. Она вдруг нашла его чуть менее сексуальным.

– Я не шучу. Здесь летучие мыши и нет горячей воды. Днем отсутствие горячей воды для меня – большая проблема. Но хуже то, что летающие грызуны не дают мне спать по ночам.

Он бросил свой потертый рюкзак на пыльный пол.

– Ты действительно ненавидишь летучих мышей.

– Я ненавижу все, что попадает мне в волосы в три часа ночи. Я отбивалась от них метлой.

– Я бы заплатил деньги, чтобы увидеть это.

– А я бы заплатила, чтобы они исчезли. Знаешь, какой процент летучих мышей переносит бешенство?

– Не знаю.

– Он действительно высокий.

Его губы дрогнули.

– Только если у тебя их достаточно много.

Она уперла руки в бока.

– Зачем ты пришел?

– Я твой подрядчик. Уэйд Кинг. Ты и впрямь устала.

– Я помню твое имя. Ты – брат Зика. Вы работаете вместе?

– Да. «Строительная компания Кингов». Никакой связи.

– Что?

– «Строительная компания Кингов». «Кинги из Калифорнии». – Его тон стал услужливым. – Они имеют большое влияние в... неважно. Мы с Зиком всегда работаем вместе. Будем приходить и уходить, но здесь главным буду я. – Он раскрыл рюкзак. – У меня с собой планы. Готова взглянуть? Я знаю, что ты встречалась с Зиком сразу после того, как сделала заказ, но я хочу все подтвердить, прежде чем мы начнем глобальную перестройку в понедельник.

– Можно мне горячую воду и без летучих мышей?

Он одарил ее такой улыбкой, что у нее подкосились колени.

– Конечно. Я позабочусь и о том, и о другом.

– Тогда я с удовольствием взгляну на планы.

В начале одиннадцатого Энди встала под струи горячей воды и решила, что никогда больше не будет ни о чем просить или жаловаться. Душ казался раем. Она смыла с волос пену, потянулась за гелем для душа с ароматом праздничного торта и выдавила на ладонь щедрую

порцию. Сладкий запах окутал ее, прогоняя остатки усталости. Пока есть горячая вода и кофе, она может быть счастлива.

Двадцать минут спустя Энди переделась в чистую одежду и расчесала мокрые волосы. Пошла на звуки ругани на третий этаж и постояла, наблюдая, как ее работяга-подрядчик обнаружил, что она не лгала насчет летучих мышей.

– Вот видишь?

– Не самое подходящее время для самодовольства, – заметил он, махнув чем-то похожим на сачок для бабочек в сторону темного угла помещения, которое она считала своей гостиной.

– Почему бы и нет. Ты же мне не поверил. О, и я не шутила насчет бешенства. Не позволяй им себя укусить.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– План как раз и состоит в том, чтобы не оказаться покусанным.

Что-то темное соскользнуло со стропил. Уэйд взмахнул сетью и поймал тень прежде, чем она успела скрыться за большим шкафом у стены. Энди пришлось признать, что ее весьма впечатлили его координация движений и рельеф мышц, проступавших под поношенной футболкой.

В сетке трепыхалась летучая мышь. Уэйд прижал отверстие сачка к стене, чтобы она не смогла выбраться.

– Подержи, пожалуйста.

Энди взялась за ручку, пока он натягивал перчатки.

– Ты же не собираешься ее убивать?

– Нет. Собираюсь отнести ее к деревьям и отпустить. Я обнаружил здесь только ее, так что выпустим – и с тобой все будет в порядке.

– Хорошо. – Она вздрогнула. – Надеюсь, она тебя не укусит.

Он вскинул бровь.

– Я тоже.

Она посмотрела в окно. Уэйд вышел на лужайку с проплешинами и направился к роще. Секундой позже что-то затрепетало в листьях, а он пошел назад к дому.

«Впечатляет», – подумала Энди и пожалела, что не позвонила подрядчику после первой ночи. Она могла бы избавиться от летучей мыши гораздо раньше.

Она налила им по чашке кофе и устроилась за маленьким столиком. Уэйд присоединился к ней и вытащил из рюкзака планы.

Они сидели достаточно близко, и Энди вдыхала чистый запах мыла и кондиционера для белья. Темные глаза Уэйда вобрали в себя тысячу оттенков коричневого с крошечными золотыми крапинками. Ее взгляд остановился на его губах, и она задумалась, хорошо ли он целуется. Не то чтобы она могла об этом судить: она целовалась с Мэттом десять лет, и только посмотрите, к чему это привело.

– Это план первого этажа.

Он пододвинул бумагу и развернул план входной дверью к ней. Она наклонилась и стала рассматривать комнаты. Приемная, стойка регистрации, служебное помещение, обеденный зал, три процедурных кабинета, подсобки. Уэйд говорил об окнах и освещении, о материалах, которые они будут использовать. О том, что нужно будет подобрать цвета и выбрать светильники.

– Несколько лет назад мы проводили реконструкцию в клинике доктора Харрингтона, – сказал он. – Ты с ним встречалась?

– Да. Я буду работать там, пока мой собственный офис не будет готов. Начинаю в понедельник.

– Будет возможность – осмотришься там. Мы сделали несколько встроенных модулей на заказ, и они очень нравятся медсестрам. Можно сделать у тебя такие же.

Она посмотрела на Уэйда.

– Самое главное, о чем нужно помнить, – я имею дело с детьми. Хочу, чтобы им было удобно и приятно, особенно если они больны. Обстановка не должна усугублять ситуацию, пугая их. Нужны яркие, дружелюбные цвета.

Он откинулся назад и ухмыльнулся.

– Теперь ты говоришь как моя невестка, – он указал на соседний дом. – Бостон.

– О, точно. Зик – ее муж. Я познакомилась с ней в начале прошлой недели. Она такая милая.

– Так и есть. И еще она художник. Может быть, вы с ней обсудите, что делает один цвет дружелюбнее другого.

Она изучающе посмотрела на Уэйда, отметив, что вокруг его глаз собрались веселые морщинки.

– Издеваешься?

– Чуть-чуть. Есть немного времени, прежде чем мы будем готовы к покраске.

– Я обязательно приму решение в ближайшую пару недель.

Они поговорили о логистике – какие стены предстоит снести и насколько сильный будет беспорядок. Уэйд заверил ее, что она сможет жить в доме на протяжении всего строительства, и она ему почти поверила. Энди утвердила даты поставки различного оборудования и дала ему список приборов и приспособлений, которые уже выбрала.

– Я буду сообщать свежие новости почти каждый вечер, – сказал он ей. – Обычно я ухожу с работы последним.

– Работающий босс, – пробормотала она. – Впечатляет. А твое долгое отсутствие не беспокоит семью?

– Они привыкли.

Энди тихо вздохнула. Вот и вся информация в ответ на попытку узнать, женат он или нет. У среднестатистического шестнадцатилетнего парня было больше опыта в свиданиях, чем у нее. Она лишь хотела знать, был ли Уэйд так же хорош, как выглядел. О, и, конечно, женат ли он.

Не то чтобы она стремилась к отношениям. Энди переехала на остров с мыслью, что проведет остаток жизни, принеся обет безбрачия. В конце концов, она не будет скучать по мужчинам. В самом деле, как можно тосковать по тому, чего у тебя никогда по-настоящему не было? Она и Мэтт не вели бурную сексуальную жизнь, хотя сейчас нечто большее, чем просто отход ко сну каждый второй субботний вечер, звучало как развлечение. Но она не собиралась говорить об этом вслух или даже думать. Эта часть ее жизни закончилась. Она движется дальше – на более высокий духовный план.

– Энди?

Она моргнула и поняла, что Уэйд пристально смотрит на нее.

– Хм?

– Ты в порядке?

– В порядке. Немного раздражена после ночей с летучей мышью.

– Кто угодно был бы раздражен. – Он встал. – Пойдем. Покажу, где я прикидывал разместить кухню.

Увы, это было самое волнующее приглашение, которое она получила за последнее время.

Воскресным утром Дина задержалась на верхней площадке лестницы. Слушала смех и разговоры, доносившиеся из кухни. Так

было всегда. Независимо от рабочего графика, по воскресеньям Колин был дома. Он вставал рано и готовил завтрак для всей семьи. Иногда омлет, иногда оладьи. Однажды он даже сам испек булочки.

Девочки присоединялись к нему, усаживались на табуреты у кухонной стойки и рассказывали о том, как прошла неделя. Мэдисон и Люси помогали с готовкой, а Одри присматривала за близнецами.

Дина никогда не была поклонницей воскресного ритуала. Ей не нравилось, как Колин готовит. Он всегда устраивал такой беспорядок. Использовал все кастрюли и сковородки, которые оказывались под рукой. Повсюду оставались брызги и пятна, в раковине громоздились тарелки. Но больше всего ей не нравилось, что по утрам они все, казалось, были настроены против нее. Она, как мать, готовила все остальные блюда, но никогда не чувствовала себя комфортно на собственной кухне воскресным утром.

Теперь Дина заколебалась, не зная, стоит ли к ним присоединяться. Последние два дня они с Колином избегали друг друга. Он спал на диване, и это ее раздражало. Она так хотела сама вышвырнуть его из их спальни, но он не дал ей такого шанса. Теперь он вел себя так, будто больше ничего не изменилось.

Она считала, что это не так. Он выдвинул ультиматум, а затем ушел, бросив ее.

Дина потеряла пальцы, чувствуя, как пересохла и растрескалась кожа на костяшках. Она слишком часто мыла руки. Хуже того – это не помогало. Привычный ритуал не давал никакого утешения.

Ее охватил стыд. Стыд за свою слабость, за то, что она не контролирует семью и мужа. Если люди узнают, они станут смеяться над ней. Ей нигде не будет места.

Этого не должно случиться, сказала она себе. Она сильная и решительная. Она пережила и более сложные обстоятельства. Каким-то образом они с Колином придут к соглашению. Раньше всегда получалось. Просто сейчас у него такое настроение. Это пройдет. Что же касается девочек, она – их мать, и ничто не может этого изменить. Дина вздернула подбородок и начала спускаться по лестнице. Когда она приблизилась к кухне, голоса зазвучали громче. Раздался взрыв смеха. Она изобразила улыбку и вошла в широкий дверной проем.

Колин стоял у плиты. Близнецы и Одри расположились у стойки. Люси наливала сок, а Мэдисон стояла рядом с отцом.

Они все повернулись как один и посмотрели на нее. На счастливых лицах трех младших девочек отразилась вина. Люси выглядела так, словно хотела заползти в шкаф, в то время как Мэдисон свирепо уставилась на мать. Лицо Колина осталось непроницаемым.

Смех сменился тишиной. Дина переводила взгляд с одной дочери на другую, не видя никаких признаков приветствия. Она стиснула пальцы, но приказала себе стоять на своем. Колин повернулся к плите и перевернул несколько оладий.

– Почти готово, – сказал он.

– Я принесу сироп, – отозвалась Мэдисон.

Дина стояла в дверном проеме, невидимая и нежеланная, и перед ее глазами всплывали воспоминания о предыдущих воскресеньях. «Так было всегда», – подумала она, потрясенная осознанием. Тишина, когда она входит в комнату. Очевидные признаки того, что ей лучше просто уйти, что здесь ей не место.

Слезы жгли. Она сморгнула их, повернулась на каблуках и вышла. В коридоре остановилась, не зная, куда пойти. В груди все сжалось, и она поспешила вверх по лестнице. В спальне она тщательно закрыла и заперла дверь, затем прошла в ванную, включила горячую воду и потянулась за мылом.

В воскресенье днем Энди сидела на выдавшем виды и немного опасном крыльце. Она старалась избегать расшатанных досок и заноз, но день был слишком прекрасным, чтобы оставаться в помещении. Кроме того, в ее крошечном жилом пространстве больше не осталось дел. Она распаковала вещи, избавилась от летучей мыши и теперь просто ждала понедельника, чтобы с утра выйти на работу.

Бостон завернула за угол своего дома, увидела Энди и помахала рукой. Та помахала в ответ.

– Как дела? – спросила Бостон. Ее волосы вспыхнули на солнце пурпурными бликами.

– Хорошо. – Энди встала и спустилась по лестнице. – Я устроилась. Ремонт начнется завтра.

Бостон покачала головой.

– Тогда наслаждайся последним днем нормальной жизни. Я знаю, что порой разрушения необходимы, но смотреть на это тяжело.

– К счастью, меня не будет дома большую часть дня. Я временно работаю с доктором Харрингтоном. Это даст мне возможность познакомиться с потенциальными пациентами.

– А он не будет возражать, когда ты откажешься от его практики?

Энди усмехнулась.

– Вовсе нет. Он сказал мне, что рад, что на острове появится педиатр. – Она огляделась и понизила голос. – Думаю, он устал иметь дело с маленькими детьми и младенцами. У них, как правило, больше неотложных случаев. Ушные инфекции и все такое прочее.

Бостон кивнула, но ее взгляд скользнул куда-то в сторону.

– Правильно. – Она скрестила руки на груди. – Уэйд упоминал летучих мышей. Они больше тебя не беспокоят?

– Похоже на то, – Энди внимательно посмотрела на соседку. Она могла бы поклясться, что Бостон внезапно переменилась, но понятия не имела, что именно произошло. Прежде чем она успела придумать, как спросить об этом, входная дверь дома с другой стороны открылась и на крыльцо вышла привлекательная блондинка.

– Твоя вторая соседка, – пробормотала Бостон. – Дина Филлипс. У нее пять дочерей. Наверное, мне следует вас представить.

Энди уже собиралась согласиться, но тут Дина поднесла руку к щеке и провела по коже. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть слезы, но жест был очень характерным.

– Лучше в другой раз, – сказала Энди, отворачиваясь.

Бостон кивнула и сдвинула брови.

– Дина всегда такая сдержанная. Не могу представить, чтобы она плакала. Для слез ей бы пришлось на время отказаться от своего идеального образа. – Она поморщилась. – Прошу прощения. Это прозвучало стервознее, чем я хотела.

– Ничего, – отозвалась Энди, понимая, что жизнь на их маленькой улице может оказаться не такой простой и спокойной, как она представляла поначалу.

Глава 5

В понедельник утром Энди припарковалась за низким одноэтажным зданием и вышла из машины. В животе порхала целая стайка бабочек. Она могла подробно объяснить всю физиологию – работу синапсов, влияние адреналина и других химических веществ, выделившихся в кровь из-за ожидания потенциально неприятного события, но бабочки – это наиболее наглядный образ.

Энди особо тщательно подбирала одежду для первого рабочего дня. Сшитая на заказ блузка, заправленная в черные брюки. Удобные туфли на низком каблуке. Она заплела длинные вьющиеся волосы в косу и слегка подкрасила тушью ресницы. Задумалась насчет блеска для губ, но это показалось ей слишком вызывающим для работы, поэтому она выбрала бесцветный бальзам и решила, что выглядит достаточно презентабельно.

Она взяла женскую сумочку, медицинскую сумку и белый халат с надписью «Доктор Энди», напечатанной на кармане. Некоторых пациентов пугал белый халат, поэтому на том же кармане была вышита ярко-розовая гусеница. Сочетание яркой окраски и фиолетовых туфель на высоком каблуке на лапках насекомого производило желаемый эффект. Халат больше не вызывал опасение, а веселил. Расслабленный пациент – лучший результат. Энди делала все, чтобы действительно помогать детям.

Она подошла к главному входу и вошла внутрь.

Приемная была оформлена в нежных бежевых тонах. Там было много диванов и кресел, стопки журналов, из окна открывался вид на торговый центр через дорогу. «Типичная медицинская клиника», – подумала она, направляясь к стойке администратора.

Сидевшей там женщине с огненно-рыжими волосами было за пятьдесят. Она выглядела высокой, даже когда сидела, с броскими кольцами на нескольких пальцах и самыми длинными ресницами, которые когда-либо доводилось видеть Энди. Она сомневалась, что они были натуральными, как и цвет волос. Но улыбка женщины была теплой, и Энди вспомнила, что та была приветливой.

– Привет, Лаура, – сказала Энди.

Женщина подняла глаза и вскочила на ноги.

– Вот и вы! Мы так рады, что вы начинаете сегодня. Представьте – у вас уже назначены приемы. Когда стало известно, что на остров переезжает педиатр, нам начали звонить. Семьи так взволнованы.

Лаура жестом пригласила ее войти. Энди вошла в дверь приемной и оказалась в длинном коридоре. Когда-то это была обширная частная резиденция. Спальни превратили в смотровые и кабинеты.

– Все уже должны быть здесь, так что вы можете познакомиться с персоналом. Доктор Харрингтон сказал, что хотел бы пообщаться с вами несколько минут, прежде чем вы начнете.

Доктор Харрингтон занимался на острове семейной практикой. По выходным работала клиника неотложной помощи, но в остальном жителям приходилось обращаться к нему или ехать за медицинской помощью на материк. Учитывая демографию этого места – много семей и пара часов езды от Сиэтла, – Энди видела явную необходимость в педиатре. Теперь она собиралась выяснить, насколько она права.

Из смотровой вышла симпатичная блондинка с длинными прямыми волосами. Энди вспомнила, как познакомилась с ней, когда посещала остров и договаривалась с доктором Харрингтоном насчет работы в его клинике в течение нескольких месяцев.

– Нина, верно?

Женщина лет тридцати с небольшим, одетая в светло-голубую униформу, улыбнулась.

– Вы меня вспомнили. Добро пожаловать, доктор Гордон.

– Пожалуйста, зовите меня Энди.

– Хорошо, Энди.

Лаура коснулась руки Нины.

– Мы подумали, что вам будет проще, если к вам будет приставлена медсестра. Нина вызвалась помочь.

– Спрашивайте меня о чем угодно, – сказала Нина. – Я могу рассказать обо всем – начиная с того, где мы храним спиртовые салфетки, и заканчивая лучшей химчисткой в городе.

– Мне понадобится и то и другое, – заверила Энди.

Лаура представила ее другим медсестрам, а затем повела обратно, в помещение, которое станет временным кабинетом Энди. Это была маленькая комнатка без окон, со столом и компьютером.

– Я понимаю, что это не так уж много... – начала Нина.

– Не волнуйтесь, – успокоила ее Энди. – Я здесь ненадолго. Меня устроит любое место, где можно составлять и обновлять график работы.

– И поискать обувь в интернет-магазинах во время перерыва?

Энди усмехнулась.

– Обязательно. Пока мне нравится на острове все, кроме отсутствия розничных магазинов.

– Если вам нужен магнит в форме ежевики, я могу много чего предложить.

– Сейчас у меня нет кухни, так что с этим придется повременить.

– Просто дайте знать, когда надумаете.

– Обещаю, – сказала Энди.

Она бросила сумочку в нижний ящик металлического стола и пошла за Ниной через холл в кабинет доктора Харрингтона.

Когда она вошла, пожилой мужчина встал.

– Спасибо, Нина. Энди, так приятно снова вас видеть.

– Рада встрече, доктор Харрингтон.

Седовласый мужчина пожал ей руку.

– Пожалуйста, зови меня Роном, – он подмигнул ей. – Доктор Харрингтон – мой отец.

Энди заняла место для посетителей за его столом. Он откинулся на спинку стула.

– Мои сотрудники помогли тебе освоиться? – спросил он.

– Да. У меня уже даже назначены приемы.

– Ты будешь постоянно занята, это точно. Работы хватит на всех.

– Я ценю, что мне позволили работать здесь все лето.

– Рад, что ты мне поможешь, – его голубые глаза блеснули за стеклами очков. – По крайней мере, до тех пор, пока мой сын не присоединится ко мне в сентябре. – Он снова откинулся назад и улыбнулся. – Мой сын – тоже доктор. Приятно звучит.

– Да, это так.

– Я говорил, что Дилан окончил медицинский факультет с отличием?

«Всего раз пятнадцать», – с улыбкой подумала Энди.

– В самом деле? Вы, должно быть, гордитесь им.

– И я, и его мать. Он умный мальчик. И перспективный врач.

Энди подумала, что его радость за достижения сына – это хорошо. Некоторые родители были в восторге, когда их дети становились врачами. Но для нее путь к тому, чтобы стать педиатром, оказался немного более тернистым. Не то чтобы ее родителям не нравилась профессия медика, просто они считали, что выбор дочери – это пустая трата ее таланта.

Зачем заниматься «поцарапанными коленками и прививками», как выразилась ее мать? Ее мать, кардиохирург, считала, что Энди следовало выбрать более сложную специальность. Ее отец, нейрохирург, был согласен с супругой. Брат Энди тоже был нейрохирургом, а ее сестра проводила медицинские исследования по лечению рака. Энди считали семейным разочарованием – скорее неудачницей, чем ребенком, который оправдал свой потенциал.

Она встряхнулась, заставляя себя забыть о голосе матери, и снова обратила внимание на Рона, который объяснял, как работает его клиника.

– Нина проверит расписание, – говорил он. – Если не возражаешь, мы бы хотели, чтобы ты каждые три недели работала по субботам. Получишь дополнительный выходной.

– Это не проблема, – заверила она его. – Я знаю, что многие родители работают, поэтому попасть к врачу в середине недели для них бывает затруднительно.

– Хорошо. Потом Нина покажет, где у нас что. – Он встал. – Я подумал, что мы с тобой можем сегодня сходить на ланч. Я отвечу на любые вопросы. – Он подмигнул. – Покажу фотографии с выпускного моего сына.

– С удовольствием.

– Отлично. – Он снова пожал ей руку. – Мы рады, что ты здесь, Энди.

– И я очень рада, что я здесь.

Нина ждала в коридоре.

– Все ваши приемы стандартные, ничего особенного, – рассказывала она, пока они шли в заднюю часть здания. – Медосмотр для лагеря, несколько прививок, визит к здоровому ребенку.

– Такое расписание мне по душе.

Нина жестом пригласила ее войти в дверь слева. Это была комната отдыха с несколькими шкафчиками, столом и шестью стульями вокруг

него. Окно выходило на заднюю парковку. При виде букета цветов и торта, на котором розовой глазурью было написано «Добро пожаловать!», у Энди потеплело на душе. Все медсестры и персонал собрались вокруг, ожидая ее.

– Добро пожаловать на остров! Мы приглашаем тебя на обед.

Последнее заявление поступило от Лауры, секретарши в приемной.

– С удовольствием, – сказала Энди. – Было бы здорово поехать всей компанией.

Остальные женщины переглянулись. Нина посмотрела на нее.

– В самом деле? Вообще-то мы не были уверены. Из-за того, что ты врач и все такое.

– Но я люблю обедать, – с улыбкой сказала Энди. – И люблю компанию. Я была бы рада возможности познакомиться со всеми вами поближе.

– Тогда встречаемся, – твердо сказала Лаура, потянувшись за ножом. – Завтра. Я знаю, что сегодня у тебя ланч с доктором Х. – Она отрезала первый кусок торта и положила на тарелку. – Боже, люблю, когда день начинается с действительно большой порции сладкого.

Без пяти девять Энди покончила с куском торта и второй чашкой кофе. Она уже была на пути к очень приятному кофеино-сахарному кайфу. Не совсем тот завтрак, который она рекомендовала бы своим пациентам, но это был особый случай.

Нина просунула голову в кабинет.

– Карли и Габби Уильямс в смотровой номер четыре. Это та, которой ты будешь чаще всего пользоваться.

Энди встала и разгладила белый халат.

– Я готова, – сказала она, потянувшись за распечаткой.

Нина пошла с ней.

– Габби десять лет, она здорова. Через несколько недель поедет в летний лагерь, и туда требуется обычный медосмотр.

– Хорошо.

Энди остановилась перед закрытой дверью и глубоко вздохнула.

Нервы трепетали, но она сказала себе, что все будет в порядке. Пациенты были лучшей частью ее работы. Она постучала в дверь и вошла в смотровую.

– Привет, – сказала она. – Я доктор Энди Гордон. – Она улыбнулась матери и дочери. – Приятно познакомиться с вами обеими.

– Карли Уильямс, – представилась мать.

– Я Габби.

Обе блондинки, с темно-голубыми глазами и схожими чертами лиц.

Энди повернулась к девочке.

– Полагаю, ты мама?

Габби усмехнулась.

– Я знаю, что вы так не думаете.

– Не думаю?

Габби покачала головой.

– Нет. Вы врач, а врачи действительно умные.

– Я тоже такое слышала. – Энди села на табурет. – Итак, насколько я понимаю, ты собираешься в лагерь, – она взглянула на Карли. – Это же ваша дочь едет, верно? Не вы.

Карли рассмеялась.

– Я бы с удовольствием провела месяц в лагере, подальше от своей обычной жизни. Но вряд ли прохожу по возрасту.

Габби хихикнула.

Энди наклонилась к ней.

– Итак, расскажи мне об этом лагере.

– Это будет здорово! Он в горах, и там есть лошади, но самое приятное – я помогу написать настоящую пьесу, а потом мы ее поставим и все такое.

– Ух ты! Я тоже хочу поехать.

– Я прямо жду не дождусь, – призналась Габби.

– Понимаю.

Энди вытащила из кармана стетоскоп.

– Ты едешь верхом?

– Я собираюсь научиться.

Она начала осмотр, работая медленно и задавая Габби все новые вопросы, чтобы та продолжала рассказывать о лагере, а не беспокоилась о том, будет ли больно. Когда мать и дочь вышли из кабинета, она сделала несколько пометок на распечатке, а затем вздохнула. Это действительно будет хороший день.

В понедельник вечером Дина загрузила на семейную страницу в соцсети последние две фотографии и просмотрела свежую запись. Это была информация о том, как девочки учатся в школе. Орфография и грамматика заботили ее меньше, чем тон. Она не хотела, чтобы кто-нибудь, прочитав эти слова, догадался, что что-то не так.

Сохранять видимость «Господи, конечно, я в порядке, а почему вы спрашиваете?» было утомительно. И бессонница сказывалась. Она проводила большую часть ночи, лежа без сна на большой кровати, удивляясь, как все так запуталось, и пытаясь понять, почему она оказалась плохой.

Если бы Дина была похожа на свою мать, она бы поняла негодование Мэдисон и ужасные обвинения Колина. Но это было не так. Дом был прибран, она готовила еду, уделяла семье внимание. Никто не находил ее пьяной, лежащей без сознания в собственной блевотине. Она ни разу не замахнулась на детей, не говоря уже о том, чтобы избивать их. Они не вздрагивали, когда она проходила мимо. Но они не обожали ее так, как обожали отца, не подбегали к ней и не радовались, когда она входила в комнату. Хоть убей, она не могла понять почему.

Она пыталась убедить себя, что это лишь потому, что Колина так часто не бывает дома. Он менее доступен, чем она. Но Дина не была уверена, что в состоянии поверить в это. Дело в чем-то другом. Если бы она только знала, в чем именно.

Она потеряла виски, желая, чтобы глаза не горели так сильно.

– Завтра я уезжаю.

Дина подняла глаза и увидела входящего в кабинет Колина. Они почти не разговаривали после его словесного выпада в парке в пятницу, и она определенно не хотела говорить с ним сейчас. Но пришлось.

– Когда вернешься? – спросила она.

– В четверг. – Он закрыл за собой дверь кабинета и направился к письменному столу. – Ты подумала над тем, о чем мы разговаривали на прошлой неделе?

Она встала так, чтобы смотреть прямо на него, а не снизу вверх.

– Мы не разговаривали. Ты сказал, что я все делаю неправильно, а потом ушел. Это не разговор.

Он изучающе посмотрел на нее.

– Ты права. Так давай поговорим сейчас.

– Я посвятила жизнь заботе о тебе и девочках, но в итоге получила только обвинения и страдания.

– Ждешь благодарности?

Конечно. Она была чертовски хорошей матерью и отличной женой. Но никто из них не ценил ее.

– Не хочу быть твоей боксерской грушей.

Он поднял брови.

– Не утрируй.

– А как бы ты это назвал? Ты говоришь мне такие вещи, а потом настраиваешь детей против меня. – Ее горло сжалось, но она не хотела показывать слабость. – Не знаю, чего ты от меня хочешь. Мне больше нечего тебе дать.

– Тогда у нас проблема, потому что я действительно хочу большего. Я хочу быть частью происходящего. – Он засунул руки в карманы джинсов.

– Что это значит?

– Это значит, что тебе стоит немного ослабить поводья. У тебя десятки правил для нас – для меня и девочек. Ты хочешь полностью контролировать, куда мы идем, что носим, что едим.

– Я готовлю обед и ужин. Это не контроль. – Несправедливость уязвила ее. – И веду календарь мероприятий, чтобы знать, кого и куда нужно отвезти. Почему ты искажаешь смысл моих слов и поступков?

Дина хотела сказать ему, что раз он так несчастен, то может уйти. Только она не была готова остаться одна.

– Ты говоришь обо мне как о монстре, но я не монстр.

Его лицо напряглось.

– Сегодня вечером за ужином Одри попросила вторую порцию лазаньи, а ты сказала ей «нет».

– С нее было достаточно.

– Откуда ты знаешь? Позже она рассказала мне, что уронила бутерброд на пол в кафетерии и один из учителей выбросил его. У нее не было денег, поэтому она не могла купить обед. Днем твоя дочь съела только яблоко и к вечеру умирала с голоду.

Дина почувствовала, что краснеет.

– Она должна была сказать.

– Чтобы ты на нее накричала? Ей было легче оставаться голодной.

– Я не кричу.

Она не кричит. Она говорит твердо и рассудительно.

– Ты ее пугаешь. Черт, ты и меня пугаешь.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой.

Он покачал головой.

– Дина, я знаю, что ты хочешь как лучше, но с тобой нелегко. Меня воспитывали в убеждении, что матери виднее. Я больше в это не верю. Думаю, проблемы из твоего прошлого...

Она хлопнула руками по столу и уставилась на него.

– Не вмешивай в это мою мать, слышишь?

Он вскинул руки, будто сдаваясь.

– Отлично. Не хочешь говорить об этом? Не будем. Но скажу вот что. Я провожу больше половины жизни в дороге и скучаю по подрастающим детям. Меня вечно нет рядом, но я хочу это изменить. Да, с разъездами я зарабатываю больше денег, но нам придется научиться обходиться меньшим. Я хочу быть здесь. Хочу ходить на игровые встречи и спектакли. Хочу водить девочек на разные мероприятия. Хочу познакомиться с их друзьями.

А она с чем останется? Дина задумалась. Он пытается вытолкнуть ее из ее собственной жизни.

– Второе, чего я хочу, – это понять, что ты думаешь обо мне, о нас. – Его рот слегка скривился. – Сомневаюсь, что ты все еще любишь меня, и даже не уверен, что нравлюсь тебе. Подозреваю, тебе гораздо больше нравится наш образ жизни, чем наш брак. – Колин пожал плечами. – Хотел бы я ошибаться, но, судя по всему, прав. – Он посмотрел в сторону, затем снова перевел взгляд на ее лицо. – Я когда-нибудь был нужен тебе или же всегда был только средством для достижения цели?

Оскорбления жгли ее до костей, а страх сжимал ледяной хваткой.

– Как ты смеешь? – сказала она низким и злым голосом.

– Верно. Как я смею? Это же всего лишь мой брак.

Ей захотелось чем-нибудь в него швырнуть. Ударить его и причинить такую же боль, какую он причинял ей. Ненависть горела ярко, но недостаточно для того, чтобы заставить ее забыть, чем обернется развод.

– Даже не думай возвращаться в нашу постель, – сказала она ему.

Колин кивнул, а затем внезапно улыбнулся, и выглядело это весьма некрасиво.

– Конечно. Никакого секса. Это вряд ли что-то изменит.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Дина несколько секунд смотрела ему вслед, прежде чем рухнуть обратно в кресло и закрыть лицо потрескавшимися и саднящими руками. Ждала слез, но их не было. Она была слишком опустошена, слишком разбита. Все стало неправильным и таким непонятным, и она даже не знала, с чего начать, чтобы попытаться исправить это.

Глава 6

Ресторан отеля «Ежевичный остров» выходил окнами на воду. Здесь обедали бизнесмены, туристы и «леди-за-ланчем»^[8]. Энди изучала меню, пытаясь выбрать между супом с сэндвичем дня и фирменным пирогом с заварным кремом.

Нина посмотрела на нее.

– Ты обязательно должна попробовать салат с цыпленком на лепешках фокачча. Это такая вкуснятина, практически религиозное откровение!

– Она права, – подтвердила Лаура, поправляя очки для чтения. – Клянусь, я могла бы съесть по огромной бадье этой вкуснятины каждый день. Конечно, тогда я бы растолстела и доктор Х. прочитал бы мне лекцию о высоком давлении и холестерине. – Она отложила меню. – Мне реально нравится работать на него, но он просто одержим здоровьем.

Энди изо всех сил постаралась сдержать смех.

– Хм, вероятно, это профессиональная деформация.

– Ты права. Много лет назад мне предложили работу у дантиста, но я знала, что не вынесу этого ужасного жужжания. Ученые научились видеть субатомные частицы, но до сих пор не изобрели, как бесшумно сверлить зубы! Деньги явно уходят не на те исследования.

Все рассмеялись. Энди откинулась на спинку стула и прислушалась к разговорам вокруг. Она пережила свой первый рабочий день и успешно начала второй. Вышла пообедать с офисными работниками и медсестрами. Утром она оставила дома полдюжины здоровенных мужчин, которые громили ее жилище изнутри. Летучие мыши больше не беспокоили, у нее была горячая вода, и в целом жизнь казалась довольно сносной.

Дон, одна из медсестер, взяла свой чай со льдом.

– Не могу поверить, что ты переехала сюда по собственной воле, – сказала она. – Я прожила здесь всю жизнь. Почти не выезжала из округа. Раньше я мечтала переехать в Сиэтл.

– А потом вышла замуж, завела детей и застряла тут, – весело подхватила Мисти. Она была офис-менеджером, бухгалтером и следила за порядком.

Лаура отхлебнула диетической содовой.

– Дон просто жалуется. Не слушай ее болтовню. Ей нравится здесь, на острове. Как и нам всем.

– Так вы все родились здесь? – спросила Энди.

– Я переехала сюда, когда мне было пять лет, – сказала Лаура. – Что практически одно и то же. – Она наклонилась к Энди. – Ты же знаешь, что все хорошие мужчины женаты, верно?

– Здесь есть несколько одиноких парней, – заметила Нина.

– Не так уж много, – возразила Лаура. – Что же касается туристов, если вы видите мужчину без женщины, не стоит воодушевляться. Скорее всего, наш пол его просто не интересуется.

Мисти ткнула Лауру в плечо.

– Веди себя прилично. Не пугай Энди в первую же неделю.

– Да, пожалуйста, не надо, – со смешком попросила Энди. – Подождите и напугайте меня на следующей неделе. Как бы то ни было, меня устраивает отсутствие мужчин. Я подозревала об этом, когда переезжала сюда. У меня был тяжелый разрыв, и я решила отказаться от мужчин. По крайней мере, на ближайшие десять лет.

Хотя смотреть на Уэйда было приятным развлечением. Она задавалась вопросом, к какой категории относится ее красивый подрядчик. К сожалению, Энди не могла придумать, как это выяснить невзначай.

– Ты такая храбрая, – сказала ей Нина. – Начать все сначала на новом месте. Ты купила этот прекрасный дом и теперь собираешься открыть там собственную врачебную практику.

Энди улыбнулась, понимая, что сказанное звучит намного лучше, чем реальность. А реальность такова, что она просто сбежала и оказалась здесь.

Мисти вздохнула.

– Я согласна с Ниной. Никогда не смогла бы сделать то, что сделала ты. Доктор Х. просил передать тебе, что мы поможем всем, чем сможем, в том числе подбором персонала и организацией процесса.

На мгновение Энди потеряла дар речи.

– Это очень любезно с его стороны. Он хороший человек.

– Одержим своим сыном, – со вздохом сказала Лаура.

– Мой сын, доктор, – в один голос произнесли они, а затем разразились смехом.

Подошедший официант принял заказы. Энди решила попробовать знаменитый сэндвич с куриным салатом.

– Ты уже начала ремонт? – спросила Нина, когда официант ушел. – Должно быть, работы предстоит много.

– Так и есть. К счастью, мне не нужно ничего делать, – Энди пожала плечами. – Я просто прихожу вечером и молюсь, чтобы был прогресс. Они буквально выпотрошили каждый этаж.

– Ты собираешься открыть там практику? – уточнила Нина.

– Да, на первом этаже. План уже готов. Уэйд показывал его мне в субботу.

– О-о-о, Уэйд. – Лаура притворилась, что обмахивается веером. – Он такой горячий.

– И слишком молодой для тебя, – напомнила ей Мисти.

– Дорогая, я просто смотрю, хотя, если бы он предложил попробовать, я бы не отказалась.

У Энди глаза округлились.

– Выходит, он популярен?

– Он практически бог, – признала Дон. – Мы с ним вместе ходили в школу. Я была влюблена в него с двенадцати лет. А он никогда не смотрел на меня.

– Он много потерял, – сказала ей Нина.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой. Он отличный парень.

– Обожаю его задницу, – сказала Лаура и взглянула на Энди. – Ты видела?

– Я, э-э, на самом деле не заметила.

– Тебе стоило бы приглядеться. Только подумай – он будет в твоём доме в конце каждого дня. Ты счастливица.

Энди не знала, что ответить, и это оказалось к лучшему, потому что на нее внезапно снизошло вдохновение.

– А что думает его жена по поводу того, что все здешние женщины пялятся на ее мужа?

Ее собеседницы переглянулись. Мисти вскинула брови.

– Он не женат.

– Его жена умерла, – сказала Нина. – Рак. Это было очень грустно.

– У него есть дочь, – добавила Дон. – Ей двенадцать. Кэрри. Настоящая милашка. Она иногда тусуется вместе с моей дочерью, хотя

ее лучшая подруга – Мэдисон Филлипс. Семья Филлипс живет с тобой по соседству.

Женщины на мгновение молча уставились друг на друга.

– Я скажу, – объявила Лаура. – Ты уже познакомилась с Диной Филлипс? Ей принадлежит дом рядом с твоим. Она настоящая стерва, целиком и полностью.

– Я познакомилась с Бостон. – Энди быстро прикинула семейные отношения. – Должно быть, она невестка Уэйда и жена Зика. Я права?

– Точно, – подтвердила Нина. – И я не согласна, что Дина – стерва. Просто она... упертая.

– Ты имеешь в виду – лицемерная ханжа, – сказала Лаура. – Бедные дети.

Энди знала лишь то, что пару дней назад Дина стояла на крыльце и плакала.

Дон покачала головой.

– Дина – одна из тех матерей, которые сами пекут хлеб, покупают только органические продукты и не разрешают детям смотреть телевизор, если только там не идет образовательная программа. В этом нет ничего плохого, – быстро добавила она. – Просто...

– Она всегда рассказывает людям, как долго этот чертов дом принадлежал ее семье. У нее не может быть обычного сада. Нет, сад Дины идеально соответствует идеальному стилю ее идеального дома, – перебила Лаура.

– Кажется, ты злишься, – заметила Нина.

– Семья, в которой я выросла, не была шибко богатой, – сказала Лаура. – И я не собираюсь говорить обратное. Дина выросла такой же бедной, как и я, но, слушая сейчас ее болтовню, можно подумать, что она лично приплыла на «Мэйфлауэре»^[9]. Однажды я с ней работала, мы организовывали благотворительный винный тур. Она мне не понравилась.

– В самом деле? – сказала Мисти. – Кто бы мог подумать.

– Я с ней не встречалась, – сказала Энди, внезапно почувствовав, что и не хочет этого делать. Ей было трудно связать услышанное о Дине с той печальной женщиной, одиноко стоящей перед домом.

– Она будет с тобой приветлива, – заверила Нина. – У нее пять дочерей, так что она, должно быть, в восторге оттого, что по соседству поселился педиатр.

– Постоянные клиенты, – пробормотала Энди и откашлялась. – Я познакомилась с Бостон на прошлой неделе, и мы общались в эти выходные. Она показалась мне милой.

– Она замечательная, – согласилась Нина. – Художница, – добавила Лаура. – У меня есть две ее картины. Очень красивые. По большей части она зарабатывает ручной росписью тканей для дизайнеров по всей стране. Но ее истинное призвание – портретная живопись. Она в этом хороша! Лет десять назад мой муж попросил ее нарисовать наших двоих детей. Тогда Бостон едва окончила художественную школу. Эта картина до сих пор висит у нас в гостиной, она великолепна.

Мисти кивнула.

– Бостон и Зик вместе с юности. Настоящая любовь. Приятно посмотреть. – Ее взгляд потемнел. – Так жаль, что с ними случилось несчастье.

Все замолчали. Лаура посмотрела на Энди.

– У них около года назад родился ребенок. Он умер, когда ему было шесть месяцев. Порок сердца. Малыш умер у Бостон на руках. Я не могла поверить в это, когда услышала. Они не заслужили такого – потерять своего маленького мальчика.

– Я не знала, – пробормотала Энди. Ей не доводилось терять собственного ребенка, но это выпало на долю ее родителей. Их боль до сих пор оставалась с ней.

– Обычно мы столько не сплетничаем, – сказала Нина в наступившей тишине.

– Еще как сплетничаем, – возразила Лаура. – И даже больше. Мы ведем себя прилично, потому что Энди не очень хорошо нас знает, а мы хотим ей понравиться. Тебе стоит посмотреть на нас после пары стаканов вина. У тебя волосы виться перестанут^[10].

Энди протянула руку и потянула за один из своих локонов.

– Я бы не возражала против прямых волос. В детстве я прочитала книгу о девочке, которая заболела скарлатиной. Ей пришлось побриться налысо, чтобы волосы снова стали вьющимися, когда отрастут. Я часто просила маму отвезти меня в больницу, чтобы найти там кого-нибудь со скарлатиной и заразиться. Надеюсь, что мои волосы станут прямыми.

Лаура медленно покачала головой.

– Не могу решить, то ли это самая милая история, которую я когда-либо слышала, то ли самая грустная. В любом случае приятно знать,

что ты такая же ненормальная, как и все мы.

– А почему я должна быть нормальной? – с усмешкой поинтересовалась Энди.

– Отличная точка зрения, дорогая. Просто отличная.

Энди вернулась домой ровно в пять пятнадцать пополудни. Она все еще приспособливалась к островной жизни, но должна была признать: ей нравится местный график работы. Оба дня она была дома раньше половины шестого. Да, время от времени будут возникать неотложные случаи, задерживающие ее, но темп жизни здесь, несомненно, медленнее, чем в Сиэтле.

Она припарковалась на подъездной дорожке рядом с выдавшим виды пикапом. Она помнила его по встрече в субботу утром и быстро глянула в зеркало заднего вида, чтобы проверить, как она выглядит. Исправлять макияж не требовалось, разве что она внезапно решит больше краситься.

Энди пригладила волосы и убедилась, что тушь не размазалась под глазами, подхватила сумочку и вышла из машины. По крайней мере, она приняла душ и была прилично одета. В последний раз, когда Уэйд видел ее, она была измученной, неряшливой и спасалась от пикировавших на нее летучих мышей.

Она поднялась по лестнице на крыльцо и вошла в дом. Подумала, что нужно придумать небрежное, но очаровательное приветствие. Что-то забавное, чтобы Уэйд...

Энди остановилась там, где раньше был вход, и вытаращила глаза. Она была почти уверена, что у нее отвисла челюсть, но не могла справиться со своей реакцией. Потрясение оказалось слишком велико.

У нее больше не было дома. Остались внешние стены и лестница, ведущая на второй этаж, – и больше ничего.

Все внутренние стены исчезли. Вместо них было только несколько опор, вероятно чтобы второй и третий этажи не рухнули. Энди заметила несколько окон и задалась вопросом, стоит ли быть за это благодарной. Она ясно видела, где раньше была кухня. Напольное покрытие тоже исчезло.

– Не паникуй. – Она услышала голос Уэйда прежде, чем увидела его. Он вышел из-за лестницы и ухмыльнулся. – Клянусь, все будет хорошо.

– Пожалуй, я скорее грохнусь в обморок, чем запаникую, – призналась Энди. – Не могу поверить, как много ты сделал за день.

– Правда, здорово? Остальные наши работы пришлось отложить по той или иной причине. Мы делали демонтаж всей командой.

– Везучая я.

Энди была слишком потрясена, чтобы обратить внимание на что-то кроме его длинных ног и широких плеч. Мужчина неплохо выглядит в джинсах, рассеянно подумала она, решив оценить его непринужденную привлекательность позже – когда ее сердце снова начнет биться.

– Я в шоке, – призналась она.

Еще утром у нее был дом. Теперь от него остались только внешние стены. Куда он делся? Уэйд положил руку ей на плечо.

– Думай об этом с позитивной точки зрения. Чем скорее все исчезнет, тем скорее мы сможем снова все собрать. Разве у тебя нет медицинских терминов, чтобы описать этот процесс?

– Только если мы станем говорить о моем доме как об инфекции, которую нужно победить.

Он покачал головой.

– Нет, я так не думаю.

– Да, от такой формулировки мне лучше не станет. – Энди бросила сумочку на нижнюю ступеньку лестницы. – Что еще предстоит разрушить?

– Только часть деревянного пола, который нужно будет поднять. Мыотремонтируем его позже.

Энди знала, что они планировали сохранить пол и повторно использовать его на чердаке.

– Я рада, что меня здесь не было в разгар демонтажа.

– Это было громко.

Его голос звучал весело. Наверное, если дом, который ты разрушаешь, не твой, это легко, подумала она.

– Идем, – сказал Уэйд, направляясь в заднюю часть дома. – Позволь, я поделюсь мыслями насчет комнаты отдыха для сотрудников. Если тебя все еще интересует мини-кухня.

Она последовала за ним, ее взгляд опустился на его пресловутую задницу. Лаура права, подумала Энди, задержав на ней пристальный

взгляд. У Уэйда она чертовски привлекательная. Должно быть, благодаря физическому труду, которым он занимается каждый день.

– Мы думали насчет шкафов здесь, рядом с кухонной стойкой. Раковина одна, но глубокая, и холодильник.

Он указал, куда будет поставлен каждый предмет.

– На этой стене разместим шкафчики, также будет много места для хранения под окном. Это позволит сделать вторую длинную стойку – пригодится, если у тебя будут корпоративы со шведским столом.

– Откуда ты знаешь о корпоративах? – улыбнулась она. – В строительном бизнесе они часто бывают?

– Конечно! Мы любим тематические вечеринки. Ну, знаешь, тропический отдых или костюмированная вечеринка на Хеллоуин. – Он подмигнул ей. – Мой бригадир любит наряжаться под Мэрилин Монро.

– Правда?

Уэйд усмехнулся.

– Мы не раз делали реконструкцию для бизнеса. Это всегда хорошая идея, чтобы сотрудники были довольны, и мини-кухни обычно идут на ура.

– Мне нравится.

– Отлично. – Секунду он изучал ее. – Как тебе доктор Харрингтон? Сводит тебя с ума, рассказывая о своем сыне?

– Все в курсе?

– Более чем. Ты уже должна была посмотреть фотографии с его выпускного в колледже, сделанные несколько лет назад.

– Уже видела, – подтвердила она. – Вообще, все очень приветливы. У меня много пациентов. Похоже, здесь есть спрос на педиатра.

– К счастью для тебя. Ты всегда хотела быть врачом?

Энди подумала о своей семье и о том, что у нее в общем-то не было выбора.

– Можно и так сказать.

– Должно быть, твои родители тобой гордятся.

Они более чем разочарованы, подумала она. Но это трудно объяснить людям, которые не знают, как она росла. Те, кто не был знаком с ее семьей, предполагали, что родные считали ее умной и успешной. Энди не собиралась признаваться красавчику Уэиду, что по сравнению с тем, чего достигли ее родители, брат и сестра, она была чуть ли не бездельницей.

– Мама хотела, чтобы я стала хирургом, – сказала она, зная, что это не совсем правда. Ее мать хотела, чтобы у нее была еще более высокая специализация.

– Кое-кому стоит поговорить с ней о ее стандартах, – заметил Уэйд. – У меня есть дочь. Ей двенадцать. Сейчас у нее каждую неделю появляется новая идея насчет будущей карьеры, но она ни разу не упомянула, что хочет стать врачом. Я был бы очень рад, если бы она выбрала эту профессию.

– У нее еще есть время, чтобы принять решение.

– Верно. Она и так вырастет слишком быстро. – Взгляд его темных глаз остановился на ее лице. – Каково это – быть самым умным человеком в комнате?

– Вряд ли я такая.

– Сейчас – да.

Энди рассмеялась.

– Ты забываешь, что спас меня от дикой летучей мыши. Ум не помог мне справиться с ней. Или с ним. Я не успела рассмотреть.

– Я тоже, – признался Уэйд.

– Как бы то ни было, ты – мой герой.

– Мне нравится быть чьим-то героем. Не забудь об этом завтра утром, когда спустишься вниз и увидишь этот хаос. Это убережет тебя от паники.

Энди была в этом не так уверена, но собиралась приложить все усилия.

Он посмотрел на часы.

– Мне нужно домой, но я не хотел уходить, пока мы не поговорим.

– Боялся, что я с криком убегу в ночь?

– Просто доверься мне, Энди. Все наладится. Через несколько недель ты не узнаешь это место.

– Хорошо, доверюсь, – сказала она, воодушевленная его словами.

Как ни странно, она действительно доверяла Уэйду. Что делало ее идиоткой. Она доверяла Мэтту, и тот бросил ее у алтаря. Не то чтобы Уэйд походил на ее бывшего жениха. К тому же они не встречались. Он был ее подрядчиком, и...

– Энди?

Она моргнула.

– Прости. Задумалась.

– Я так и понял. Это в некотором роде очаровательно. Только не делай так за рулем.

– За рулем я очень внимательна.

Он посмотрел на нее, словно собиравшись сказать что-то еще. «Мы должны сходить куда-нибудь» – было бы неплохо. «Я хочу целовать тебя до бесчувствия, а затем заняться с тобой диким сексом» было бы еще лучше, смутно подумала Энди.

Нет, напомнила она себе. Ты переехала сюда, чтобы избежать всевозможных катастроф, которые случаются между парнями и девушками, помнишь? Никаких мужчин. А значит – никакого секса. Или, по крайней мере, никакого секса с кем-то другим. Звучит угнетающе.

– Увидимся завтра.

Завтра? А, точно.

– Конечно. Завтра. Спокойной ночи.

– И тебе.

Уэйд улыбнулся и прошел мимо нее. Энди поддалась искушению и повернулась, чтобы посмотреть, как он уходит. Да, Лаура была права, сказала она себе. У этого мужчины очень заманчивая задница. На самом деле все в нем очень привлекательно.

К сожалению, он так и не проявил к ней ни малейшего интереса. Даже не флиртовал. Неужели все дело в ней? Мэтт всегда пытался переделать ее: заставлял одеваться более сексуально и вести себя более раскованно. Может, стоило к нему прислушаться?

Может, у нее есть какая-то аура, которую могут различить только мужчины, и они сразу видят, что она скучная? Это бы не удивило Энди. В старших классах она не очень хорошо разбиралась в отношениях. Из всех сил старалась поддерживать средний балл в колледже, что не оставляло много свободного времени. Затем она встретила Мэтта – за неделю до того, как поступила в медицинский институт. У нее не было большого опыта свиданий, на который можно было опереться.

Это неважно, сказала она себе, направляясь к лестнице. Теперь она свободна от мужчин. Одинокая, самодостаточная женщина, отправляющаяся в приключение без летучих мышей. Такова нынешняя Энди.

И все же она бы не отказала Уэйду в поцелуе. Если он когда-нибудь попросит.

Глава 7

Энди переделалась и спустилась вниз, чтобы более внимательно осмотреть свой разгромленный дом. До захода солнца оставалось еще несколько часов, и в воздухе висела духота. Она открыла окна, которые не были заколочены досками, вышла на улицу и села на крыльцо.

Со своего нового любимого места для размышлений она не могла видеть разрушения в доме. Зато могла представить, каким он станет после ремонта. Все покрашено, двор восстановлен... У обеих ее соседок красивые дворы. Она не собиралась соревноваться, но ей предстояло все как следует обустроить, чтобы не смущать крошечный район.

Энди почти собралась с силами, чтобы подумать о красках и материалах для ремонта, как из-за угла дома вышел очень крупный кот и направился к ней.

– Привет, – сказала она, когда он приблизился. – Ты кто такой?

Кот поднялся по лестнице и сел рядом с Энди, выражение его – или ее – морды было выжидательным. На коте был ошейник. Она потянулась за биркой.

– Пикуль, – прочитала она единственное слово. – Не совсем четкое определение пола. Привет, Пикуль.

Она позволила коту обнюхать свои пальцы, затем погладила животное по морде. Пикуль на несколько секунд потянулся к ее прикосновениям, а затем повалился на крыльцо, словно готовясь к долгому сеансу ласки.

– А ты совсем не боишься людей, а?

– Это наш кот.

Энди подняла глаза и увидела стоящую у лестницы девочку лет девяти или десяти с длинными светлыми волосами и в очках, обрамлявших большие голубые глаза.

– Пикуль? – Энди улыбнулась. – Забавное имя.

– Мэдисон назвала его, когда была еще совсем маленькой. Мама говорит, что я тогда уже родилась, но я такого не помню. Я – Люси.

– Привет, Люси. Я Энди Гордон. Приятно познакомиться.

Люси неуверенно улыбнулась и подошла ближе. Энди подвинулась, чтобы освободить ей место на лестнице.

Энди вспомнила, что ей говорили о матери Люси за обедом. Казалось, никто особенно не любил Дину, что заставляло Энди чувствовать себя неловко. Она не хотела строить предположения о ком-то, кого никогда не встречала лично. Может быть, Дина была колким человеком с добрым сердцем.

– У меня грандиозный ремонт в доме, – сказала Энди и сморщила нос. – Надеюсь, это не слишком громко.

– Да нет вроде. Моя мама ничего не сказала. – Девчушка взглянула на нее снизу вверх. – Я рада, что ты купила этот дом. Он стоял такой одинокий.

– Я тоже так думаю. А другие дома такие красивые.

– Трудно быть посередине.

– Ты средняя в семье?

Люси кивнула, не сводя глаз с кота.

– У меня четыре сестры. Я вторая по старшинству. Двое младших – близняшки.

– Ух ты! Так много девочек! С близнецами, должно быть, много забот.

– Так говорит мама. – Люси снова подняла глаза. – Мама хотела мальчика, но вместо этого родились Сидни и Саванна. Думаю, папа на эту тему не переживает. Он говорит, что у него самые лучшие девочки.

Энди улыбнулась.

– Уверена, что так и есть. Кто бы не хотел иметь такую семью?

Люси вздохнула.

– Моя лучшая подруга уехала во время весенних каникул. Ее отец нашел работу в Техасе. Она хочет, чтобы я приехала в гости этим летом. А мама думает, что я слишком мала, чтобы ехать.

– Мне очень жаль, – отозвалась Энди. – Тяжело разлучаться с подругой.

Особенно в середине учебного года, когда весь класс уже разбился на дружеские группки. Она хотела сказать, что осенью Люси станет легче, но, должно быть, для девочки ее возраста сентябрь – это примерно в следующем столетии.

Люси кивнула и поправила очки.

– Мама много плачет, – тихо сказала она. – В своей комнате, так что мы не должны знать.

Энди поморщилась.

– Должно быть, это нелегко.

– Угу. Мэдисон говорит, что папа должен бросить ее и забрать нас с собой, но я этого не хочу. Я хочу остаться здесь. Чтобы все было как есть. – Она заколебалась. – Может быть, немного лучше.

Энди захотелось притянуть девчушку к себе и обнять ее. Люси явно проживала непростой период. Но они только что познакомились, и она не была уверена, что девочка примет такое проявление поддержки.

– Тяжело, когда мамы плачут, – вместо этого сказала Энди. – Когда моя мама плакала, я всегда чувствовала беспокойство – внутри, будто что-то не так с животом.

Люси уставилась на нее.

– Да, будто сейчас вырвет...

– Иногда родители могут все уладить.

– Надеюсь. – Люси посмотрела на свой дом. – Скоро ужин, мне нельзя опаздывать. – Она сгребла в охапку Пикуля и встала.

– Спасибо, что зашла, – сказала Энди. – Приходи в любое время.

Люси расцвела улыбкой, от которой ее лицо преобразилось и засияло.

– Ладно. Пока.

– Пока.

Энди посмотрела ей вслед. Когда девочка скрылась за углом, она взглянула на красивый дом. У каждой семьи есть секреты, подумала она. Некоторые страшнее других. Она надеялась, что Дина и ее муж, что бы ни происходило между ними, решат свои проблемы до того, как ситуация еще больше ударит по их девочкам.

Бостон наблюдала за тем, как Люси бежит домой, перекинув Пикуля через плечо. Этот кот заслуживает особой награды в кошачьем раю, подумала она, пересекая заросшую сорняками лужайку и направляясь к дому Энди. Пикуль не только позволяет девочкам таскать себя как тряпичную куклу, но даже разрешает им наряжать себя в нелепые наряды. Даже шляпы терпит.

– Привет! – крикнула она, подходя.

Энди обернулась и увидела ее.

– И тебе привет.

Бостон подняла корзину, которую несла.

– Я слышала, сегодня в твоём доме орудовала вся команда рабочих и практически разрушила его. Я подумала, что тебя это могло потрясти.

Энди встала и спустилась по лестнице.

– Так и есть. Честно говоря, я немного боюсь возвращаться внутрь.

Бостон протянула ей корзину.

– Привычная еда в удобном формате: макароны с сыром, зелёный салат и бутылка хорошего шардоне. – Она усмехнулась. – На твоём месте я бы начала с вина.

Энди посмотрела на корзинку в руках Бостон.

– Ты не должна была... Спасибо! Это так мило.

– Не за что. Я рада, что у меня есть соседка.

Формально они с Диной были соседями, но никогда близко не общались и не дружили. Теперь, задумавшись об этом, Бостон спрашивала себя почему. Ведь они столько лет живут на одной улице.

Она предположила, что частично проблема заключалась в Дине, которая всеми возможными способами ясно давала понять, что не одобряет Бостон. Со своей стороны, Бостон могла сознаться, что считает Дину чопорной.

– Я пережила ремонт, – продолжила Бостон. – Это невесело. Просто постарайся помнить, что в конце концов оно того стоит.

– Стараюсь. – Энди указала на крыльцо. – С мебелью у меня сейчас не очень. Хочешь присесть на секундочку или тебе нужно возвращаться?

– Присоединюсь к тебе ненадолго. Зик скоро будет дома, а ему всегда нравится, когда я готовлю макароны с сыром.

Она устроилась на ступеньке.

Энди последовала её примеру.

– Я размышляла насчёт двора, – сказала она. – Садовод из меня не очень, но, думаю, скоро придётся научиться.

– Сейчас лучший сезон для посадок, – заметила Бостон. – В городе есть питомник. Могу дать тебе контакты женщины, которая там работает. Она занимается ландшафтным дизайном.

– Ты и Дина установили довольно высокие стандарты, – с усмешкой сказала Энди. – Не хочу подводить соседей.

– Не подведешь.

Бостон рассматривала Энди. Свет и тени играли на её лице, подчеркивая черты. «Она хорошенькая», – подумала Бостон, которую

как художника больше интересовали формы и очертания, чем общепринятые представления о красоте. Волосы Энди – беспорядочно вьющиеся кудри – было бы трудно запечатлеть на холсте. Но ярко-зеленые глаза привлекали.

– Ты, случайно, не знаешь декоратора по разумной цене? – спросила Энди. – Мне понадобится помощь, чтобы привести в порядок офис. Хочется ярких цветов и уютного пространства. Поход к врачу может пугать детей. Я хочу, чтобы они чувствовали себя комфортно, когда приходят ко мне.

Бостон припомнила планировку дома Энди и чертежи реконструкции, которые показывал ей Зик.

– Роспись стен. Фреска, – машинально сказала она, представив сцены из джунглей. – Яркие цвета, перетекающие из комнаты в комнату. Синий и зеленый с оттенками красного и желтого. Джунгли. Птицы. Большие попугаи. Может быть, рыбы в речке и большие кошки с горящими глазами. – Она сделала паузу. – Прости. Я увлеклась.

– Не извиняйся, мне нравится идея. Я отлично разбираюсь в медицинских вопросах, сама заказываю оборудование. Но совершенно не представляю, как оформить зону ожидания и приемную. Кроме того, там будет длинный коридор.

– Можно нарисовать разных животных на каждой двери, – сказала Бостон, чувствуя прилив творческого энтузиазма. – Выбери зеленые тона для напольного покрытия, чтобы поддержать тему джунглей, если решишь оформлять в этом стиле.

Грузовик Зика свернул на соседнюю подъездную дорожку. Энди взглянула на него, потом снова посмотрела на Бостон.

– Я бы с удовольствием поговорила об этом еще немного, в другой раз. Не возражаешь?

– Конечно. Это был бы забавный проект. Могу подбросить тебе пару идей, может быть, нарисую несколько набросков.

– Дашь мне свой прайс-лист на роспись стен? – спросила Энди. – Я видела твои работы у тебя дома, и они прекрасны.

Бостон заколебалась. За последние месяцы она выполнила всего несколько текстильных проектов. Ее дни проходили по-другому. Наброски, а затем роспись стен будет непростой задачей. Зик сказал бы, что ей полезно сменить колею и позволить себе увлечься проектом.

– Мне надо подумать, – пробормотала Бостон, поднимаясь на ноги. – У меня сейчас много дел.

Абсолютная ложь, но она давала Бостон пространство для маневра, если ее захватят мысли о фреске. Она знала, что если согласится на эту работу, то ей придется довести дело до конца. Это лишнее напряжение, а она все еще чувствовала себя уязвимой. Вот что сделала с ней потеря: она стала хрупкой, как стекло.

– В любом случае я рада поговорить о цветовой гамме твоего офиса, – сказала Бостон.

– Это было бы здорово. – Энди встала. – Спасибо. И спасибо за ужин.

– Наслаждайся.

Бостон спустилась по лестнице и направилась домой.

Зик ждал у своего грузовика. Увидев ее, он улыбнулся.

– Хорошо ладишь с новой соседкой?

– Я принесла ей кое-что на ужин.

Его карие глаза заблестели от предвкушения.

– Макароны с сыром?

– Да. Они в духовке.

Он заключил ее в объятия, прижал к себе.

– Вот почему я до сих пор женат на тебе. Из-за макарон.

Бостон позволила себе окунуться в знакомое сочетание тепла и силы. В этот момент все было хорошо и она могла дышать. Она почти забыла, что в любой момент может сорваться.

Тогда они бы поругались. В последнее время они часто ссорились. Гнев был способом Зика достучаться до нее. Она не принимала бой, и он уходил. После этого Бостон рисовала, и в конце концов Зик возвращался. Их жизнь стала неровной – будто едешь на фургоне с квадратным колесом. Бостон знала об этом порочном круге, но не представляла, как разорвать его, не разрушив то единственное, что держало их вместе.

Дина отсканировала штрих-код на маленькой кисточке и ввела количество в компьютер. Новая партия товара в эту среду была больше, чем обычно, с несколькими специальными заказами и целой выставкой рождественской пряжи.

«Май на дворе, – подумала она, занявшись второй кистью, – неужели людям действительно нужно сейчас думать о Рождестве?»

Она знала ответ. Рукодельницы начинают работу заранее, и тот, кто хочет связать свитер, шарф или что-то еще к празднику, трудится над этим в течение всего лета. Обычно ей нравилось, как ассортимент «Уютных ремесел» предвещает грядущие сезоны. Но, по правде говоря, сегодня ей все действовало на нервы. Дина ненавидела Колина. Вот в чем настоящая проблема. Большую часть последних двух ночей она провела без сна, мысленно обзывая его. Она также составила подробные списки всего, что когда-либо делала для него. Всего, что он никогда не замечал и не ценил.

Например, ее вес. Она весила ровно столько, сколько в день их свадьбы. Четыре беременности, пять младенцев – и ни грамма разницы. В отличие от Бостон, которая за время беременности набрала тридцать фунтов^[11] и так и не удосужилась их согнать.

Дина была в курсе текущих событий. Она разбиралась в нефтяном кризисе, могла умно высказаться по злободневным вопросам и посещала заседания местного школьного совета. Она была начитанна. Прекрасно заботилась о доме и семье. Пекла хлеб, покупала экологически чистые продукты и сама готовила почти каждый чертов кусочек пищи, который они клали в рот.

И какую благодарность она получала за все это? Осуждение. Отчуждение. Угрозы.

Она закончила вводить информацию о новой поставке в перечень товаров и разложила кисти. Рассортировала пряжу и быстро занялась праздничной витриной.

«Уютные ремесла» находились на западной стороне острова, рядом с магазином одежды «Островной шик». Клиентами были туристы и местные жители. Дина преподавала скрапбукинг, основы лоскутного шитья и вязания, координировала действия других преподавателей. Именно она два года назад убедила Бостон провести вводный урок живописи, статья о котором впоследствии вышла в национальном журнале о путешествиях. Но имело ли это какое-нибудь значение для Колина?

Дина посмотрела на витрину в передней части магазина, и на мгновение ей захотелось швырнуть стулом в стекло. Не то чтобы это могло помочь в ее нынешней ситуации, но она должна была хоть что-то

сделать. Болела, казалось, каждая клеточка ее тела. Она была расстроена, напугана и рассержена.

Развод. Сама мысль об этом заставляла ее съеживаться. Она не хотела развода. Не хотела позора, борьбы. Не хотела ни жалости, ни злорадства. Помимо воли Дина вспомнила мать, стоящую посреди ужасной маленькой кухни их отвратительного грязного дома.

«Выходя замуж, убедись, что мужчина останется при тебе, – сказала ей мать. – Нет ничего хуже, чем остаться без мужчины».

Дина прикинула, что ей было всего десять или одиннадцать, когда она услышала этот бесценный совет. В то время она считала мужчин чем-то хорошим. Мать не пила так много, когда у нее был мужчина. Избиения были не такими частыми и жестокими. В доме было чище, а в холодильнике была еда.

Теперь она подумала, что к этому совету стоит прислушаться, но по другим причинам. Она не хотела менять свой образ жизни или больше работать. Не хотела никому объяснять, что, как и почему. Будь Колин проклят за то, что все перевернул с ног на голову!

Она подошла ко входной двери, отперла ее и перевернула табличку на «Открыто». В одиннадцать у нее урок скрапбукинга – можно пока сосредоточиться на нем. Но завтра вернется Колин, и Дина с ужасом ждала его приезда. Она не знала, что ему говорить и как себя вести. Дина попыталась забыть о гнетущей реальности, в которую превратилась ее жизнь, и подошла к куче рождественской пряжи, оставленной на одном из столов для рукоделия. Как только она выставит ее на продажу, покупатели сразу найдутся. Успех в работе сейчас был для нее особенно важен.

Через несколько минут входная дверь отворилась, и вошла Бостон.

– Привет! – крикнула она, увидев Дину. Ее взгляд упал на красно-зеленую пряжу. – О нет. Уже? Еще даже лето не наступило.

– Я тоже об этом подумала, но вязальные проекты требуют времени.

– Знаю, но я пока не готова к таким подвигам.

Бостон была одета в длинную цветастую тунику поверх облегающих джинсов. Бесформенная рубашка ничуть не скрывала валик жира на талии. Ее лицо было округлым, почти одутловатым. Когда она проходила через луч солнца, в волосах вспыхнули яркие красные и пурпурные пряди.

Что, черт возьми, воображает о себе эта женщина? Дина задумалась. Она больше не подросток – ей следует перестать пытаться им выглядеть. Но Бостон всегда отличалась эксцентричностью. Это присуще художникам. Люди находят это очаровательным.

– У меня сбился весь распорядок, – с глубоким вздохом призналась Бостон, – но я не позволю этому мне докучать. – Она улыбнулась. – Мне нужны акриловые краски. Один из тех наборов, которые ты продаешь детям.

Акрил? Для Бостон? Большая часть ее художественных принадлежностей – это специальные заказы из Европы. Дина постоянно размещала интернет-заявки в Италии и Франции, пытаясь разобраться в бланках на иностранных языках.

– Для чего?

Бостон повернулась и направилась к стеллажам с красками.

– Собираюсь расписать стены. – Она покачала головой. – Вернее, попытаюсь это сделать. В приемной Энди. Начну с нескольких набросков на бумаге, а потом протестирую некоторые цвета. Не знаю. Это большой проект, но, может быть, именно это мне и нужно.

Дина последовала за ней.

– Не пойму, о чем ты говоришь. Кто такая Энди?

Бостон остановилась перед маленькими баночками с яркими красками.

– Наша новая соседка.

Дина выругалась себе под нос.

– Я еще не была у нее.

Она смутно помнила фургоны, подъезжающие к ужасному дому по соседству, и звуки стройки, но не осознавала, что у нее появилась новая соседка.

Бостон потянулась за банкой с красной краской и посмотрела ее на просвет.

– Тебе предстоит со многим разобраться. Сейчас столько всего происходит.

Дина почувствовала, что щеки покрыл румянец.

– В каком смысле?

Бостон широко раскрыла глаза и растерянно посмотрела на нее.

– Я говорю о девочках. Все пятеро учатся в школе. Приближаются летние каникулы. Разве это не означает, что придется делать проекты в

последнюю минуту? Колин так много путешествует, что тебе приходится справляться с большей частью дел самостоятельно. – Бостон поколебалась. – Или есть что-то еще?

– Нет. Конечно, нет.

Дина мысленно дала себе пощечину. Надо держать себя в руках. Плохо, если Колин проболтается об их личных делах. Хуже, если она сама себя выдаст.

– Я устала. Извини.

– Ничего. – Бостон выбрала полдюжины контейнеров с яркими красками, затем подхватила пару недорогих кистей. – Я возьму это.

Они пошли к кассе.

– Я навещу Энди на выходных, – сказала Дина. – Какая она из себя?

– Милая. Хорошенькая. Она мне нравится. Она педиатр. Прямо по соседству в случае крайней необходимости.

– Отлично.

Дина вбила в кассовый аппарат коды красок.

Деловая женщина, мрачно подумала она. Критически отнесется к ее выбору. Может, даже скажет, что, заведя так много детей, она, Дина, осознанно решила зависеть от мужчины, так что ей некого винить в сложившейся ситуации, кроме себя самой. Не совсем тот разговор, которого она с нетерпением ждала.

Дина положила товары в пакет и протянула его Бостон.

– Удачи с новым проектом.

– Спасибо. Я от него в восторге. Мне нужно что-то новое. Отвлекающий маневр. Это идеальное время года для перемен.

С этими словами она помахала рукой и ушла.

Дина смотрела ей вслед. Что за глупости. Перемены – это хорошо? Последней большой переменой, с которой столкнулась Бостон, была смерть ее единственного ребенка. Кто сказал, что перемены – это хорошо?

Глава 8

В субботу утром Энди уехала пораньше. Строительная бригада собиралась работать большую часть дня, и ей совершенно не хотелось застрять на чердаке, прислушиваясь к рваному ритму перфораторов и звукам других электроинструментов. Всех мировых запасов кофе не хватит, чтобы превратить этот шум во что-то сносное.

Демонтаж первого этажа завершился, далее последовали изменения, незаметные для глаз обывателя. Уэйд клялся, что там проложены новые трубы и обновлена электрика. Но ей отчаянно не хватало нормальных стен. Позже она будет благодарна за розетки и выключатели, но сейчас смотреть на провода, свисающие между опорами, было не слишком приятно.

На следующей неделе прибудет дополнительная бригада, которая приступит к перестройке второго этажа. А значит, будет снесено еще несколько стен и две ваннные комнаты. Ее бедный дом превратится в пустую оболочку.

Но это потом, сказала она себе, спускаясь с холма в сторону города. Сегодня Энди собиралась исследовать остров. Небо было ясным, солнце дарило тепло, и день был многообещающим. Она намазалась солнцезащитным кремом и записалась на экскурсию с дегустацией вин, которая начиналась в одиннадцать. До тех пор у нее были планы прогуляться по набережной залива Блэкберри и осмотреть центр города. Приблизившись к заливу, она увидела слева от себя несколько магазинов и заведений. Четыре женщины вошли в студию «Тянись к здоровью». «Йога и пилатес» – гласила вывеска.

Интересно, подумала Энди. Она несколько раз пробовала заняться йогой и обнаружила, что, возможно, является самым негибким человеком на планете. Но пара ее подруг увлекались пилатесом. Очевидно, дело не столько в физической силе, сколько в силе духа, а ее у Энди хватало.

Она задержалась, чтобы добавить номер телефона в мобильник, и продолжила прогулку. Решила позвонить позже и узнать о занятиях.

Добравшись до главной дороги, огибающей остров, Энди увидела указатель на фермерский рынок и свернула туда. Там гуляло множество людей, в основном семьи. Маленький мальчик держал на поводке

огромного золотистого ретривера, и было трудно сказать, кто кого ведет. Впереди, держась за руки, шла пара пенсионеров.

Энди подумала, что это очень мило. Чувство общности. Сейчас она никого не знает, но это изменится. Она уже успела подружиться с медсестрами из клиники доктора Харрингтона.

Несколько минут спустя она вошла на фермерский рынок. Он был устроен на стоянке у церкви. На прилавках красовались свежие продукты, хотя сезон выращивания еще только начинался. Там было много спаржи, молодого картофеля, яиц и сыра. Запах запеченной свинины смешивался с ароматом приготовленной на гриле говядины. В конце одного из рядов несколько латиноамериканок готовили тортильи^[12] и тамале^[13]. Несмотря на недавний завтрак, Энди почувствовала, как у нее заурчало в животе.

Она обошла все прилавки. Там были банки с местным медом, мыло ручной работы и органические лосьоны. Ее привлекли некоторые товары, но она не хотела брать их с собой на дегустацию вин. Энди также не была уверена, что успеет вернуться домой и снова спуститься с холма, поэтому ограничилась лишь осмотром витрин.

Энди чувствовала себя довольно бодро, направляясь к месту сбора экскурсантов. Перед дегустационным залом стояла брюнетка лет двадцати с небольшим, одетая в футболку с надписью «Туры по острову». Энди подошла к ней.

– Я пришла на экскурсию с дегустацией вин в одиннадцать, – сказала она. – Энди Гордон.

– Отлично. Я Бет. – Бет просмотрела список и протянула Энди ярко-фиолетовый пластиковый браслет. – Не снимайте в течение всей экскурсии. Будут специальные дегустации на каждой винодельне, и ваш билет – этот браслет. Не спешите и пейте побольше воды. Кроме того, не отказывайтесь от предложенных закусок. – Она сверкнула улыбкой. – Мы не хотим, чтобы наши туристы уезжали от нас пьяными.

Энди хотела было сказать, что она не туристка, но поняла, что на самом деле это не так важно.

– Я пешком, – сказала она.

– Идеально. Тогда можете напиваться сколько угодно. – Бет выжидающе замолчала, ее ручка зависла над списком.

– Что? – не поняла Энди.

– Второе имя?

– Какое еще имя?

– Разве вы не с кем-нибудь?

В течение последних десяти лет Энди могла ответить «да». Да, она была с кем-то. Да, она была с Мэттом. Она была одной из двух половинок. Частью пары. Частью дуэта. Может, она и не чувствовала себя дико и безумно влюбленной, но быть с Мэттом было комфортно.

– Сегодня я одна, – сказала она.

Бет моргнула.

– Ой, здорово. У нас тут есть несколько веселых парней. Уверена, вы отлично проведете время.

Энди хотела заметить, что планета не перестанет вращаться вокруг своей оси только потому, что женщина не ходит на свидания. Но не стала. В конце концов, она тоже чувствовала себя неловко, хотя и сделала выбор. Она решила, что одного фиаско вроде Мэтта достаточно. Энди приняла свою новую холостяцкую жизнь, признав, что «долго и счастливо» – это не для нее. Она самодостаточная женщина. Разве кто-то давным-давно не написал об этом песню?

– Эй, там, это вы без пары?

Энди повернулась и увидела пожилую пару рядом. Оба высокие и худощавые, с седыми волосами и располагающими улыбками. Им было по меньшей мере лет по семьдесят.

– Прошу прощения?

Женщина улыбнулась.

– Я Бетти, а это мой Фред. Мы тоже участвуем в винном туре. Та милая девушка, наш гид, упомянула, что у тебя нет спутника. – Бетти понизила голос. – Мы сказали, что будем присматривать за тобой.

Энди сдержала стон. Ей было далеко за тридцать, она была врачом и не видела проблемы в том, чтобы отправиться на групповую экскурсию с дегустацией вин, которая не удалялась от ее дома более чем на четыре мили.

Однако ее воспитали быть вежливой, и она улыбнулась, как надеялась, вполне искренне.

– Очень мило с вашей стороны, но со мной все будет в порядке.

– Никаких проблем, – заверила Бетти, взяв ее за руки. – Наша дочь такая же, как ты. Достаточно хорошенькая, но, хоть убей, никто не может понять, почему она никак не заполучит мужчину. Долгое время мы думали, что она лесбиянка, но дочь клянется, что нет. Мы бы в

любом случае ее любили. Может, на экскурсии найдутся милые одинокие мужчины.

– Вообще-то я здесь для того, чтобы изучить остров и попробовать вино.

Бетти похлопала ее по руке.

– Ты такая храбрая. Это вдохновляет. Я все время говорю своему Фреду, что он не должен умирать первым. Не знаю, что буду делать одна. Я забочусь о нем вот уже пятьдесят лет. Быть женой и матерью – высшее стремление женщины. Разве ты так не считаешь?

Энди кашлянула.

– Я думаю, это может быть приятно, но...

– Ты добьешься своего, дорогая. Мы путешествуем с друзьями. Позволь, я тебя представлю. Они все очень приветливы, но будь осторожна с Уолтером. Он слегка заглядывается на женщин, а ты как раз в его вкусе.

Энди потерла лоб, чувствуя, как начинает болеть голова.

– Слушайте все! Это Энди. Сегодня она одна. Я сказала, что мы ей поможем. – Бетти понизила голос. – Она была бы признательна за любые предложения от одиноких мужчин, которых вы знаете. Внуки, внучатые племянники. Энди сейчас в том возрасте, когда ей не приходится быть разборчивой.

Энди открыла и закрыла рот. Что тут скажешь? Единственной счастливой мыслью было то, что очень скоро она окажется на винодельне. В этот миг она поклялась, что попробует все предложенные образцы и выпьет все до последней капли.

Энди никогда не напивалась, но сделала исключение для винного тура. Бетти и ее друзья предложили довезти Энди до дома, но та отклонила приглашение. Прогулка пойдет ей на пользу. Судя по тому, как кружилась голова, ей требовалось хорошенько протрезветь. С собой у нее была бутылка питьевой воды. С ней все будет в порядке.

Она также отказалась записать телефонные номера нескольких подходящих по возрасту родственников ее пожилых спутников. Откровенно говоря, описания одиноких мужчин, о которых шла речь, привели ее в ужас.

Там был старший внук Би и Гарольда, который до сих пор жил с матерью, но придумал так много идей для нового бизнеса, что не знал,

с чего начать. Джефф – тридцатидвухлетний любитель экстремальных видов спорта, который удачно излечился от последнего случая венерического заболевания. Чейз, который к тридцати годам был женат уже трижды, потому что не мог найти «ту единственную». Дерек – писатель, искавший женщину с постоянной работой, которая будет поддерживать его, пока он пишет великий американский роман. Даже экскурсовод Бет упомянула о своем бывшем парне, который через пару недель собирался выйти из реабилитационного центра.

Энди отмахнулась от всех приглашений на свидания и пообещала поддерживать связь. Да, винный тур был замечательным, но она бы предпочла оказаться где угодно, лишь бы не там. Наконец она смогла сбежать и направиться обратно к дому.

Оставшись наедине со своими мыслями и гудящей головой, она изо всех сил старалась сосредоточиться на том, чтобы удержаться на тротуаре. Даже несмотря на то, что это было труднее, чем она предполагала, ее все равно одолевали разные мысли.

Конечно, Энди не была на свидании с тех пор, как Мэтт бросил ее у алтаря, но, если все варианты заканчивались на упомянутых выше мужчинах, она бы с радостью осталась одна. Она не хотела быть чьей-либо матерью или тихой гаванью на время шторма. Ей нужен был хороший парень, веселый и заботливый. Преданный и, может быть, немного сексуальный.

– Поправка: никаких мужчин, – произнесла она вслух и тут же огляделась, чтобы убедиться, что ее никто не слышал.

Она приехала на остров, чтобы побыть в одиночестве. Начать все с чистого листа и быть свободной – в том числе от мужчин. Энди остановилась у подножия холма и посмотрела на дорогу, которая вела на ее улицу. Сознание затуманилось, температура на улице повысилась, и она вдруг засомневалась, что сможет добраться до дома. Положение довольно жалкое...

Она глубоко вздохнула и продолжила путь. «Одна нога, потом другая», – напомнила она себе. Любой путь начинается одинаково. Энди взбиралась по крутому подъему, позволив мыслям лениво скользить. С каждым шагом открывался все более захватывающий вид. Перед ней раскинулись восхитительно синие воды. Она видела полуостров и пролив, выходящий в Тихий океан. Все это выглядело бы куда красивее, если бы она могла лучше сосредоточиться.

В воздухе витал аромат морской соли. Она сделала несколько глубоких вдохов, надеясь, что в голове прояснится, и продолжила путь.

«Может, я поторопилась в отношении мужчин, – подумала Энди. – Возможно, единственный неудачный опыт не должен заставлять принимать решение, которое повлияет на всю оставшуюся жизнь». Конечно, истории с Мэттом было достаточно, чтобы отвадить кого угодно. И не похоже, чтобы у нее были какие-то перспективы. Она только что переехала в туристический рай. Туристы не годились для свиданий. Ей очень понравились Бетти и Фред, но она не хотела больше с ними встречаться. Что касается жителей острова, то, судя по всему, все они были по парам. Люди с Ковчега, подумала она со смешком, завернула за угол и увидела свой дом.

– О, прелесть, – пробормотала она.

Такой высокий и да, красивый.

Солнечный свет искрился в немногих оставшихся стеклах, и неухоженный двор выглядел не так страшно, как прежде. Вместо сорняков следует сконцентрироваться на потенциале, сказала она себе.

– Потенциал, – произнесла Энди вслух, а затем рассмеялась, потому что это прозвучало забавно. О да, она была пьяна.

По крайней мере, покупка дома была правильным выбором. Что касается свиданий и мужчин, то...

Стоило подумать о противоположном поле, и один из представителей одного вышел из парадной двери. Высокий и мускулистый, в футболке и шортах-карго. Он наклонился, поднял несколько досок, закинул их на плечо, будто они ничего не весили, и вернулся в дом.

Он скрылся внутри, а Энди слегка повело влево. Милый, подумала она, узнав Уэйда. Очень милый.

– Как думаешь, он мог бы пойти со мной на свидание? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Или заняться сексом?

Последние несколько месяцев они с Мэттом сексом не занимались, и, хотя проводить с ним время в постели было не так уж интересно, она скучала по оргазмам.

Уэйд такой высокий и сильный, и у него такие большие руки. Как медик, Энди знала, что слухи насчет крупных рук и ног – это миф, но почему бы девушке не помечтать. Только если она мечтает о горячем, потном сексе с собственным подрядчиком, не означает ли это, что она

не такая уж самодостаточная, как считала? И если она не готова остаться старой девой до конца своих дней, разве переезд на остров не кажется очень, очень глупой идеей? Зрение слегка затуманилось, и Энди поняла, что ей нужно укрыться от солнца. Может быть, выпить немного воды. Верно. Гидратация. Она глотнет воды, а потом решит, что ей делать с...

Энди моргнула, и мысль исчезла.

Ей удалось добраться до своего дома, и она, пошатываясь, поднялась по лестнице и вошла в темное помещение. Пришлось прислониться к дверному косяку, пока глаза не привыкли к изменению освещения. Энди взглянула на бутылку воды в руке и задумалась, откуда та взялась.

– Эй, ты вернулась. Как прошел винный тур?

Она подняла глаза, увидела приближающегося Уэйда и улыбнулась ему.

– Я была на дегустационном туре.

– Я в курсе.

– Там было много вина.

Его темные брови сдвинулись.

– Да ты пьяна.

Энди подняла руку и попыталась сдвинуть большой и указательный пальцы, чтобы показать, что пьяна совсем чуть-чуть. Но ей помешала бутылка. Хм. Откуда она взялась?

– Энди?

Она снова посмотрела ему в глаза. «Прелесть, – подумала она, слегка покачиваясь. – Как дом, только немного иначе».

– Сколько ты выпила?

– Понятия не имею. Я была с Фредом и Бетти.

– Кто такие Фред и Бетти?

– Друзья. Старые друзья. – Энди хихикнула. Конечно, Уэйд подумает, что она имеет в виду людей, которых знает давно, тогда как на самом деле речь о стариках в прямом смысле слова. Но объяснение шутки показалось слишком уж сложным.

– Окей, но завтра утром ты будешь себя ненавидеть, – сказал он ей. – Давай снимем это с тебя.

– Что?

Уэйд подошел ближе и снял с нее рюкзак, о котором она совершенно забыла. Как гора с плеч свалилась.

– Ого. Сколько вина ты накупила?

Энди уставилась на рюкзак. Откуда все это взялось?

– Там что, вино?

Он взвесил рюкзак в руке.

– Я бы сказал, целый ящик вина. Хочешь, отнесу на кухню?

– У меня есть кухня? Ты построил мне кухню? Это так мило.

Сегодня утром никакой кухни у нее не было. Просто пустое место.

Уэйд покачал головой.

– Тебе хуже, чем я думал. Ну же. Я отведу тебя наверх. Посидишь спокойно, пока тебя не начнет тошнить.

– Не будет меня тошнить, – сообщила она, шмыгнув носом.

– Лучше бы ты ошибалась, поверь. Избавься от лишнего поскорее, и утром будешь чувствовать себя сносно. Иначе... я бы точно не захотел оказаться завтра в твоей шкуре.

Энди понятия не имела, о чем он говорит, но это не имело значения, потому что они двигались. Уэйд наполовину подталкивал, наполовину нес ее вверх по лестнице. В один момент ей показалось, что она на пустом этаже, а в следующий она уже оказалась в своей гостиной на чердаке и Уэйд усаживал ее в кресло.

– Я в порядке, – сообщила она ему.

– Да уж, вижу, – усмехнулся Уэйд.

Он положил ее рюкзак на стол, достал из крошечного морозильника лед и бросил в стакан, налил воды и протянул ей.

– Пей, – велел он. – Я вернусь позже, чтобы провести тебя.

Прежде чем Энди успела сказать, что в этом нет необходимости, Уэйд уже ушел. Как только его шаги стихли на лестнице, она поставила стакан на стол и схватилась за живот. Тридцать секунд спустя Энди кинулась в ванную, чтобы проверить теорию Уэйда о том, что если ее вырвет сейчас, то утром она почувствует себя лучше.

Глава 9

Бостон уставилась на лежащий перед ней большой лист бумаги. Мысленно она уже видела готовую фреску. Лоснящийся ягуар с горящими глазами, улыбающаяся озорная обезьяна в зарослях ярко-зеленых деревьев, подмигивающая гусеница. Обычно ей нужно было только представить: как только картинка складывалась в голове, рука начинала двигаться. Но не сегодня.

Это была уже третья попытка начать делать эскизы для приемной Энди. Выход из зоны комфорта, зато без необходимости придумывать дизайн для ткани по четыреста долларов за ярд^[14]. Это казалось идеальным противоядием от недавнего творческого застоя. Бостон представляла фреску, закрыв глаза, и отчаянно хотела, чтобы ее работа наконец ожила. Несмотря на это, она будто застыла. Пальцы онемели и не слушались.

– Привет, детка.

Родной голос и знакомые слова освободили ее из тюрьмы художника. Она вскочила на ноги и поспешила из мастерской.

– Ты рано, – заметила Бостон, проходя на кухню.

Зик стоял в прихожей, расстегивая пояс с инструментами.

– Пришлось вернуться домой к моей лучшей в мире девушке, – сказал он, подмигнув. Бостон подошла к нему. Пояс с инструментами упал на пол, руки Зика обхватили ее. Она шагнула в его объятия.

Все было так знакомо. Уютно и вместе с тем сексуально. Она в точности знала, как губы Зика коснутся ее губ и что именно она почувствует. Предвкушение, смешанное с уверенностью, породило желание.

До того, что случилось полгода назад, секс не был проблемой, подумала Бостон, прижимаясь к нему и наслаждаясь ощущением рук, скользящих по ее телу. После рождения Лиама она была готова к интимным отношениям задолго до того, как ей разрешил врач. Однако в последнее время Зика секс не интересовал.

Он углубил поцелуй, провел языком по ее губам. Обхватил и сжал ее зад своими большими руками. Бостон выгнулась, прижимаясь к нему, потерлась бедрами, желая почувствовать знакомый холмик его эрекции. Желая ощутить эту твердость. Положила ладони на запястья

Зика, готовая притянуть его пальцы к своей груди, и тут поняла, что ничего не чувствует. Никаких физических доказательств того, что он вообще хочет ее. Зик прервал поцелуй и в последний раз похлопал ее по заднице, а затем обнял за плечи.

– Ну, покажи, как продвигается работа над фреской, – сказал он и повел ее в мастерскую.

– Не на что там смотреть. У меня возникли небольшие проблемы с тем, чтобы начать.

– Все в порядке. Я не жду совершенства. Мне просто любопытно. – В его голосе звучала решимость, и Бостон поняла, что его не остановить. Поэтому она смирилась с неизбежным и позволила ему провести себя по коридору.

Мастерская была пристроена к дому вскоре после того, как они с Зиком поженились. Огромные окна, выходящие на юг, давали много света. Там были удобные шкафчики и полки для художественных принадлежностей, держатели для кистей и карандашей, а также специально сконструированные раздвижные столы для ручной росписи тканей.

Зик отпустил ее и вошел в мастерскую. Бостон осталась в коридоре. Сейчас он увидит то, что она не успела скрыть. Вот чем она занималась последние несколько недель – сокрытием улик.

На мольберте стояла чистая бумага для набросков. Все остальные поверхности и каждый дюйм стен были покрыты портретами их умершего сына. Карандашные наброски, картины маслом, акварели, пастели. Черно-белые, цветные, реалистичные, сюрреалистичные. Каждый образ, каждая поза, каждый ракурс. Она находила эти образы успокаивающими, но знала, что Зик иного мнения.

Он медленно повернулся кругом, вбирая все это в себя. Наконец развернулся к ней лицом, плотно сжав губы. Его тело напряглось.

– Какого черта, Бостон? Ты все еще этим занимаешься? Где ты?

Она вошла в студию, встала с ним лицом к лицу.

– Я здесь.

– Нет, ты не здесь. Ты должна справиться со своим горем.

– Да.

– Это не дело. Ты прячешься. Думаешь, своими рисунками ты сможешь вернуть его к жизни?

– Не все хотят топить свои печали в бутылке, Зик.

– По крайней мере, я хоть что-то чувствую. По крайней мере, я оплакиваю нашего ребенка. А ты? Ты плакала хоть раз?

Бостон видела его гнев. Он был ярким и красным – клише, но так оно и было. Мерцающим. И скорбь тоже – более тусклую, приглушенную. «Индийский зеленый, или цвет богомола», – подумала она, представляя эту клубящуюся смесь и понимая, что ей гораздо легче думать об этом, чем о словах мужа.

– Я справляюсь по-своему, – сказала она.

– Нет. Ты становишься одержимой. – Зик шагнул к ней. – Черт возьми, Бостон, я не могу потерять и тебя тоже. Но я чувствую, как ты ускользаешь.

Он указал на мастерскую, на картины и эскизы.

– Знаешь, как сильно это пугает меня? Ты знаешь, каково это – думать о том, что ты снова и снова рисуешь Лиаму? – Он сжал кулаки. – Не поступай со мной так, Бостон. Пожалуйста. Сходи к кому-нибудь. Поговори с врачом.

– С психиатром, верно? Потому что я сумасшедшая?

Она покачала головой. Она знала, что сейчас произойдет. Как они захотят исправить то, что было сломано. Но неужели никто не понимает, что быть сломленной – это все, что у нее осталось? Без этого Лиам действительно исчезнет.

– Я не могу смотреть на все это, – произнес Зик. Прошел мимо нее и направился по коридору. Бостон не стала его удерживать. Она знала, что сейчас он уйдет. Отправится домой к Уэйдун или в бар. Должно быть, ей следует беспокоиться. Не о том, что он изменяет, а о том, что с каждой такой ссорой утрачивается что-то важное. Если бы любовь была домом, она сказала бы, что фундамент начал рассыпаться. В какой-то момент дом просто-напросто рухнет.

Она ждала укола боли, беспокойства. Эти чувства были фиолетового цвета.

Нет, цвета глицинии и чертополоха. Да, так было лучше. Бостон услышала, как хлопнула дверца грузовика Зика, затем до нее донесся звук двигателя. Подошла к табуретке и села, взяла карандаш. Мысли о мультяшном ягуаре исчезли. Вместо этого она представила красивого спящего ребенка и стала рисовать.

Энди проснулась с убийственной головной болью и искренне поклялась, что больше никогда, никогда так не напьется. В глаза ей словно насыпали песка, все нутро болело от рвоты, а кожа стала, кажется, на два размера меньше. Как врач, она могла подробно описать процесс выведения токсинов из организма. Как человек, проходящий через это, она могла только пить воду и ждать, пока пройдет похмелье.

О прошедшем дне у нее остались лишь смутные воспоминания. Энди была почти уверена, что разговаривала с Уэйдом, и могла лишь надеяться, что не ляпнула ничего слишком уж глупого. Например, не попросила потрогать его мышцы. Или снять рубашку. Да, ее подрядчик был симпатичным парнем, и да, возможно, она немного поторопилась со своим «Хватит с меня любви». Нужно хорошенько все обдумать. Двигаться осторожно. Подождать, чтобы немного прийти в себя, прежде чем бросаться ему на шею. Кроме того, похоже, Уэйд не особо заинтересовался ею. Даже не взмахнул своими длинными темными ресницами, не намекнул, что видит в ней не только свою клиентку. Она достаточно настрадалась и от одного романтического отказа в год, большое спасибо.

Выпив два стакана воды и проглотив три пресных крекера, Энди спустилась вниз. По крайней мере, сегодня воскресенье и ей не придется иметь дело ни с шумом перфоратора или пилы, ни даже с разговорами. Она может прийти в себя в тихом одиночестве, а потом, возможно, съест немного супа.

Дом выглядел как огромная пустая оболочка, и это печальное зрелище не улучшало настроения. Ей нужны были стены и полы, окна вместо заколоченных проемов. Конечно, прошла всего неделя, но все же. Она хотела видеть хоть какой-нибудь прогресс.

Энди остановилась у того, что выглядело как очень новая, очень аккуратная проводка, и попыталась обрадоваться. Ни единого проблеска. Она уже собралась подняться наверх, чтобы провести остаток утра лежа, как кто-то постучал в парадную дверь.

Во всяком случае, Энди предположила, что это был стук. В теперешнем ее состоянии это больше походило на орду вестготов, безжалостно колотящих не только в дверь, но и прямо ей в голову. Она поспешила открыть, чтобы это прекратилось.

– Да? – выдавила она, уставившись на симпатичную блондинку, стоявшую на крыльце. Посетительница была среднего роста, с

голубыми глазами и бледной кожей. Энди осознала, что одета небрежно: в слегка поношенную и, пожалуй, не слишком чистую футболку и мешковатые шорты. Не говоря уже о босых ногах и растрепанных волосах.

Сосредоточившись, Энди узнала свою идеальную соседку.

– Привет, – с заученной улыбкой сказала женщина. – Я Дина Филлипс. Живу по соседству.

На Дине был легкий жакет на кружевной подкладке. Брюки явно сшиты на заказ. Все это дополняли бисерное ожерелье и серьги. Она была накрашена. Энди одернула обтрепанный подол футболки.

– Приятно познакомиться, – сказала она, автоматически отступая назад, чтобы впустить женщину. Запоздало вспомнила, что здесь нет даже стен, не говоря уже о месте, где можно присесть. – Прошу прощения. Я еще на стадии ремонта.

«Дом, – в отчаянии подумала Энди. – Я имела в виду, дом на стадии ремонта». Не то чтобы она надеялась избежать советов по стилю жизни, но вряд ли это было дело Дины.

Дина вошла внутрь и огляделась. Ее тонкий носик слегка сморщился.

– По крайней мере, вы добрались до каркаса, – сказала она. – Уверена, дом будет выглядеть прекрасно, когда ремонт завершится. – Дина сделала паузу. – Мне жаль, что я так поздно зашла. – Она протянула блюдо для запекания. – Добро пожаловать в наш район. Это курица с овощами. Здоровая еда. Но, надеюсь, вам понравится.

– Спасибо.

Энди взяла блюдо, благодарная за то, что о ее питании на сегодня позаботились. Если, конечно, ей когда-нибудь снова захочется есть. Честно говоря, одного аромата специй, исходящего из-под фольги, хватило, чтобы у нее скрутило живот.

Дина медленно повернулась, разглядывая заколоченные окна и сорванный пол.

– Я слышала, вы врач.

– Педиатр.

– Карьера. Да, именно к этому все стремятся в наши дни, не так ли? Быть успешными. А я хотела стать матерью и иметь семью. – Ее губы сжались. – Я сделала такой выбор. Старомодно, знаю.

Энди не была уверена, ее похмелье или сам разговор тому виной, но она никак не могла понять, что, собственно, происходит.

– Я так понимаю, у вас пять дочерей. Это просто удивительно! Я познакомилась с Люси. Она такая милая.

Дина уставилась на нее.

– Да, дочери. Пять девочек, за которых я отвечаю. – Она слегка покачала головой. – Думаю, вы захотите осмотреть мой дом. Нижний этаж полностью отреставрирован. Главная гостиная обставлена антиквариатом, и репродукции в ней соответствуют возрасту самого здания.

– Эм-м, было бы неплохо. Спасибо.

Дина кивнула.

– Этот дом принадлежит моей семье с тех пор, как был построен. Бостон тоже унаследовала свой дом, но ее бабушка и дедушка купили его у прежних владельцев.

– Ясно.

Какая разница, чья семья владела домом дольше всех?

Дина снова улыбнулась, на этот раз приподняв уголки губ.

– Что ж, не стану вас задерживать. Добро пожаловать. Мы очень рады, что здесь кто-то поселился. Что бы вы ни сделали с этим местом, оно станет лучше, чем было.

С этими словами она повернулась и ушла. Энди смотрела ей вслед, не понимая, что не так, но уверенная, что Дина Филлипс не из тех, кто мог бы ей понравиться.

Неделю спустя Энди обнаружила, что снова не в духе, разве что без похмелья, как в прошлое воскресенье. Спускаясь по лестнице, она признала, что ей до нелепости одиноко, а дни кажутся бесконечными. Всю неделю Энди была занята. Множество пациентов, дружелюбные медсестры. Она возвращалась домой с работы приятно уставшей и готовой расслабиться. Вчера были дела, но на сегодня планов не было.

Обычно они с Мэттом проводили воскресенья вместе. Это был единственный день недели, когда оба были свободны и им редко звонили. Хотя из-за своей специализации – детская хирургическая онкология – Мэтт никогда по-настоящему не был свободен от дежурств.

И все же они проводили время вместе. Ходили в музеи, ужинали с друзьями, навещали семьи, смотрели фильмы. Отправлялись за

покупками, и он говорил ей, что купить. Ее день зачастую оказывался заполнен тем, что хотел сделать он. Энди было неловко обнаружить, что в свои тридцать два года она не знает, чем себя занять в единственный выходной.

Она допила кофе, сполоснула кружку и застелила постель. Приняла душ и оделась. День был солнечным и теплым, так что стоило этим воспользоваться. Может, она могла бы... Что? Были ли на Ежевичном острове музеи? Она не хотела идти в кино одна, а ее друзья находились в Сиэтле, в паре часов езды. Энди выглянула в маленькое чердачное окошко и увидела внизу запущенный двор. Вот чем заняться, подумала она. Исследовать это открытое пространство. Она может пройтись, прочувствовать его. Может быть, даже сфотографировать. Затем на будущей неделе спросить Уэйда, не знает ли он ландшафтного дизайнера, готового помочь привести сад в порядок. Или узнать имя человека, о котором упоминала Бостон.

Она быстро намазалась солнцезащитным кремом, нахлобучила на голову шляпу, прихватила маленький цифровой фотоаппарат и направилась на улицу.

На северо-западном побережье Тихого океана в зимние месяцы может стоять отвратительная дождливая погода, но, как только выглядывает солнце, на земле не найти уголка прекраснее. Энди окинула взглядом сверкающее голубое небо, остров внизу и воду за ним. Она могла бы поклясться, что почти видит океан. Дул легкий ветерок, было тепло. На остров действительно пришло лето.

Энди вышла на задний двор и начала фотографировать. Там были клумбы, хотя они заросли высокими и чахлыми кустарниковыми деревьями, которые она не узнавала. Трава местами была редкой. Единственными пышными участками газона оказались сорняки. Она сняла несколько кадров и задумалась, есть ли у нее что-то вроде спринклерной системы^[15]. Или садовые инструменты. В дальнем углу стоял сарай, но выглядел так, словно вот-вот рухнет, и она была уверена на все сто, что он кишит пауками.

Сделав еще несколько снимков с краю двора, Энди обошла его спереди и продолжила фотографировать. Глядя в объектив, она осознала, насколько отвратителен ее двор. Надо поскорее обсудить с Уэйдом предложения по благоустройству. Вечерами она заходила в дом

и могла притвориться, что все хорошо. Но ее соседям приходилось лицезреть этот двор из своих окон.

– Привет, Энди.

Она обернулась и увидела идущую к ней Люси с верным семейным котом, которого та баюкала на руках. С ней были две девочки поменьше. Однотайцевые близнецы, подумала Энди, разглядывая светлые волосы и большие голубые глаза.

– Привет, – с улыбкой отозвалась она. – Рада снова тебя видеть.

– Это мои младшие сестры. Сидни и Саванна. Не волнуйся, ты не сможешь отличить их друг от друга, когда увидишь в следующий раз.

Энди рассмеялась, а затем опустилась на колени и протянула руку.

– Я очень рада познакомиться с вами обеими.

Сидни и Саванна пожали ей руку, переглянулись и захихикали.

Все три девочки были одеты в футболки и шорты. На близнецах были одинаковые футболки с оборками по подолу: одна розовая, другая желтая.

– Я Сидни, – сказала девочка в желтом.

Люси устроилась на траве и отпустила Пикуля, который тут же растянулся на солнышке и принялся приводить в порядок шерсть. Близнецы уселись рядом с сестрой.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Люси.

– Фотографирую свой двор. Хочу поговорить с кем-нибудь о том, как привести его в порядок. Сейчас он выглядит довольно плохо.

Саванна энергично закивала.

– Мама ненавидит твой дом. Она говорит, что это гне... – Она взглянула на Люси, которая пожала плечами.

– Гнилье? – предположила Энди.

– Верно. Гнилье.

Не очень дружелюбно, хотя и правдиво.

– Бедный домик долгое время пустовал, – сказала Энди. – Я думаю, раньше он грустил, но сейчас ему, должно быть, радостно.

– Дома не могут радоваться, – заметила Сидни.

– Почему нет?

– Потому что они ненастоящие.

Энди наклонила голову, изучая свое жилище.

– Этот выглядит вполне настоящим.

– Она имеет в виду, что дом не живой, – пояснила Люси. – Но я тебя понимаю. Я тоже всегда думала, что этот дом печальный.

Сидни придвинулась немного ближе и широко улыбнулась ей.

– Ты угостишь нас печеньем?

– Что? – Энди уставилась на нее. Верно. Прохладительные напитки. Обязанности хозяйки. – Извините. У меня в доме не так много еды. Есть яблоко. Можем разделить на всех.

– Нет, спасибо.

Энди вздохнула.

– В следующий раз у меня будет печенье.

– А лимонад? – Сидни с надеждой посмотрела на нее.

– Конечно.

– Это было бы здорово.

– А сейчас можем устроить воображаемое чаепитие, – предложила Люси. – Мы все время так делаем. Понарошку. Хотя Сидни всегда говорит, что в наших чашках на самом деле нет чая.

– Она не умеет понарошку, – с усмешкой сказала Саванна.

– Умею, – возразила Сидни. – Но притворяться глупо.

– Это все равно весело, – не согласилась Люси.

Сидни придвинулась поближе к Энди.

– Мама хотела мальчика, но вместо этого появились мы.

Энди показалось, что это похоже на правду. После трех девочек желание родить мальчика вряд ли можно назвать неожиданным. Но ей было жаль, что близнецы слышали, как их родители обсуждали эту тему. Такого рода информацию не следовало бы распространять.

– Я думаю, вы прекрасны, – тепло сказала Энди. – Мне бы очень повезло, если бы у меня были три такие девочки, как вы.

Она получила в ответ три улыбки. А затем Люси занялась чаем понарошку и раздала чашки на блюдцах и ассортимент самых роскошных воображаемых печений.

Бостон заметила девочек, когда вытирала пыль в гостиной. Зик и Уэйд поехали в Сиэтл, чтобы успеть на игру «Маринерс»^[16], так что она была предоставлена самой себе и почему-то забеспокоилась. В кои-то веки мастерская показалась ей тесной и она не смогла погрузиться в творчество. Уборка казалась способом поднять настроение, но лишь продемонстрировала, насколько все плохо. Бостон не знала никого, кто

любил бы домашние хлопоты. Разве что Дина, и, видит бог, Дина гордилась тем, что она капельку лучше других.

Бостон перестала вытирать пыль и напомнила себе о необходимости быть осторожнее с суждениями. Вряд ли они поднимут ей настроение, к тому же она серьезно верила в карму. Лучше сконцентрироваться на том, что Дина изо всех сил старалась быть идеальной матерью, и постараться вспомнить ее хорошие качества. Хотя в данный момент Бостон не могла припомнить ни одного.

Она подошла к окну и посмотрела, как три дочери Дины сидят во дворе Энди и играют в чаепитие. Они собрались в круг, посередине сидел домашний кот. Солнечный свет, казалось, обнимал их, одновременно благословляя и защищая невинность момента.

Светлые волосы девочек – это золотистые и желтые тона, оттенки кремово-белого. Вспышка розового – язык Пикуля, который старательно умывался. Острые углы локтей и коленей, завитки кудрей Энди, бахрома травы.

Энергия забурлила внутри Бостон, а затем выплеснулась наружу, переполняя ее. Она увидела и почувствовала картину. Зная, что это бесполезно, но все же не в силах сопротивляться желанию, она бросила пыльную тряпку на стол и поспешила в мастерскую. Там схватила коробку пастели и небольшой блокнот, затем прошла через кухню, чтобы взять тарелку шоколадных мини-кексов. Они были приготовлены из белой пшеничной муки и сахара – у Дины случился бы припадок, узнай она, что ее дети их едят, но Бостон было плевать. Ей было нужно, чтобы девочки продолжали играть еще несколько минут, и кексы казались самой легкой взяткой.

Она засунула три пакетика сока в карманы шорт и поспешила к выходу.

Квартет все еще был на месте. Пикуль закончил свое омовение и лежал, вытянувшись, на боку. Кошачьи глаза были закрыты, он задремал на солнце.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я присоединюсь, – подойдя, сказала Бостон. – Я увидела, что вы устроили чаепитие, и не смога удержаться.

– Мы очень рады. Я ужасная хозяйка, но обещаю, что исправлю этот недостаток к следующим выходным.

Сестры быстро подвинулись, чтобы освободить место для Бостон. Три пары голубых глаз уставились на угощение.

– Они шоколадные? – с тихим благоговением в голосе спросила Люси.

– Да. Я сама их испекла.

– Мама говорит, что домашняя еда самая лучшая, – произнесла Сидни.

Бостон протянула тарелку.

– Я знаю, как она относится к готовым закускам, так что тебе не о чем беспокоиться.

Близнецы посмотрели на Люси, которая сжала губы, а затем медленно потянулась за мини-кексом. В ту секунду, когда ее пальцы сомкнулись вокруг него, близняшки тоже схватили по одному. Бостон протянула Энди пакетики с соком и достала блокнот.

Она колебалась, прежде чем выбрать цвет, затем взяла желтый, уже представив обманчиво случайные линии, которые станут их волосами. Страх клокотал внутри, заставляя дрожать, но она не стала обращать внимание на легкую дрожь в пальцах и сделала первый штрих.

Второй и третий дались уже легче. Бостон отбросила желтый и потянулась за бледно-розовым, чтобы зарисовать их лица. Рука двигалась все быстрее и быстрее. Она слышала, как вокруг текут разговоры, как хихикают девочки и как из пакетов с соком высасывают последние капли, но видела только очертания, формы и цвета.

Пикуля заставили сидеть неподвижно. Она нарисовала его черным, не тронув бумагу лишь там, где была белая шерсть. Обрели очертания длинные ноги Энди и ее выющиеся волосы. Рука Бостон начала побаливать, она ощутила предательскую судорогу в пальцах, но продолжила работать. Пот бисеринками выступил на ее верхней губе, стекал по спине. Она могла бы поклясться, что слышала рев моря, а может, это был просто шум крови, стучащей в ушах. Бостон нарисовала дерево, затем фасад дома. Блокнот упал ей на колени, она подняла глаза и поняла, что девочки с котом ушли и они с Энди остались одни.

Это было похоже на пробуждение от глубокого сна. Бостон не до конца понимала, что реально, а что нет. Вдруг она несла какую-нибудь чушь или сказала что-то, чего говорить не следовало? Для нее

творчество было очень личным делом. Интимным. Она не должна была так... увлекаться.

И вот перед ней доказательство того, что она увлеклась. набросок был в лучшем случае примитивным, незаконченным, небрежным, но он запечатлел девочек. Там была жизнь, движение. И это был не Лиам.

Замешательство заставило Бостон почувствовать себя еще более неловко. Ей захотелось собрать вещи и убежать домой. Только она, кажется, не могла пошевелиться.

– Ты в порядке? – тихим мягким голосом спросила Энди.

Бостон кивнула.

– Прости. Я увлеклась.

– Впечатляюще! Не могу поверить, как быстро ты нас нарисовала. – Она склонилась над рисунком, легко провела пальцем по изгибу щеки Люси. – Всего несколько штрихов – а какой объем. Посмотри на ухо Пикуля. А дом? Пять или шесть линий точно передают очертания, я сразу узнала его.

Бостон почувствовала, как в ней закипают эмоции. Смущение. Удовольствие. Неуверенность.

– Хотела бы я иметь хоть десятую долю твоих способностей, – призналась Энди. – Я боюсь выбирать цвета красок и светильники. А у тебя настоящий талант.

Бостон покраснела и стерла с пальцев пигмент.

– Это дар. Я здесь ни при чем.

– Думаю, по большей части это твоя заслуга. Ты упорно трудилась, чтобы отточить мастерство. Мы все рождаемся с талантами, но посмотри, чего ты достигла.

Бостон сжала губы, затем посмотрела на Энди и выдавила улыбку.

– Ты очень милая, и я это ценю. Так себе работа, – сказала она, указывая на рисунок. – Но я рада, что тебе нравится. Я застряла на какое-то время, и это...

– Если ты о росписи стен, не беспокойся. Я знала, что ты художник, но не представляла, насколько гениальный. Этот проект явно не заинтересует тебя.

– Нет-нет, – быстро сказала Бостон. – Дело совсем не в этом. Я действительно хочу предложить тебе несколько эскизов. Но я не могла их сделать, не могла ничего нарисовать. – Она помолчала, затем расправила плечи. – У нас с Зиком год назад родился ребенок. Лиам.

Такой красивый, смысленный, счастливый, и... – Она сглотнула, борясь с комом в горле. С комом, не со слезами. Слез не было. – Он умер почти семь месяцев назад. Порок сердца. Мне сказали, что такое случается. Лиам таким родился, и это был лишь вопрос времени. Это не было генетическим заболеванием или чем-то, что можно обнаружить. Однажды его сердце просто остановилось. – Бостон уставилась на траву. – Я держала его на руках. Только что он улыбался мне, а в следующую секунду умер.

Энди сжала ее руку.

– Мне так жаль. Потеря ребенка – это неопишуемая боль.

«Наверное, она это знает», – подумала Бостон, оценив доброту. Работая педиатром, Энди страдала из-за смерти пациентов и боли их родителей.

– Я рисую его, – прошептала Бостон. – Снова и снова. Я рисую его, и это меня успокаивает.

– Уверена, что так он как будто с тобой. Ты создала его в своем теле, а теперь воссоздаешь в своем сердце.

Бостон уставилась на нее.

– Да. Так и есть. Вот что я делаю.

То, чего Зик не может или не хочет понять.

– Не могла рисовать ничего другого с тех пор, как он умер, так что это... – Она указала на рисунок. – Это что-то вроде прорыва.

– Я так рада. – Энди сжала ее пальцы, затем отпустила их.

Бостон знала, что еще далека от выздоровления, но чувствовала себя так, словно сделала первый шаг. После нескольких месяцев топтания на месте движение вперед казалось чудом.

– Может быть, теперь я смогу заняться фреской для тебя.

– Не торопись. К тому же ты всегда можешь отказаться от работы. У меня такое чувство, будто я попросила Пикассо помочь мне покрасить ванную.

Бостон рассмеялась. Вышло немного хрипло, но это было приятно.

– Я была бы рада помочь тебе с ванной.

– Я собираюсь позволить Уэйду и его работникам с этим разобраться. – Энди сделала паузу. – Уэйд кажется хорошим парнем.

– Так и есть. Ты уже познакомилась с его дочерью?

– Нет.

– Она классная. Ей двенадцать, это считается трудным возрастом. Но она по-прежнему все та же милая девочка, какой была всегда. Уверена, вы скоро познакомитесь. Она лучшая подруга старшей дочери Дины. – Ее взгляд упал на оставшиеся мини-кексы. – Мне лучше отнести их домой, а то Дина увидит и набросится на меня с граблями. – Бостон усмехнулась. – Она не разрешает детям есть сахар.

– Серьезно?

– Никакого сахара, никаких переработанных продуктов. Только то, что готовит она сама.

– Вот это самоотверженность.

– Никто не может отрицать, что она преданная мать.

«Мать, у которой пятеро детей», – подумала Бостон, чувствуя, как возвращается серость. Разве это справедливо?

Она с трудом поднялась на ноги.

– Спасибо, что позволила испортить твою вечеринку.

– Мы тебе очень рады, – отозвалась Энди. – В следующий раз я буду готова к компании. Припасу печенье и лимонад.

– Девочкам понравится. Только убедись, что Дина не видит.

– Она слегка пугает меня, – призналась Энди.

– Меня тоже.

Бостон собрала вещи и направилась домой. Ее взгляд упал на рисунок. На лица и цвета. То, что всего несколько минут назад казалось таким исцеляющим, внезапно обернулось предательством. Она ворвалась в дом, вывалила все на стол, вырвала лист бумаги из блокнота и аккуратно разорвала на две части. Потом на четыре, потом на шестнадцать. Когда от него остались кусочки не больше конфетти, она выбросила обрывки в мусорное ведро.

Пять минут спустя Бостон сидела в мастерской с карандашом в руке. Она рисовала не задумываясь: спящий ребенок быстро обретал очертания.

Глава 10

Злости оказалось гораздо больше, чем ожидала Дина. Колин большую часть последних двух недель был в разъездах, а в прошлые выходные они почти не разговаривали. Она говорила себе, что начинает привыкать к тому, какой станет жизнь после развода, но знала, что это ложь. Муж отдавал ей зарплату, обеспечивал материальную стабильность. Если они расстанутся, она будет по-настоящему предоставлена самой себе, черт бы его побрал.

Так что Дина продолжала злиться. Это оказалось легко, и она на самом деле начала чувствовать себя лучше. Позволив вскипеть внутренней ярости, она поняла, что злилась уже давно. Годы. Не только на Колина, но он был удобной мишенью и к тому же заслужил это.

– Мне нравятся ее волосы, – сказала Люси, накрывая на стол. – Она говорит, что родилась с вьющимися волосами. Я бы тоже хотела иметь кудряшки.

Дина понятия не имела, о чем говорит дочь.

Или о ком. Скорее всего, о какой-нибудь школьной подружке. По крайней мере, у Люси появились подруги. Это уже кое-что. С Люси всегда было трудно. Тихоня, да еще эти очки. Как бы то ни было, она слишком мала для контактных линз, а когда Дина спросила о лазерной коррекции, врач Люси уставился на нее так, будто она предложила поставить ей пиявок.

«Никому не понять», – подумала Дина, проверяя, как жарятся в духовке две курицы. Пятеро детей. О чем она только думала? У кого сейчас пятеро детей? Конечно, она хотела только двоих. Мальчика и девочку. Но каждый раз, родив дочь, преисполнялась решимости родить сына. Потому что так делали все. Когда появились близнецы, она сдалась.

Она любила своих девочек. Всех. Но пятеро... С каждым новым днем она чувствовала себя все более подавленной.

Дина потянулась за бокалом шардоне. Она открыла бутылку несколько дней назад. Допьет ее до того, как вернется Колин, а затем откроет новую на ужин.

Она сделала глоток и поставила бокал, посмотрела на раковину. Ей отчаянно захотелось вымыть руки, почувствовать гладкое мыло, теплую

воду. Чтобы смыть всю боль и неуверенность, с которыми ей приходилось сталкиваться. Только кожу на руках уже покрывали язвочки, а костяшки пальцев потрескались. «Слишком явно, все заметят», – подумала она. Нужно быть сильной. Она не могла дать Колину повод забрать больше, чем он уже забрал.

На лестнице послышались шаги.

– Папа вернулся! – закричала Мэдисон, бросаясь к входной двери. Ее спальня выходила окнами на передний двор, так что она всегда узнавала об этом первой.

Люси бросила столовые приборы и побежала за сестрой. Примчались остальные девочки, каждая хотела первой оказаться на подъездной дорожке.

Дина осталась на кухне одна и потянулась за вином. Желудок скрутило в узел, но она все равно выпила. Она пила, потому что не могла делать то, что действительно хотела, – не могла мыть руки. И еще потому, что ее дочери никогда не бежали встретить ее.

– Я очень рад за тебя, Одри, – сказал Колин. – Ты так усердно учишься. Горжусь тобой.

Ее средняя дочь вспыхнула от похвалы, и Дина сильнее сжала бокал. «Так типично», – подумала она, оглядывая сидящих за столом. Одно слово отца – и они буквально расцветают. Дина тоже сказала Одри, что та хорошо сдала тест по правописанию, но не получила почти никакой реакции. К тому же восьмилетняя девочка не каждое слово написала правильно – ошиблась в двух из двадцати. Дина заставила Одри по пять раз переписать слова, в которых та ошиблась, чтобы запомнить их к следующему тесту. Но, без сомнения, они восприняли это как какую-то форму жестокого обращения с детьми.

– Какие еще новости? – спросил Колин и посмотрел на Дину. – Ты уже познакомилась с нашей новой соседкой?

– Да, несколько недель назад.

Хорошо, только пару недель назад, но это почти одно и то же.

– Она врач?

– Педиатр, – сказала Мэдисон. – Мне Кэрри рассказывала. Ее отец занимается ремонтом. У нашей соседки кабинет будет на первом этаже.

– Она милая, – объявила Люси, поправляя очки. – Сидни, Саванна и я пили с ней чай в прошлое воскресенье.

– Это был чай понарошку, – уточнила Сидни. – Но потом пришла Бостон, и... – Она дернулась, будто кто-то пнул ее под столом.

Люси бросила на сестру предупреждающий взгляд.

– Она и вправду милая, – быстро повторила девочка. – У нее такие красивые волосы. Длинные и кудрявые.

– Это о ней ты рассказывала раньше? Об этой женщине по соседству? – Дина нахмурилась, глядя на дочь. – Ты проводишь с ней слишком много времени. Зачем это взрослая женщина будет общаться с детьми?

– Если она педиатр, то в этом нет ничего странного, – заметил Колин.

– А почему она не замужем? Почему у нее нет собственной семьи? Она, наверное, из лесбиянок.

Брови Колина сошлись на переносице.

Четыре младшие девочки выглядели смущенными, а лицо Мэдисон стало сердитым.

– Вечно ты так, – сказала Дине старшая. – Всегда говоришь о людях гадости, а не знаешь, правда ли это. Зачем постоянно думать о плохом?

– Что значит «из лесбиянок»? – поинтересовалась Сидни.

– Не бери в голову, – сказал ей Колин и повернулся к Дине. – Я согласен с Мэдисон. Тебе действительно нравится предполагать худшее. Уверен, что наша соседка – очень хороший человек. Она, безусловно, украсит наше сообщество. Разве ты не говорила, как хочешь, чтобы на острове появился педиатр? Теперь у нас есть врач по соседству, но тебя опять что-то не устраивает.

Уязвленная, Дина открыла рот, но не смогла придумать, что сказать.

– Я пошутила, – наконец выдавила она.

– Конечно. Мы все знаем, что ты та еще шутница, – сказал Колин. – Девочки, а давайте сходим за мороженым.

Все пять дочерей уставились на него с одинаковым выражением, в котором смешались две трети волнения и треть опасения.

Дина схватилась за бокал с вином.

– Этим вечером им не положен десерт, – пробормотала она.

– И не говори! – Он оттолкнулся от стола и встал. – Потому что все знают, что десерт раз в неделю укрепляет характер, верно? Я поведу

своих прекрасных дочерей покупать мороженое, а потом мы прогуляемся по набережной, чтобы весь мир видел, что я счастливый человек и у меня такие замечательные дети. Ну, идем же.

Девочки встали из-за стола. Люси и Одри взяли свои тарелки и быстро отнесли их в раковину, но остальные трое бросили грязную посуду и поспешили за отцом.

Из коридора донеслись взрывы смеха. Входная дверь открылась и закрылась, после чего наступила тишина. Дина осталась сидеть за столом посреди бардака, который устроили на ее кухне. Одна.

Она была в разгаре войны, но не понимала правил ведения боя и того, как ей победить. Даже не до конца понимала, почему это началось и когда она стала врагом. Дина знала лишь одно: нет на свете человека, которому она могла бы позвонить. Никого, кто обнял бы ее и сказал, что все будет хорошо. Ни одного человека, который был бы ей настоящим другом.

– Я пришла на занятие в пять часов, – радостно сказала Энди.

Она стояла перед небольшой изящной стойкой регистрации в студии пилатеса и йоги «Тянись к здоровью».

Секретарша, красивая брюнетка лет двадцати с небольшим, взглянула на нее.

– У меня не запланировано частных уроков.

– Я на групповое занятие. Я звонила пару дней назад и записалась.

– А вы сказали, что вы новенькая? – Брюнетка одарила ее улыбкой. – Мы просим всех наших новых клиентов сначала пройти хотя бы один частный урок, чтобы убедиться, что они четко понимают, как выполнять упражнения. Мы не хотим, чтобы вы пострадали.

– О, я, кажется, упоминала, что раньше не ходила сюда на занятия.

Хорошее настроение Энди испарилось. Она специально изменила свое расписание, чтобы прийти вовремя. Очередное очень долгое воскресенье напомнило ей, почему она решила жить на острове. Теперь только от нее зависит, какой будет ее жизнь. Следовало найти друзей и занятия, которые ей понравятся. Энди никогда не любила физические упражнения, но, по крайней мере, в студии она сможет общаться с другими людьми.

– Вы раньше занимались пилатесом? – уточнила секретарша.

– Честно говоря, нет.

К стойке подошла миниатюрная рыжеволосая девушка с фигурой танцовщицы.

– Я Марли. Веду пятичасовое занятие. Вы можете попробовать, если хотите, но с пятью другими участницами я смогу лишь присматривать за вами. Если вас это устроит, то и меня тоже. Поймете, чем мы здесь занимаемся, и решите, хотите ли продолжать.

– Конечно.

Теперь Энди чувствовала себя менее уверенно. Она предполагала, что класс означает большую группу, а не всего шесть человек.

– Проблема решена, – с улыбкой сказала брюнетка. – Можете оставить свои вещи вон там.

Она указала на ряд открытых стеллажей с проволочными корзинами.

Энди положила в одну из них свою сумку.

Остальным занимающимся было от двадцати с небольшим до шестидесяти с хвостиком лет. Почти все – подтянутые, одетые в черное, с босыми ногами. Подумав, что ей следовало бы потратить время на педикюр, Энди сняла туфли и положила их в корзину к сумке.

– Давайте начнем, – сказала Марли.

Энди последовала за женщинами к ряду гимнастических ковриков. Возле каждого находилась прикрепленная к стене металлическая рама, на которой висели различные пружины и ручки. Все сели на коврики лицом вперед. Энди выбрала место с краю.

– Начнем с «сотни», – сказала Марли.

Сотни чего? Энди увидела, как участницы легли и дотянулись до ручек. Она сделала то же самое. Подняла ноги, как и все остальные, уткнула подбородок в грудь – и сразу же почувствовала жжение в животе и вдоль задней поверхности ног. Они что, собираются держать эту позу, считая до...

– И качаем. Вдох, два, три, четыре, пять. Выдох, два, три, четыре, пять.

К ужасу Энди, все начали размахивать руками вверх и вниз, держа сомкнутые ноги приподнятыми под углом девяносто градусов.

– Пятки вместе, носки врозь, – сказала Марли, проходя мимо. – Энди, подбородок к груди. Втяни живот.

На счет «шестидесят» у Энди задрожали мышцы живота. К завершению «сотни» она поняла, что совершила ужасную ошибку.

Хуже того, оказалось, это было одним из самых простых упражнений.

Пятьдесят минут спустя Энди лежала на коврике, тяжело дыша и гадая, сможет ли подняться. Она изучала анатомию, но внезапно обнаружила ноющие мышцы в таких местах, о существовании которых даже не подозревала. Остальные участницы вскочили на ноги и поблагодарили Марли за урок. Энди удалось встать на четвереньки и лишь затем, пошатываясь, полностью подняться.

– И что скажете? – спросила Марли.

– Это было здорово.

– Вы отлично справились. Почему бы вам не запланировать пару частных уроков, чтобы ознакомиться с различными упражнениями? А затем снова приходите на общее занятие. Здесь все так приветливы. У нас весело.

Энди посмотрела на женщин, болтающих у входа в студию. Они немного вспотели, но не выглядели так, будто их переехал автобус. Даже женщина лет шестидесяти двигалась легко, словно урок был не таким уж большим испытанием.

– Не уверена, что использовала бы слово «весело», но думаю, что хочу попробовать еще раз.

«Когда приду в себя», – подумала она.

Энди направилась к машине и забралась внутрь. Вставила ключ и завела двигатель дрожащей рукой. Хорошо, что у нее не механическая коробка передач. Она ни за что не справилась бы со сцеплением в таком состоянии.

Все тело ныло так сильно, что даже просто заехать на холм к дому оказалось затруднительно. Она никогда не занималась спортом и теперь расплачивалась за это. Интересно, сможет ли она вообще двигаться завтра утром.

Энди припарковалась перед домом, и на этот раз вид большого грузовика Уэйда не слишком ее обрадовал. Она была потной, с покрасневшимся лицом и в очень неприглядных спортивных штанах и футболке. Если она продолжит ходить в «Тянись к здоровью», придется потратиться на симпатичную форму. Интересно, продают ли здесь утягивающую спортивную одежду?

Она поднялась по лестнице на крыльцо и вошла внутрь. Уэйд стоял с планшетом в руках.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал он ей, указывая на заднюю часть дома. Энди бросила сумочку и сумку с рабочей одеждой на нижнюю ступеньку и, прихрамывая, последовала за ним. Он остановился перед несколькими деревянными деталями.

– Мы закончили большую часть электрики и оформляем кабинеты. К концу недели увидишь, где будут разные комнаты.

– Прогресс, – сказала она и попыталась улыбнуться. – Здорово.

Уэйд секунду изучал ее.

– У меня есть несколько счетов, которые тебе нужно подписать. На светильники и выключатели. Кроме того, звонил поставщик медицинского оборудования, нужно выбрать смотровые столы.

Он пустился в подробные объяснения, и Энди изо всех сил старалась слушать, но мысли ее были далеко.

Это ее жизнь, подумала она, глядя на деревянные рамы и вскрытый пол. Этот дом, этот остров. Она действительно сбежала от всех своих друзей, от рутины, от всего, что когда-либо знала. Начала все сначала, не имея ничего, кроме старого, пропахшего крысами дома, любимой работы и очень слабых мышц живота.

Карьера давала ей большое преимущество по сравнению со многими другими людьми, однако по ночам не согревала. Энди была уверена, что мужчины ей больше не нужны, но это оказалось не так. А теперь она на острове, и со свиданиями дела здесь обстоят не очень. Уэйд был единственным одиноким парнем, которого она встретила, и он не проявлял к ней интереса. Ни малейшего намека!

– Тебе не нравится, – сказал Уэйд.

Она уставилась на него.

– Что? Прости. Я задумалась. Ты не мог бы повторить?

– Конечно, но ты в порядке?

Энди открыла рот, потом закрыла его.

– Нет, не в порядке. Я переехала сюда, не осознавая, что делаю. Каждый человек здесь – либо семейный, либо турист. У меня нет ни друзей, ни хобби, ни ванны. Я намеренно отрезала себя от мира, а теперь застряла. Здесь нет одиноких мужчин. По крайней мере, я никого не встречала. Даже если встречу – я не была на первом свидании уже лет десять. Не знаю, изменилось ли что-нибудь, но раньше у меня это не очень хорошо получалось. Сомневаюсь, что возраст что-то

улучшил. Я одна и одинока. И если кто-нибудь скажет, что упражнение под названием «массаж живота» – это хорошо, не стоит этому верить.

Уэйд долго смотрел на нее, потом откашлялся.

– Тогда поговорим о светильниках завтра?

Она не знала, смеяться ей или разразиться истерическими рыданиями.

– Конечно. Извини. Это не твоя проблема. Мне нравится, что ты делаешь с домом.

– Спасибо.

Уэйд отошел так стремительно, что Энди почти ожидала увидеть на полу следы пробуксовки. Она поднялась наверх, приняла душ и переоделась. Когда она спустилась вниз, Уэйд собирал вещи.

Он подошел к входной двери и оглянулся.

– Все наладится.

– На самом деле ты этого не знаешь, но спасибо за оптимистичное мнение.

Уэйд усмехнулся.

– Ты ведь оптимист, разве нет? – сказал он.

– Я прагматик.

– Не беспокойся насчет свиданий. Это не меняется.

– Надеюсь, что нет.

– Увидимся завтра, Энди. – Уэйд быстро помахал ей рукой и ушел.

Она опустилась на нижнюю ступеньку и уронила голову на руки. Да, полное отсутствие интереса. Она даже не удивилась.

Глава 11

Дина нарезала хлеб, который испекла на прошлой неделе, и собрала все необходимое, чтобы сделать бутерброды. За исключением Мэдисон, девочки оставались в постелях, что означало еще несколько минут покоя.

«Еще час, самое большее – два, – сказала она себе. – Тогда Колин уедет, а дети будут в школе». Она взглянула на часы и отодвинула бутерброды. Пора поднимать девочек.

Она поднялась по лестнице. Проходя по коридору, слышала голоса, доносившиеся из спальни.

– Почему? – спрашивала Мэдисон. – Папа, ты так нам нужен.

Дина замерла в коридоре.

– Знаю, малышка. Я тоже хочу быть здесь. Я стараюсь все изменить.

– Не очень-то ты стараешься. Это все из-за нее, да? Она вынуждает тебя уйти. Лучше бы она ушла, а не ты.

Дина почувствовала, как эти слова пронзили ей сердце.

– На самом деле ты ведь так не думаешь, – тихо произнес Колин.

– Думаю, – настаивала ее двенадцатилетняя дочь. – Я ненавижу ее.

Дина вздрогнула.

– Мэдисон, – предупредительно произнес Колин. – Говори о матери с уважением.

– Я ее не уважаю, и она мне не нравится. Ты не можешь заставить меня полюбить ее. Зачем это мне? Зачем это кому-то из нас? Близняшки слишком маленькие, чтобы понимать, но Одри и Люси чувствуют то же самое. Она ужасна.

Дина ощущала, что с каждой секундой становится все меньше и слабее. Она повернулась и быстро, спотыкаясь, спустилась вниз. Оказавшись на кухне, прижала руки к животу и приказала себе продолжать дышать.

Этого не может быть. Не может быть. Как Мэдисон могла сказать такое? Она не знает, какой ужасной может быть мать. Ей этого не досталось. Это Колин во всем виноват. Это он сделал.

Несколько минут спустя он вошел в кухню. Дина повернулась к нему.

– Вот как? – спросила она. – Хочешь, чтобы мои девочки отвернулись от меня?

Он стоял в своем костюме, с чемоданом в одной руке и портфелем в другой.

– Я не учил ее таким словам.

– Нет, но ты ее поощряешь. Ты хочешь, чтобы мои дети отвернулись от меня. Хочешь лишить меня всего.

– Я не принимаю твоих обвинений, – сказал он. – Что бы ни происходило между тобой и Мэдисон, это ваше дело.

– Конечно. Выбираешь самый легкий выход. Ты всегда так делаешь. – Она хлопнула руками по кухонной стойке. – Если я такая ужасная, зачем ты женился на мне? Почему не уходишь?

Колин сделал глубокий вдох.

– Я любил тебя, Дина. Думал, мы будем счастливы. А почему я не ухожу... – Он пожал плечами. – Иногда это чертовски выбивает меня из колеи. Я полагаю, из-за девочек и из-за того, что когда-то было между нами. Я хочу знать, есть ли у нас шанс остаться вместе. Но начинаю думать, что у нас его нет. – Он направился к двери. – Позже я отправлю тебе по электронной почте подробности моей поездки.

И он ушел.

Дина глубоко вздохнула. Она была в одном ударе сердца от истерики. Ощущала, как в ней нарастают боль и гнев, пока не осталось единственное желание – кричать. Нужно было еще поднять девочек, сделать бутерброды и...

Она не могла этого сделать, не могла это вынести. У нее не осталось ни сил, ни воли. Ей нужно было продолжать дышать, но не получалось – грудь будто сковало. Она едва не падала в обморок. Дина подбежала к раковине и открыла кран. Все еще хватая ртом воздух, сунула руки под обжигающую воду и позволила ей стекать по воспаленной коже. Затем накачала из флакона жидкое мыло и начала намыливать ладони.

Энди стояла посреди прекрасного сада и медленно оглядывалась по сторонам. Бостон не шутила, когда сказала, что двор Дины идеально дополняет дом. Передний двор был красив, но задний двор был просто потрясающим. Дорожки и подстриженные живые изгороди, травы и цветы. Энди пыталась обрести вдохновение, но вместо этого ощутила

горечь поражения. Она не отличала одуванчик от петунии и не знала, как выращивать декоративные растения и избавляться от сорняков.

Если бы ее собственный двор не был таким отвратительным, она бы сказала, что просто подождет, приступая к делам по порядку. Только вот засохшая трава и заросшие клумбы делали ее несчастной всякий раз, когда она их видела. Страшно представить, что должна думать неизменно идеальная Дина. Вид всего этого уродства может и впрямь вызвать заболевание.

Энди глубоко вздохнула. Надо придумать, как поступить с садом. Или нанять ландшафтного дизайнера, чтобы он сам все рассчитал и сделал. Кого-то вроде Уэйда, только работающего на свежем воздухе. «Но лучше, чтобы он не походил на Уэйда», – мрачно подумала Энди. Она не горела желанием найти кого-то интересного, но вновь столкнулась с пренебрежением. Достаточно и того, что с ней это происходит примерно раз в десять лет.

С Мэттом все было по-другому, подумала Энди. Не лучше, но по-другому. Все решал Мэтт. Когда они говорили о своем будущем, разговор велся с точки зрения того, чего хотел он. Говоря о карьере Энди, он был на стороне ее матери – убеждал специализироваться. Он терпеть не мог ее одежду и прическу. Хотел, чтобы она подстриглась и выпрямила волосы.

Энди несколько раз моргнула.

– Мэтт был придурком, – пробормотала она. – Полный и абсолютный эгоист, самовлюбленный засранец. А я сказала, что выйду за него замуж, как самая настоящая идиотка.

Задняя дверь дома открылась, и на крыльцо вышла Дина.

– Энди?

Энди почувствовала, что краснеет.

– Привет, – сказала она, слабо махнув рукой. – Я услышала разговор. Вы не одна?

Энди стояла посреди соседского двора в разгар рабочего дня, без приглашения. Похоже, адекватного объяснения этому не было, кроме собственно правды.

– Извините, что побеспокоила, – быстро сказала она. – У меня был перерыв в расписании, поэтому я вернулась домой. Только решила не заходить внутрь – там строительство полным ходом.

Энди также не хотела встречаться с Уэйдом, но говорить правду и быть бездумно честной – не одно и то же.

– Мой двор – это катастрофа, а у вас такой красивый сад. Я любовалась им, а потом вдруг подошла, и вот я здесь. – Она подняла обе руки ладонями вверх. – Что касается разговора, то почему-то я начала думать о своем бывшем женихе и поняла, что он полный придурок. Он пытался меня полностью переделать, а я ему это позволяла. Наверное, считала, что он прав. – «Слишком много информации», – одернула она себя и откашлялась. – Наверное, я начала думать вслух. Я не хотела вас напугать.

– Вы не напугали. – Слегка отстраненное выражение лица Дины смягчилось. – Похоже, вам будет лучше без него.

– Да.

– По крайней мере, у вас с ним нет детей. Это облегчает расставание.

Энди вспомнила, что рассказывала Люси: ее мать плакала. Она инстинктивно сделала шаг вперед.

– В любых отношениях бывают трудности, – тихо сказала Энди. – Если я могу что-нибудь сделать...

Лицо Дины застыло.

– Нет, ничего. Прошу меня извинить.

Она отступила назад и плотно закрыла дверь.

Ближе к вечеру того же дня Энди ехала домой, полная решимости стереть воспоминания о своем эмоциональном срыве накануне. Она собиралась быть зрелой, профессиональной и уравновешенной. Если это не сработает, она будет считать, что ее предыдущей встречи с Уэйдом вообще не было. С ее точки зрения, отрицание было вполне надежным средством справиться с ситуацией. Энди вышла из машины и расправила плечи. Прежде чем она смогла придумать очаровательную, утонченную приветственную фразу, входная дверь распахнулась и на крыльцо выскочила долговязая девочка.

Дочь Уэйда, подумала Энди, глядя на темные волосы и глаза. Но то, что в отце было сексуальным и интригующим, в дочери выглядело невинным и прекрасным. Энди предположила, что девочке лет двенадцать или тринадцать. Если мальчишки еще не выстраиваются в очередь, то скоро будут.

– Я Кэрри, – сказала девочка, радостно взмахнув рукой. – Отец держал меня подальше – говорит, некоторые клиенты не хотят, чтобы рядом ошивался ребенок. Но я ответила, что ты педиатр и, должно быть, любишь детей, иначе это был бы крайне неудачный выбор профессии.

Энди рассмеялась.

– Ты совершенно права, и я люблю свою работу. Рада познакомиться, Кэрри.

– Я тоже рада с тобой познакомиться. Ты в восторге от этого дома? Я видела планы, это будет так здорово! Мой папа отлично работает. Знаю, ты думаешь, что я должна была так сказать в любом случае, но он действительно хороший мастер.

– Я ему полностью доверяю, – Энди направилась к лестнице.

– Это хорошо. Ты должна ему доверять. – Кэрри ждала на крыльце. – Тебе нравится остров? Тут довольно классно. Иногда мы с друзьями мечтаем, чтобы здесь был торговый центр и другие места, куда можно сходить, но на самом деле все не так уж плохо. – Она сморщила вздернутый носик. – Прозвучало не очень круто, так что никому не говори, что я так сказала.

– Я сохраню твой секрет. – Энди поднялась по лестнице и встала рядом с Кэрри.

– Стать врачом трудно, – заметила Кэрри. – Я спрашивала учителя естествознания, и он сказал, что ты очень долго училась. Я имею в виду, после колледжа.

– Да, но я рано пошла в колледж. Это мне помогло. Получив степень бакалавра, я поступила в мединститут, а затем продолжила обучение по своей специальности. Педиатрия.

Глаза Кэрри расширились.

– Столько учиться! Наверное, мне стоит перестать жаловаться на то, что приходится делать все эти доклады по обществознанию, а?

– Вряд ли я смогу посочувствовать тебе в этом плане.

Кэрри кивнула.

– У тебя ведь нет детей, верно?

– Верно. Но когда-нибудь я бы хотела семью.

– Дети – это здорово! Особенно двенадцатилетние девочки. На самом деле мы – лучшие!

Энди усмехнулась.

– Я слышала об этом, но хорошо, что ты напомнила.

Кэрри рассмеялась.

– Собираюсь навестить свою подругу Мэдисон. Она живет по соседству. Было приятно с тобой познакомиться.

– И мне с тобой тоже.

Кэрри спустилась по лестнице. Дойдя до дорожки, она обернулась.

– О, у моего папы есть идея насчет места для хранения вещей. Он реально в восторге. Не знаю, нужно оно тебе или нет, но, может, ты сможешь притвориться взволнованной? Потому что он серьезно увлечен тем, что делает, понимаешь?

– Ты очень хорошая дочь. Обещаю, я буду в восхищении.

– Спасибо.

Кэрри помахала на прощание рукой и пошла к дому Дины.

Энди смотрела ей вслед. Какой замечательный ребенок, подумала она. Потеря матери объясняла ее эмоциональную зрелость – психика заполнила образовавшуюся пустоту. К тому же Кэрри была полна обаяния. Отчасти стоило благодарить генетику, но многое зависело и от окружения. Очевидно, Уэйд обладал не только смазливой физиономией.

Абсолютно бесполезная информация, подумала Энди, входя внутрь. Этот мужчина достаточно соблазнителен и без знания о том, что он прекрасный отец.

– Вот и ты, – сказал Уэйд, когда она вошла. – У меня есть идея, о которой я хочу с тобой поговорить. Для хранения.

Энди вспомнила о Кэрри и ухмыльнулась.

– Удивительно! Ты как будто читаешь мои мысли. Я как раз подумала, что возникнут некоторые проблемы с хранением вещей.

– Не будет никаких проблем. Позволь, я обрисую, что имею в виду.

Дина свернула налево и выехала на Шлюзовой мост. В пяти милях от побережья очаровательные пригородные кварталы уступили место торговым центрам и крупным магазинам. Она обогнула новенький «Костко»^[17] и въехала в захудалый район, усеянный крошечными разрушающимися домишками, размаляванными граффити.

Она выросла здесь, в лачуге с одной спальней на улице с потрескавшимися тротуарами и брошенными машинами. Дина

остановилась перед новым многоквартирным комплексом, радуясь, что развалина из ее детства сменилась чем-то нормальным.

Но время и новая постройка не могли стереть воспоминания. О том, как пахла ее мать после нескольких дней без ванны. О звоне бутылок из-под спиртного в мусорном ведре. Об узле, который завязывался в желудке, когда она знала, что ее будут бить.

Дина крепче вцепилась в руль, не обращая внимания на боль в потрескавшихся и шелушащихся пальцах. Перед ее глазами стоял тот грязный дом. Она помнила, как уговаривала себя не бояться крыс и приходить в школу пораньше, чтобы тайком помыться над раковиной в женском туалете.

Бывали и не такие уж плохие дни. Когда мать была моложе и могла привлечь внимание мужчин, дом был чище, там была еда, а били ее реже. Но мужчины всегда уходили, и все снова становилось плохо.

Худшее случилось, когда Дине было десять лет. «Возраст Люси», – рассеянно подумала она. Мать ушла в запой, который длился два дня, а потом потеряла сознание. Она очнулась в ярости, подпитываемой похмельем и безнадежностью. Набросилась на дочь, подбила ей оба глаза и сломала руку. Она так кричала, что явилась полиция.

Пьяная, вонючая и уродливая, ее мать пыталась флиртовать с офицером. Он не обратил на это внимания и повел Дину в свою машину. Оттуда она отправилась в больницу. Дина до сих пор помнила, как там было чисто. И как она боялась, что медсестра накричит на нее за испачканные простыни.

Потом появилась тетя Лорен. Старшая сестра матери. Казалось, мать Дины была отражением в кривом зеркале, а Лорен – реальным человеком. Они были так похожи и в то же время такие разные.

Лорен стояла в изножье кровати, ее голубые глаза потемнели от беспокойства.

– Я слышала о том, что случилось. Мне жаль, что тебе пришлось через все это пройти, Дина. Мы с твоим дядей хотим, чтобы ты жила с нами. Но тебе придется пообещать быть хорошей. Ты понимаешь?

Хорошей. Дина не была уверена, что именно это значит, но сказала себе, что разберется. Она поклялась быть такой, какой они захотят, потому что если она не облажается, они не отошлют ее обратно.

Существовали правила, но они были просты, особенно когда не менялись через день. Дина делала все, что могла, и быстро училась.

Лорен хвалила ее, позволяя немного расслабиться, но никогда полностью не ослабляла контроль. Дом на холме стал домом Дины. Она дорожила каждым уголком этого прекрасного места, изучила его историю, гордилась его внешним видом. Лорен часто говорила друзьям, что Дина – идеальная дочь.

Совершенство – вот в чем заключалась цель Дины. Быть идеальной означало, что она сможет остаться в этом замечательном доме. Быть совершенной означало хорошо жить.

Быть идеальной означало, что о ней заботятся. По крайней мере, так было раньше, подумала Дина, крепко зажмурив глаза.

Глава 12

Вой пилы вспарывал полдень. Энди сидела во дворе перед домом, прислонившись к дереву и почитывая журнал. Время от времени ее взгляд скользил в сторону дома. На этой неделе меняли окна, так что было видно, что делается внутри. Иногда мимо проходил Уэйд.

Май перетек в июнь, и погода заметно изменилась. По утрам еще было прохладно и туманно, но днем светило солнце. Рабочие, которые занимались физическим трудом, все чаще надевали шорты и футболки без рукавов. Как медицинский работник, Энди могла оценить точеные мышцы здорового мужчины. Как женщина, которая считает своего подрядчика сексуальным, она поймала себя на том, что немного хищно облизывает губы.

Энди снова углубилась в статью о коклюше – опасном заболевании, особенно для младенцев. В прошлом году отмечалось значительное увеличение количества местных случаев. Несколько округов Вашингтона предложили специальные клиники по вакцинации для предотвращения распространения инфекции. Как практикующий врач, доктор Харрингтон постоянно получал от ЦКПЗ^[18] информацию о вспышках. Энди тоже подписалась на рассылку. Лучше уж думать о том, как обезопасить своих пациентов, чем тратить время, пялясь на Уэйда Кинга, сказала она себе.

Снова заработали пилы. Она вздрогнула от пронзительного визга дерева.

– Не можешь сосредоточиться?

Энди подняла глаза и увидела стоящую перед ней Бостон.

– Этот шум не умиротворяет, – усмехнулась Энди.

– И не говори. Пойдем отдохнем у меня дома.

Энди вскочила на ноги и последовала за своей соседкой через две лужайки и задний двор. Бостон была одета в свободный, развевающийся при каждом шаге сарафан. Солнце высвечивало в волосах темно-красные пряди. Они прошли в прихожую, а оттуда на кухню, которая оставалась такой же эклектичной и уютной, как запомнила Энди.

Бостон достала из холодильника кувшин с чаем и наполнила два стакана льдом. На мраморной столешнице бара уже стояла тарелка с

печеньем.

– Хочу предупредить: я экспериментирую с безглютеновыми продуктами, – сообщила Бостон. – Не удивляйся насчет печенья.

Энди взяла одно.

– У тебя или у твоего мужа целиакия?^[19]

– Нет, просто хочу быть в тренде. Разве я не должна избегать глютена?

– Если считаешь, что у тебя к нему чувствительность. Существуют неплохие диеты, которые стоит попробовать. Они исключают глютенотриггеры. А потом постепенно возвращаешь в рацион продукты. Еще можешь попробовать чистку организма, а затем вновь есть привычную пищу. – Она усмехнулась. – Можешь даже сделать клизму, когда не планируешь никуда идти и у тебя много свободного времени для ванной.

Бостон рассмеялась.

– Спасибо за совет. Я не настолько дисциплинирована, чтобы проводить чистку.

Бостон схватила тарелку с печеньем и переставила в дальний угол, после чего вытащила пластиковый контейнер. Когда она открыла крышку, до Энди донесся восхитительный аромат шоколада.

– Что это? – спросила она, вдыхая запах.

– Брауни^[20].

– Ты – мой герой.

Бостон поставила на стол чай со льдом, села рядом с Энди и потянулась за десертом.

– Обычно я не вижу тебя дома в середине недели.

Энди взяла пирожное. Оно было влажным и увесистым. Сквозь толстый слой глазури виднелись грецкие орехи. У нее потекли слюнки.

– Меня не уволили, если ты пытаешься вежливо это выяснить. Хочу раз в месяц вести прием по субботам. Для многих родителей поход к доктору в будний день – непростая задача. Я смогу делать прививки и совершать врачебные визиты.

Бостон кивнула.

– Очень предусмотрительно. Уверена, родители оценят. Я избалована своим рабочим распорядком: делаю что хочу, сама составляю расписание. – Она помолчала. – Я собираюсь кое-что

показать тебе в ближайшие дни. Ничего особенного, просто несколько животных в джунглях и пара задумок, как нарисовать листву.

– Жду с нетерпением! Как уже говорила, я очень ценю, что ты делишься со мной своим талантом. Я не очень-то достойный клиент.

– Тебе будет легче, если я скажу, что стараюсь для твоих маленьких пациентов?

– Пожалуй.

Энди ждала. Бостон выглядела так, будто собиралась сказать что-то еще. Наконец она пожала плечами.

– Хорошо, когда есть проект, – призналась она. – В последнее время я зашла в тупик, а творческая работа заставила меня по-новому взглянуть на то, как я провожу время. Это бывает весьма полезно. О, я вспомнила. Подожди секунду.

Бостон соскользнула с табурета и поспешила из кухни. Она быстро вернулась с картиной в руках.

На рисунке в простой белой рамке были изображены все три дома. Детали на двух по краям поражали точностью. Дом Дины почему-то казался более четким, более гордым. Крошечные мазки кисти запечатлели изгиб перил, текстуру облицовки. Дом Бостон тоже был красивым, но в более непринужденной манере. Перед ним красовалась скульптура.

Взгляд Энди остановился на доме в середине. Художница по доброте своей оживила лужайку, добавила окна там, где раньше были только доски, осветлила краску.

– Когда ремонт будет доставать, это поможет тебе держаться, – сказала Бостон.

– Мне нравится, – призналась Энди. – И так вовремя! Идет всего четвертая неделя, а я уже устала от ремонта.

Бостон рассмеялась и опустилась на табурет.

– Жаль тебя расстраивать, но впереди еще много недель.

– Большое спасибо тебе за картину.

– Кстати, есть у тебя какие-нибудь новости?

Энди поерзала на своем сиденье.

– Ничего такого, что бы порадовало меня.

– И работяги не помогают?

Энди взяла чай со льдом.

– Они улучшают вид, – призналась она. – В мужских мышцах есть что-то такое, что заставляет сердце биться быстрее. Но я уверена, что все они женаты, так что держу эмоции при себе.

Бостон подняла брови.

– Уэйд холост.

Энди велела себе сохранять спокойствие. Не хотелось краснеть и заикаться – это мало способствовало доверительным отношениям и дружбе.

– Я слышала об этом. Уэйд самый красивый в команде, но у меня складывается впечатление, что он видит во мне клиентку, а не женщину. – Энди надеялась, что достаточно небрежно пожала плечами. – Мы вместе работаем над домом, и это все.

Бостон наклонила голову. Ее волосы рассыпались по плечам каскадом каштановых, черных и красных прядей.

– Уэйд – хороший парень. Он осторожен с женщинами из-за Кэрри. Не хочет, чтобы ей причинили боль.

– Конечно, не хочет. Любой отец-одиночка был бы осторожен, но из-за смерти ее матери все еще сложнее. Когда родители разводятся, все равно остается образец для подражания. Не всегда, но... – Она замолчала, когда поняла, что Бостон улыбается. – Я не сказала ничего смешного, – пробормотала Энди, чувствуя, как возвращается неловкость.

– Ты проницательна. В обычном разговоре ты большую часть времени это скрываешь, но твой разум всегда трудится, все продумывает.

– У меня меньше интуиции в отношении людей, чем ты думаешь.

Мэтт – тому доказательство, подумала Энди.

– Я так не думаю. Это семейная черта?

– Не уверена. Мои родственники больше интересуются образованием, чем интуицией. Все они – суперврачи.

– Супер?

Энди взяла свой стакан.

– Моя мать – известный кардиохирург. Отец – еще более высококлассный специалист. Скажем так, в представлении моей семьи быть просто педиатром – пустая трата времени. Мать постоянно упрекает меня за то, что я вожусь с ободранными коленками и делаю прививки.

Бостон поморщилась.

– Сожалею. Это ужасно. Ты замечательный врач.

– Очень любезно с твоей стороны, но ведь ты не знаешь, так ли это на самом деле.

– Ошибаешься. Я наблюдала за тобой. С Люси и близнецами ты общалась идеально. Говоришь с детьми по-человечески, а не так, будто они какой-то подвид. Им это нравится. Держу пари, твои пациенты тебя обожают. Они доверяют тебе.

Энди почувствовала, что краснеет от удовольствия.

– Спасибо. Ты так добра.

– Я художник, – фыркнула Бостон. – Моя работа – наблюдать. Я знаю, о чем говорю.

Энди усмехнулась.

– Тогда ладно. Ты же эксперт. Так скажи мне, почему мой бывший жених бросил меня у алтаря после десяти лет отношений, но я только сейчас поняла, что мне лучше без него?

Слова вырвались внезапно. Энди попыталась проглотить их, но было уже поздно.

Бостон уставилась на нее.

– О, Энди. Так вот что случилось?

Она кивнула, весь юмор улетучился.

– Он не предупредил меня. Я считала, что все в порядке, пока моя мама не пришла и не сказала, что он не явился. Он так и не пришел, так и не прислал записки. Позже, когда я наконец поговорила с ним, он сказал, что не готов. Мы были вместе десять лет, а он оказался не готов? – Рассказывая, Энди все больше повышала голос. – Я была зла и унижена. Как это – «не готов»? Что еще ему нужно было выяснить? И если он не хотел меня, почему просто не сказал об этом? – Энди сглотнула, борясь с комком в горле. – Он сбежал со своей секретаршей пару недель спустя. Поженились в Лас-Вегасе. Они были знакомы три месяца. И хуже всего, что я только сейчас поняла – он всегда пытался переделать меня. Ему не нравились моя одежда, моя квартира. Он ненавидел мои волосы.

– А мне нравятся твои волосы.

– Спасибо. Почему он так себя вел? Почему я этого не замечала? Рада, что мы не поженились, но почему я не видела всего этого раньше?

Бостон накрыла ладонью руку Энди и сжала ее.

– Мне жаль. Похоже, он был тем еще засранцем.

– Так и есть. Полное дерьмо. – Энди посмотрела на свою новую подругу. – Знаешь, что действительно паршиво? Я больше страдаю от одиночества, нежели скучаю по нему. А значит, я его не любила. Мне нравилось просто быть в отношениях. Так что наш брак стал бы ошибкой. Теперь я понимаю. Просто жалею, что не осознала это девять с половиной лет назад. Чувствую себя так, словно потратила на него десять лет своей жизни.

– Верить в карму очень помогает.

– Попробую. Желать, чтобы его затоптала и сожрала бродячая банда тараканов, ситуацию не очень улучшает.

– Это из-за него ты купила дом и переехала на остров?

Энди кивнула.

– Я хотела полностью со всем порвать, – она сдавленно рассмеялась. – Знала, что это земля семейных людей и туристов. Что я отрежу себя от возможности ходить на нормальные свидания. Думала, смогу стать одной из тех крутых одиноких женщин, которые полностью самодостаточны, которым не нужен мужчина. Только, кажется, я немного поспешила.

Бостон сжала ее пальцы, затем отпустила руку.

– И вроде как застряла здесь без единого мужчины в поле зрения?

– Что-то в этом роде. – Энди отхлебнула чаю. – Мне действительно нравится остров, и я знаю, что обживусь здесь. Хочу открыть собственную практику, так что все в порядке.

– Уэйд – отличный парень, – повторила Бостон.

– Отличный парень, который ни капельки мной не интересуется.

– С чего ты это взяла?

– Если он страдает от неразделенной любви, то успешно держит это в секрете. – Энди пожала плечами. – Ничего страшного. Я так понимаю, на выходные приедет автобус со старшеклассниками. В группе должна быть по крайней мере пара одиноких мужчин. Может, присмотрюсь к одному из них.

Бостон хихикнула.

– Ты наверняка станешь трофейной женушкой.

– Вот так удача.

Бостон наклонилась к ней.

– Уэйд осторожен из-за Кэрри. Он встречается в основном за пределами острова, если ты понимаешь, к чему я клоню.

– Никаких осложнений, никаких объяснений?

– Именно. Так что пока не отказывайся от него. Я видела голым его брата, и если они хоть в чем-то похожи, оно того стоит.

Энди рассмеялась.

– Извини, но мне неприятно думать о голом Зике.

– Может, оно и к лучшему.

Энди начала было говорить что-то еще, но заметила, что улыбка Бостон подрагивает, будто с трудом держится на лице.

Бостон пододвинула к ней тарелку с брауни.

– Давай пропустим обед и вместо него съедим десерт. Тебе станет лучше.

Энди потянулась за глазированным пирожным и вздохнула.

– Правда, шоколад волшебен?

– Я всегда так думала.

Дина устала быть чужой в собственном доме. Колин жаждет перемен? Хорошо, она изменится. Девочки хотят, чтобы у них была веселая мама? Она сможет это устроить.

Она подождала, пока близнецы займутся пазлом в своей спальне, и прошла в гостиную за кукольным домиком. Дочери всегда умоляли ее позволить поиграть с ним на улице, разложить кукол и крошечную мебель на лужайке. Она упорно не соглашалась: мелкие детали могли испачкаться или потеряться. И сейчас это было бы совсем некстати. Но если она хочет показать Колину, что старается, придется приложить усилия.

Не то чтобы Дина стремилась продемонстрировать это мужу. Не совсем так. Она хотела, чтобы все вернулось на круги своя. В те времена, когда он заботился о ней, а она чувствовала себя комфортно. Так что, как бы нелепо это ни звучало, она вынесет кукольный домик на лужайку и позволит близнецам делать то, что они хотят.

Дина подняла его и слегка пошатнулась. Домик оказался тяжелее, чем она помнила.

– Сидни, Саванна, – позвала она. – Спускайтесь.

Дина направилась к задней двери, оперла угол кукольного домика на стойку, нащупывая дверную ручку. Домик соскользнул, но она его

поймала.

Девочки вбежали на кухню.

– Мамочка, что ты делаешь?

– Разрешаю вам поиграть на улице, – сказала она, сосредоточившись на том, чтобы открыть дверь.

Она широко распахнулась, и Дина снова подняла домик. Медленно протиснулась в дверной проем и вышла на крыльцо.

– Мамочка, ты видишь Пикуля? – спросила Сидни.

Дина скорее почувствовала, чем увидела, как мимо проскользнул кот. Она сместила домик вбок, пытаясь разглядеть проклятого зверя, чтобы они оба не сломали себе шеи, но сделала это слишком быстро. Домик накренился, его центр тяжести переместился вправо. Дина дернулась, чтобы удержать тяжелый домик, но он скользил, скользил... Она наступила на Пикуля, тот взвыл. Кот метнулся у нее между ног, Дина споткнулась, и вдруг кукольный домик буквально взлетел. Он описал дугу над лестницей и упал на землю.

Звук падения был странно тихим. Тонкие стены рухнули, миниатюрная мебель и куклы вылетели на лужайку. Крыша треснула, и вся конструкция развалилась.

– Нет! – выдохнула Дина, бросаясь вперед и зная, что уже слишком поздно. – Я просто пыталась вас развлечь!

Она посмотрела на своих дочерей. Глаза Саванны наполнились слезами, а Сидни смотрела на нее с выражением, настолько похожим на отвращение Мэдисон, что Дина почувствовала тошноту.

– Мне жаль, – прошептала она. – Мне так жаль.

Дина потянулась к Саванне. Девочка отступила назад, утирая слезы. Затем близнецы взялись за руки и вместе побежали в дом. Дина стояла одна на крыльце, разбитый кукольный домик валялся на лужайке, и она была не в силах справиться с чувством страха, которое подсказывало ей: игрушка не единственная вещь, которая разбилась так, что ее уже не починить.

– Можно я отнесу немного Мэдисон, когда мы закончим? – спросила Кэрри, осторожно раскатывая тесто для сахарного печенья. – Придется протаскивать тайком. Проскользнуть мимо вражеских позиций, как в старом военном фильме.

Говоря это, она улыбалась, ее темные глаза весело блестели. Бостон знала, что неправильно поощрять девочку помогать Мэдисон нарушать правила. Как взрослый человек, Бостон должна уважать приверженность соседки к полезной домашней еде без сахара. Должна восхищаться решимостью Дины заботиться о здоровье детей. И она бы так и делала, не будь Дина такой ханжой.

– Можно, но если тебя поймают, я тебя знать не знаю.

Кэрри рассмеялась и потянулась за формой для печенья. Вдавила формочку в виде маргаритки в тесто и убедилась, что оно разрезано до конца.

– Спасибо, что помогла с печеньем, – сказала она, взглянув на Бостон. – Папа говорил, что собирается им заняться, но ты же знаешь, как он готовит.

– Как мужчина?

Кэрри кивнула.

– Он старается, но выходит средне. – Она передвинула формочку и нажала еще раз. – Ты ведь ее помнишь?

– Твою маму? Конечно. – Бостон прокрутила вопрос в голове. – Кэрри, ты стала забывать маму?

– Немного. У меня есть фотографии и все такое. Есть определенные воспоминания, но все они такие старые. Я бы хотела, чтобы она была здесь. Но ведь это не то же самое, что скучать по ней, правда?

– Отчасти. – Бостон тронула ее за плечо. – Она так сильно любила тебя. Она бы гордилась тобой.

– Спасибо. Как ты думаешь, папа когда-нибудь снова женится?

– Не знаю. Ты его спрашивала?

Кэрри закатила глаза.

– Как будто он ответит. Папа редко ходит на свидания. По крайней мере, здесь. Я-то знаю, чем он занимается, когда уезжает на выходные. – Кэрри сморщила нос. – Хорошо, я не знаю, что конкретно он делает, но знаю, что встречается с людьми. С женщинами. Иногда я думаю, что было бы неплохо, если бы у нас снова была семья, понимаешь?

– Тяжело потерять того, кого любишь.

– Как тогда, когда ты потеряла Лиама?

Бостон почувствовала, как кольнуло сердце.

– Да, – тихо согласилась она.

– Папа говорит, что родители не должны переживать своих детей, но мне тоже было тяжело потерять маму. Думаю, лучше бы вообще никто не умирал.

– Это все изменило бы.

Глаза Кэрри заблестели.

– Дом бы реально переполнился, если бы все, кто когда-либо жил здесь, по-прежнему были живы.

– Тебе пришлось бы делить спальню с кем-то.

– С призраками! Было бы забавно. – Кэрри убрала лишнее тесто и отнесла противень с печеньем в духовку. – Энди кажется милой. В смысле для папы. Но я не понимаю, нравится ли она ему. – Девочка сунула противень в духовку и включила таймер. – То есть я знаю, что она ему нравится, но не уверена, что как женщина. Как ты думаешь, а он нравится Энди?

Так сложилось, что на этот вопрос у Бостон имелся ответ, хотя она и не собиралась делиться информацией со своей двенадцатилетней племянницей.

– Думаю, ты должна позволить им разобраться в этом самостоятельно.

– Моей мамы нет с нами уже половину моей жизни, Бостон. Шесть лет. Если бы мой папа был хорош на свиданиях, у него уже была бы девушка, так? Кто-то должен ему помочь.

Бостон рассмеялась.

– Я думаю, что твои замечания превосходны, но все же скажу: оставь беднягу в покое.

– Энди действительно хорошенькая. И врач, что круто. Как ты думаешь, у нее есть парень в Сиэтле?

– Кэрри, перестань в это вмешиваться.

– Почему? Мы могли бы помочь им, чтобы они были вместе, а потом мы с папой переехали бы в соседний дом.

Бостон обняла племянницу за плечи.

– Я бы тоже этого хотела, но люди должны влюбляться сами.

– Как ты и Зик?

– Что-то в этом роде.

Кэрри прильнула к ней.

– Это была любовь с первого взгляда, правда?

– Ты слышала эту историю тысячу раз.

Кэрри обняла Бостон за талию и вздохнула.

– Расскажи еще разок. Это моя любимая история.

Бостон прижала ее к себе и поцеловала в макушку.

Обнимая эту драгоценную девочку, она была счастлива, насколько вообще могла быть счастлива последние несколько месяцев. Если бы Бостон обнимала ее достаточно долго и крепко, то смогла бы почти заполнить дыру в своем сердце. Почти.

– Это было еще в старших классах, – начала она.

Кэрри вскарабкалась на табурет и выжидающе замерла.

– И ты увидела его. На нем был леттерман, верно?

– Верно, – улыбнулась Бостон.

Глава 13

– Я вижу окно своей спальни, – показала пальцем Люси.

Сидни и Саванна топтались рядом, тоже желая выглянуть наружу. Капли дождя скатывались по стеклу, затрудняя обзор.

– Мне здесь нравится, – сказала одна из близняшек. Они были одеты не так, как в прошлый раз, и Энди не могла отличить их друг от друга.

– Здесь довольно уютно, да? Как в логове или пещере, – сказала Энди и взяла настольную игру, которую девочки принесли с собой. – «Конфетная страна»? Люблю эту игру. – Она улыбнулась. – Вот что. Давайте принесем вниз кучу пледов, сядем у окна и поиграем.

Девочки согласились, что это будет здорово. Близнецы занялись игрой. Люси принесла печенье, которое купила Энди. Энди запихнула в хозяйственную сумку пакетики с соком и вытащила из маленького бельевого шкафа несколько пледов. Через пару минут они уже выбирали фишки. Энди перетасовала колоду и разложила карточки лицевой стороной вниз.

Одна из близняшек улыбнулась ей.

– Можешь ходить первой.

– Это очень мило с вашей стороны, но вы мои гости. Может, первой пойдет Люси?

Люси просияла от приятного удивления и взяла первую карточку. Игра шла полным ходом. Пятнадцать минут спустя они закончили партию и приступили ко второй. Энди оставила их играть втроем, чтобы раздать печенье и подготовить пакеты с соком. В стекло барабанил дождь. Благодаря новым окнам в комнату проникало много света.

Пространство понемногу обретает черты, подумала Энди, оглядываясь вокруг. Все комнаты на первом этаже уже были вчерне оформлены. Готова электрика и сантехника, на очереди изоляция, а затем гипсокартон. Это не могло не радовать.

Люси передвинула фишку и взяла пакет сока.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила девочка.

– Не за что, – Энди улыбнулась. – Занятия в школе, наверное, почти закончились.

– Закончатся на следующей неделе.

– Здорово. У вас есть какие-то особые планы на лето? Семейный отдых?

Люси пожала плечами.

– Не знаю. Папа много ездит по работе. Он говорит, что ему нравится быть с нами дома, когда есть такая возможность.

– Уверена, он рад проводить время со своими девочками.

– Папа нас очень любит, – подтвердила одна из близняшек.

Энди рассматривала их, пытаясь найти хоть маленькое различие. Едва уловимый узор на радужке, изгиб мочки уха. Но ничего не смогла разглядеть.

– Я запуталась, – сказала наконец Энди. Три девочки посмотрели на нее. – Не могу отличить вас друг от друга, – призналась она. – Я врач. Разве я не должна была хоть что-то заметить?

Близняшки захихикали. Девочка слева в рубашке цвета лаванды, покрытой мультяшными котятами, подняла правую руку и показала Энди крошечный шрам у основания большого пальца.

– Это случилось, когда я была маленькой. Теперь ты будешь знать, что я Сидни.

Энди задумалась, много ли людей знают этот особый секрет, позволяющий различить близнецов.

– Спасибо, что показала.

– Тебе, наверное, нужно знать, – сказала ей Сидни. – Потому что ты будешь нашим врачом.

– Неужели?

– Ага. Мама так сказала за ужином. – Сидни нахмурилась. – Она хотела знать, почему у тебя нет собственных детей.

«Потому что мой бывший жених оказался идиотом», – подумала Энди, стараясь сохранить дружелюбное и открытое выражение лица. И она сама была такой же идиоткой.

– Я бы с удовольствием завела детей. Надеюсь когда-нибудь это сделать.

– Ты не из Лиссабона? – спросила Саванна.

Люси покраснела.

– Не говори так.

– Но я не знаю, что это такое. – Саванна повернулась к Энди. – Так мама сказала за ужином. Мы потом спросили Одри, но она тоже не

знает.

Люси поерзала на пледе.

– Давайте просто играть.

Лиссабон? Энди попыталась понять, что такого могла сказать своим детям Дина...

Лесбиянка, внезапно поняла она, с этой секунды еще больше невзлюбив Дину. Вот уж точно – совсем не хотелось иметь такую соседку. То, что ей за тридцать и она не замужем, ни о чем не говорит. У нее были длительные отношения, которые закончились. Получила бы она столько же критики, если бы вышла замуж и потом развелась?

– Я не из Лиссабона, – спокойно сказала Энди. – Это, кстати, город в Португалии. Впрочем, я всегда хотела там побывать. Говорят, он прекрасен. Люси, сейчас твоя очередь?

Люси благодарно улыбнулась и потянулась за следующей карточкой.

Энди смотрела на красивых девочек, играющих на пледах, и удивлялась: как, черт возьми, такая женщина, как Дина, смогла произвести на свет этих замечательных детей? Должно быть, это заслуга их отца, подумала она в надежде, что ей не придется много общаться со своей малопривлекательной соседкой.

– И она превратится в русалку! – взвизгнула Сидни.

Резкий звук пронзил голову Дины, как лазер. Слабая головная боль, с которой она боролась большую часть дня, усилилась на пару делений.

Саванна утопила в большой ванне одну из игрушек.

– Ее нужно спасти. Быстрее!

Девочки хихикали, играя, погруженные в воображаемый мир воды и русалок. Дина наблюдала за ними из спальни, где складывала белье. Ее пальцы были неуклюжими, и она возилась с полотенцами, не в силах выровнять углы.

Она подумала о том, как устала. В голове стучало, в глаза словно насыпали песку. Дина не могла вспомнить, когда в последний раз спала несколько часов подряд. Каждый раз, закрывая глаза, она начинала прокручивать в голове их с Колином разговоры. Неуверенность подпитывала страх, и в итоге она часами смотрела в потолок, а мысли продолжали кружиться. Дина не понимала сути проблемы и потому не

могла найти решение. Когда она не была напугана, то приходила в ярость. Почему Колин так вел себя, она не знала. Спросить было невозможно. Когда он звонил, то разговаривал только с детьми. Поэтому, как Мэдисон бежала к зазвонившему телефону, Дина поняла, что они договорились о времени звонков.

– Мама, мне нужна помощь с проектом по истории.

Дина обернулась и увидела стоящую в дверях спальни Люси.

– Не сейчас, – ответила она, переключая внимание на близнецов. – Мне нужно присмотреть за твоими сестрами.

– А когда?

– Не знаю.

– Ты сказала, что поможешь мне. Ты говорила это и на выходных, и вчера.

Давление вокруг головы Дины усилилось.

– Я занята, Люси. В этом доме еще четверо детей. Ты не одна.

Дина взяла полотенце и уронила его на кровать, когда поняла, что у нее дрожат пальцы. Она почувствовала, как комната слегка покачнулась. Низкий уровень сахара в крови, подумалось ей. Она почти ничего не ела. Нужно спуститься вниз и перекусить, как только близнецы вылезут из ванны.

– Мам, мне нужно сходить в библиотеку, помнишь? Ты сказала, что отвезешь меня сегодня вечером. – Голос Одри присоединился к пронзительному смеху младшей дочери.

– Не сегодня.

– Но ты обещала.

– У меня проект по истории, – сказала Люси, протягивая потрепанную книгу. – Мама, это важно. Занятия в школе заканчиваются через два дня, и я должна его сдать.

– А ну, подвиньтесь. – Мэдисон протиснулась между сестрами в комнату. – Можно Кэрри в эту пятницу останется у нас на ночь? Моя очередь ее приглашать.

– Мамочка, вода остывает. Я включу горячую воду, ладно?

Комната снова покачнулась. Боль нарастала, пока почти не ослепила ее. Дина почувствовала, что тонет, уплывает. Все тело ныло.

Она опустилась на край кровати. Голоса продолжали звучать, вопросы повторялись снова и снова.

– Прекратите! – крикнула она, поднимаясь на ноги. – А ну-ка, прекратите! Просто остановитесь. Я не могу это вынести. Уходите! Идите в свои комнаты и ведите себя тихо. Просто помолчите!

Под конец она уже орала, ее голос эхом отражался от стен. Одри и Люси потянулись друг к другу и крепко взялись за руки. Лицо Мэдисон окаменело от отвращения.

– Ну ты и стерва, – четко сказала она, прежде чем выйти из комнаты.

Дина не обратила внимания на Мэдисон, Одри и Люси. Она вошла в ванную, где дрожали и плакали в воде близняшки.

– Вставайте! – рявкнула она.

Они встали. Дина завернула их в полотенца и вынула из ванны.

– Идите в свою комнату. Вытритеесь и наденьте пижамы. Сейчас же!

Все еще плача, с широко раскрытыми от страха, залитыми слезами глазами, близнецы выбежали из ванной.

И тут Дина почувствовала запах. Вонь алкоголя и грязи. Услышала шорох тараканов и крыс, увидела кучи мусора. Она будто вернулась в дом своего детства, а ее мать кричала как сумасшедшая.

«Прекрати это! Просто прекрати. Ты измотала меня. У меня ничего не осталось. Исчезни!»

Дом был таким крошечным, у Дины не было своей комнаты. Она помнила, как забивалась в угол и пыталась стать как можно меньше. Чтобы крики прекратились. Чтобы ее не били. Чтобы удары не превратились в побои.

«Я не такая, как она», – прошептала Дина, но, взглянув в зеркало, увидела свою мать. Одежда и лицо были другими, но голос – тот же самый.

Она заставила себя дышать. Когда дрожь наконец прекратилась, выдернула пробку из ванны и подошла к унитазу. Подняла крышку, наклонилась, и ее вырвало.

Дина давно не ела, и ее рвало только желчью и ненавистью к самой себе. Когда рвота закончилась, она опустилась на пол, обхватила руками колени и начала раскачиваться взад-вперед.

Бостон стояла в центре будущей приемной и пыталась увидеть стены там, где пока было только очерченное пространство и основа для

пола. За последние пару недель ей удалось нарисовать полдюжины животных и насекомых для росписи в стиле джунглей. Каждый раз, садясь за эскизы, она думала, что не сможет ничего изобразить, но у нее все получалось. Мультяшные существа были не такой уж экстраординарной идеей, но это был прогресс, и она продолжала говорить себе, что со временем работа пойдет легче.

Она выбрала цветовую гамму и подготовила образцы красок, чтобы Энди их одобрила. Потом Бостон предстоит нарисовать фреску в натуральную величину, то есть работать непосредственно с готовыми стенами.

Одна лишь мысль об этом едва не заставила ее покрыться крапивницей, но это было нормально. Каждый раз, когда Бостон становилось страшно, она возвращалась в студию и рисовала сына, пока сердце не переставало так сильно биться. Времени, чтобы восстановить равновесие, оставалось все меньше.

Фреска для Энди была проектом, который должен был помочь Бостон исцелиться. Она не была уверена, что ей это нравится, но не знала, как этого избежать. Бостон предположила, что желание двигаться дальше и желание остановиться и застрять в этом состоянии были одинаково понятными реакциями. Пока ей было больно, Лиам оставался с ней.

– Привет.

Она повернулась и чуть не выронила блокнот, увидев входящего в дом Уэйда.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Бостон. – Ты должен был поехать в Мэрисвилл и поговорить с поставщиком шкафов.

– Я тоже рад тебя видеть, – отозвался шурин, подняв брови. – Он перенес встречу.

Бостон поджала губы.

– Прости. Я просто... – Она взглянула на свой блокнот, затем снова посмотрела на него. – Я не хотела, чтобы ты знал, что я зайду.

Уэйд покачал головой.

– Почему?

– Я рисую фреску для приемной Энди.

Дальше можно было ничего не объяснять. Зик и Уэйд были близки. Бостон знала, что они говорят почти обо всем. Так что Зик точно рассказал брату о портретах Лиамы и о том, как она переживает потерю

их сына. Зик воспринял бы известие о фреске как хороший знак. Но она пока не могла понять, так это или нет.

Уэйд улыбнулся.

– Это здорово. Почему ты не хотела, чтобы я узнал?

– Потому что Зик не знает, а я не готова ему об этом сказать.

Уэйд поднял обе руки и сделал шаг назад.

– Я не собираюсь в это вмешиваться.

– Поэтому я и решила зайти, когда думала, что ты уехал. Не хотела ни во что тебя втягивать. Можешь притвориться, будто меня здесь не было?

Уэйд опустил руки.

– Конечно, хотя мне это не нравится.

– Спасибо. – Бостон изучающе посмотрела на него. – Энди хорошая. Я видела, как замечательно она общается с детьми Дины. И она хорошенькая. Разве тебе не нравятся ее вьющиеся волосы?

Его темные глаза сузились.

– Бостон, о чем, черт возьми, ты толкуешь?

– Просто говорю, что вы оба одиноки.

– Она – моя клиентка.

– О, ради бога! С каких пор это стало проблемой?

– Ни с каких. Просто я не считаю хорошей идеей встречаться с клиенткой, пока мы работаем.

– Значит, ты будешь встречаться с ней, когда закончишь ремонт ее дома?

Уэйд застонал.

– Ты меня нарочно пытаешь? Я думал, что нравлюсь тебе.

– Нравишься, ты ведь мой любимый шурин. Я просто говорю, что она симпатичная, забавная и одинокая. Ты должен воспользоваться этим.

– Ни за что.

Бостон уставилась на него.

– Почему? Она тебе не нравится?

– Она мне очень нравится. – Уэйд пожал плечами. – Она врач.

Бостон подождала конца предложения.

– В этом все дело, – закончил Уэйд. – Она врач.

– Ты ненавидишь врачей?

– Она хорошо образованна. Умна. А я – парень, который занимается стройкой.

– Ну и что?

– Я не в ее вкусе.

Бостон почувствовала, как ее замешательство улетучивается.

– Ты же понимаешь, что сказал? Что ты не в ее вкусе, а не наоборот. То есть она тебя интересуется.

Уэйд застонал.

– Лучше убей меня сейчас, умоляю.

– Ни за что. Значит, она тебе нравится. Ты должен пригласить ее на свидание. Думаю, она скажет «да».

Он поднял голову и уставился на нее.

– Откуда ты знаешь?

– У меня от природы сильная интуиция.

– Да, точно. – Уголок его рта приподнялся. – Она спрашивала тебя обо мне.

– Вполне возможно.

– Интересно.

Бостон усмехнулась.

– Уже пора напомнить тебе, что встречаться с клиенткой – плохая идея?

– Заткнись.

Она рассмеялась.

– Типичный мужчина!

– Это одно из моих лучших качеств.

Энди откинулась на спинку стула и пожалела, что в ее кабинете нет окна. А то могла бы из него выброситься. Падение с высоты двух-трех футов на траву, растущую вокруг офисного здания, не нанесет особого вреда, зато поступок был бы весьма символичным.

Вместо этого она прижала телефон к уху и закрыла глаза, внутренне приготовившись к предстоящему нападению.

– Ну что, обустриваешься в своем доме? – спросила мать.

– Большая часть моих вещей на складе, так что обустривать особо нечего. Ремонт продвигается.

– Полагаю, это хорошо. – Мать вздохнула. – Мы с твоим отцом примирились с твоим решением.

– Наконец-то я смогу сегодня поспать.

– Сарказм? – спросила мать. – Я думала, ты переросла свою саркастичность.

– Нет. Я останусь саркастичной до гроба. Прости, мама.

– Полагаю, ты ничего не можешь с этим поделать. Как я уже говорила, мы решили, раз ты хочешь потратить жизнь на прививки и перевязку поцарапанных коленок, оказывать эти услуги с тем же успехом можно и в маленьком захолустном городке. Уверена, там тоже нужна достойная медицинская помощь.

– Конечно, нужна. Пока что благодарность очень обнадеживает. Некоторые из пациентов расплачиваются домашней скотиной. На прошлой неделе я получила парочку цыплят и заднюю часть лося.

Мать вздохнула.

– Я серьезно, Энди. Неужели шутить так необходимо?

Она открыла глаза.

– Вроде того. Отсюда до Сиэтла можно добраться на пароме. Мама, у нас есть водопровод и сотовая связь. Захолустье? Да я живу в туристическом раю!

– Отлично. Я поняла твою точку зрения. Мне просто нелегко видеть, как ты тратишь свою жизнь впустую. Ты могла бы заниматься важным делом.

– Моя работа важна для меня.

– Я тут узнала о стажировке... – начала мать.

– Нет.

– Но это...

– Нет. Тебе придется смириться с фактом, что я довольна тем, чем занимаюсь.

– Но ты же педиатр.

«И тот самый урод в семье, – подумала Энди. – Я никогда не соответствовала их требованиям».

– Оставь это, мама.

– Ладно. Знаешь, ходят разговоры о том, что твоя сестра и ее исследовательская группа будут номинированы на Нобелевскую премию.

– Рада за нее.

– Мы с твоим отцом в следующем месяце собираемся на медицинский симпозиум в Британскую Колумбию. Может быть, заедем

по дороге.

Блин! Семейный визит. Ну почему ей так везет?

– Это было бы чудесно, – выдавила Энди, надеясь, что ее слова прозвучали хотя бы немного искренне.

Мать снова вздохнула. Многоуважаемая доктор Гордон часто вздыхала, разговаривая со своим младшим чадом.

– Я действительно люблю тебя, Энди. Как и твой отец.

– Знаю, мам. Ты просто хотела бы, чтобы у меня было немного больше амбиций.

– Это было бы здорово. Ты – Гордон.

– Мне повезло.

– Пришлю тебе информацию о стажировке.

– Лучше не надо, если честно.

Резкий звуковой сигнал ворвался в разговор.

– Это меня, – сказала мать. – Мне нужно идти. Потом с тобой поговорим.

Раздался щелчок, и звонок прервался. Энди положила трубку на место и огляделась в поисках воображаемого окна.

Глава 14

Дина сидела у себя в спальне. С момента ее срыва прошло три дня. Три дня дети настороженно наблюдали за ней и замолкали, когда она входила в комнату. Близнецы забыли, что произошло, но старшие девочки помнили – и были напуганы.

Она узнавала эти симптомы, потому что сама когда-то испытывала их. Дина понимала, каково это – не знать, чего ожидать, жить по правилам, которые постоянно меняются, а наказания следуют быстрые и суровые, и они часто оставляют шрамы. Она поклялась, что не станет такой, как ее мать.

И не стала, сказала себе Дина. Ее дом прекрасен. Чист. Идеален. Здесь регулярно кормят хорошей едой, а дети ни в чем не нуждаются. И все же взгляды девочек были такими же мрачными, как у нее в детстве, а когда утром она прошла мимо Люси, та вздрогнула.

Дальше по коридору Мэдисон сидела в своей комнате с лучшей подругой Кэрри. Несмотря на вечер буднего дня, Дина согласилась на эту ночевку. Вероятно, из чувства вины. Теперь ей хотелось, чтобы Мэдисон вышла в ванную или еще куда-нибудь, чтобы Дина могла поговорить с Кэрри наедине.

Не то чтобы она хотела сказать что-то конкретное, просто Кэрри такая приветливая и общительная. Чаще всего Дина понятия не имела, о чем говорить с собственной дочерью, но беседовать с Кэрри так легко. Сейчас Дине было необходимо провести хоть минутку с ребенком, который не смотрел бы на нее как на дьявола.

Решив придумать причину, чтобы на время отослать Мэдисон, она направилась по коридору, но замерла, услышав низкий, встревоженный голос Кэрри:

- Ты уверена, что с тобой все в порядке?
- Я в порядке, – отозвалась Мэдисон. – Просто забудь.
- Не могу. Я волнуюсь. Тебе нужно поговорить с мамой.

Дина прижала руку к груди. Поговорить о чем? Мэдисон больна? Что-то случилось в школе?

– Я с ней не разговариваю, – сердитым шепотом возразила Мэдисон. – И я ни за что не стану говорить с ней об этом.

- Но она твоя мама.

– Ну и что. Я не хочу, чтобы она считала, будто важна для меня. Ненавижу ее.

Дина прислонилась к стене, в груди все сжалось, глаза жгло. Этот безапелляционный отказ словно разрезал ее до самых костей и разметал куски.

– Ты ошибаешься, – настаивала Кэрри. – Она не такая плохая. Родители и должны указывать детям, что делать. Мой папа все время так поступает.

– Он другой. Любит тебя. Когда он смотрит на тебя, он так счастлив и горд. А она видит в нас только беспорядок, который ей придется убирать. Ее волнует, что подумают другие люди, а не то, что мы чувствуем. Она хочет, чтобы все видели, какая она идеальная. Думает только о себе.

– Даже если это правда, тебе все равно повезло. – Голос Кэрри был тихим. – Я бы все отдала, чтобы вернуть маму.

– Можешь забрать мою.

Отчужденный тон Мэдисон, такой холодный и взвешенный, заставил Дину задрожать. Она повернулась и пошла назад в свою спальню. Стены, казалось, шевелились, надвигаясь на нее, и она не знала, как заставить их остановиться.

– Мама?

Дина замерла и моргнула, фокусируя внимание на Люси.

– Что?

– Ты не сказала, могу ли я пойти на вечеринку. Надеюсь, ты скажешь «да».

Ее вторая старшая дочь, такая же светловолосая и голубоглазая, как Мэдисон, уставилась на Дину. Нелепые очки на носу делали ее похожей на сову. По контрасту с другими девочками Люси казалась более мягкой.

– Хорошо, иди.

Люси широко улыбнулась и подалась к ней, словно собиралась обнять, но в последний момент отпрянула и бросилась в свою комнату. Дина посмотрела ей вслед. Она уже потеряла Мэдисон. Будет ли Люси следующей? А потом – Одри? Одна за другой ее дочери отдалялись от нее, и, хоть убей, она не могла понять почему.

– Лучшее я приберег напоследок, – сказал Уэйд, направляясь по коридору в заднюю часть ее будущего офиса.

Энди последовала за ним, одинаково заинтересованная и его задницей, и достигнутым прогрессом. Там оказалась не только гипсокартонная стена – самая настоящая, но и большая часть доставленного медицинского оборудования. Оно пока лежало в месте, которому предстоит стать залом ожидания. Ремонт шел полным ходом.

Офис будет закончен через несколько недель, а вот с жилым пространством дело шло медленнее. На втором этаже разместятся кухня и большая комната, а также гостевая спальня и ванная. Там пока все оставалось на стадии «о, смотри, новая электропроводка». С точки зрения непрофессионала, гипсокартон выглядел куда более захватывающе, чем несколько проводов, потому что он реально определял очертания комнаты.

Как только второй этаж будет готов, Энди переедет в комнату для гостей, а Уэйд и его люди займутся работами на чердаке. Там устроят главную спальню, домашний офис и третью спальню. Весь проект должен завершиться где-то к сентябрю. Судя по тому, как продвигалось дело, у нее будет достаточно времени, чтобы открыть практику до начала занятий в школе.

Уэйд вошел в комнату отдыха и отступил в сторону. Энди посмотрела на красивые деревянные шкафы. Они пока не были установлены, и столешниц еще не было, но она увидела богатую отделку и детали декора.

– У меня есть шкафы! – радостно сказала Энди, проводя руками по стенке ближайшего из них. – Мне нравится.

– Хорошо, потому что такие же будут и наверху.

– Они прекрасны.

Уэйд предложил заказать одинаковые шкафы для всего дома. Один большой заказ, а не два или три небольших на различные модели, снизил затраты.

– Мы уберем их и положим пол, – сказал он. – Но я попросил ребят сначала поставить их сюда, чтобы ты смогла увидеть, как они выглядят.

– И как именно будут стоять, – сказала Энди, изучая расположение мебели. Она поняла, где будет раковина. – Ты был прав насчет длинной столешницы – действительно практично.

Свет лился из большого окна, выходившего на задний двор. Даже зимой комната отдыха будет светлой и яркой. Энди повернулась к нему.

– Мне все это нравится.

– Хорошо.

Его голос был низким и капельку сексуальным. А может, он был совершенно обычным и Энди просто реагировала на то, что находится в тесном пространстве с красивым мужчиной. Как бы то ни было, она ощутила приятное покалывание глубоко в животе, заставившее ее поежиться. Уэйд прислонился к гипсокартону.

– Ну как, приспособилась к жизни здесь, на острове?

– Я ищу свой путь. Все очень приветливы.

Энди подумала, не упомянуть ли свои попытки освоить пилатес, но решила, что ему это будет неинтересно.

– Ты спрашивала обо мне Бостон.

Энди почувствовала, как у нее отвисла челюсть. Мысли захлестнули разум. Бостон – невестка Уэйда, так что нет ничего удивительного в том, что она что-то сказала. Но все же... Разве не существует женской солидарности или вроде того? То, что Уэйд упомянул об этом в разговоре, могло означать одно из двух: либо он заинтересовался, либо хочет, чтобы она исчезла. В эмоциональном смысле, конечно, ведь если Энди внезапно уедет, то Уэйду не видать всей суммы за ремонт.

– Да, но не бери в голову, – сказала она и откашлялась. – Ходят слухи, что я лесбиянка, так что ты в безопасности.

Темная бровь приподнялась.

– А ты лесбиянка?

– Нет.

– Хорошо.

Хорошо? То есть... хорошо?

Он выпрямился.

– Я думаю, это было бы чудесно.

Энди поймала его взгляд. Она была высокой, но Уэйд был намного выше, и ей пришлось запрокинуть голову, когда он подошел ближе.

– У меня есть дочь.

– Я с ней познакомилась. Она потрясающая.

– Я тоже так считаю.

Он придвинулся еще ближе. Не прикасаясь, но определенно вторгаясь в личное пространство. Ее женская натура изготовилась к любовой атаке, но Энди из всех сил старалась не обращать внимания на мольбы изголодавшегося тела.

– Мы работаем вместе, – сказал Уэйд, протягивая руку и касаясь ладонью правой стороны ее лица. – Ты и я. Это усложняет ситуацию.

– Я очень хорошо умею решать проблемы, – пробормотала Энди. И подумала, что быть этого не может: ее мускулистый, очаровательный, широкоплечий подрядчик смотрит ей в глаза с интересом, который различило даже ее неопытное «я».

– Я собирался пригласить тебя на ужин, – сказал он. – Но вместо этого хочу сделать вот это.

Уэйд нагнулся и прижался губами к ее губам. Предыдущий первый поцелуй Энди испытала больше десяти лет назад. Больше всего ей запомнилось, что она чувствовала себя неловко и неуверенно. Но теперь она ощутила жгучее желание, возникшее от поцелуя мужчины, который явно знал, что делает.

Его губы прижались к ее губам со смесью голода и нежности. Энди чувствовала себя желанной и одновременно странным образом в безопасности. С ростом сексуального напряжения исчезла нервозность, и она позволила себе расслабиться.

Уэйд положил свободную руку ей на талию и притянул к себе. Она охотно подалась навстречу, автоматически обвив руками его шею. Он оторвался от ее губ, чтобы поцеловать ее нос, а затем каждую щеку, прежде чем снова прикоснулся губами к губам. Невольно она приоткрыла губы, и он скользнул языком внутрь.

Ее желание буквально взорвалось. Не было иных слов, чтобы описать прилив голода, который вспыхнул в крови. Грудь набухли за считанные секунды, требуя его прикосновений. Энди ощутила тяжелое, почти судорожное возбуждение между ног.

Уэйд поднял голову и посмотрел на нее.

Расширенные зрачки, радостно подумала она. Он не притворяется!

– Неожиданно, – пробормотал Уэйд и снова легко поцеловал ее. – Весьма неожиданно.

– Еще.

– Конечно.

Где-то в передней части дома что-то упало на пол. Уэйд выпрямился и отступил назад.

– Мне нужно проверить.

– Хорошо.

Секунду они смотрели друг на друга, а потом он ушел.

Энди воспользовалась новыми шкафчиками – прислонилась к одному из них, пока дыхание медленно приходило в норму. Все тело покалывало, и она знала, что улыбается как дура. Но это ее не волновало. Насколько она могла судить, жизнь на Ежевичном острове только что стала очень, очень интересной.

– Шпионишь за соседями? – спросил Зик.

Бостон отошла от окна и рассмеялась.

– Кажется, Уэйд интересуется Энди, а я случайно узнала, что она интересуется им. За этим забавно наблюдать.

Ее муж застонал.

– Не вмешивайся. От этого всегда одни неприятности.

– Ничего не могу с этим поделать. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы ты поговорил с братом. Он осторожен, потому что Энди – врач. С чего бы это?

Они прошли на кухню. Зик подошел к холодильнику и достал два пива. Снял крышки и протянул ей бутылку. Она устроилась на одном из табуретов, а он прислонился к барной стойке.

– Я бы на его месте тоже беспокоился, – сказал он.

– Почему? Какое это имеет значение?

– Она умная. – Зик пожал плечами. – Училась в колледже и мединституте. Он – нет. В этом разница.

– И что? Это дает им повод для общения.

– Она, вероятно, зарабатывает столько же, сколько он. А может, даже больше. У некоторых парней с этим проблемы.

– Значит, они идиоты. Несколько лет я зарабатывала больше тебя. Тебя это беспокоило?

– Нет, но это совсем другое.

– Почему?

– Не знаю. Другое, и все. Ты же художник. Ты не можешь не быть талантливой.

– Но Энди выбрала профессию врача.

– Слушай, ну я не знаю. Просто есть разница. Я не говорю, что это совсем уж помеха, но Уэйд придется хорошенько над этим поразмыслить. Нас воспитали в убеждении, что мужчина должен обеспечивать свою семью. А если это не нужно? В чем тогда смысл?

Бостон уставилась на него.

– Желание выйти замуж не обязательно должно быть связано с деньгами. Как насчет любви и преданности? Разве этого не достаточно?

– Большинство парней не умеют так хорошо говорить о своих чувствах. Проще выписать чек.

– До или после того, как ты схватишь меня за волосы и потащишь в свою пещеру?

Он улыбнулся.

– Тебя интересует ответ?

Их взгляды встретились. Бостон почувствовала легкий всплеск напряжения между ними, и тело отозвалось. Ее охватило желание.

До смерти Лиама она бы не задумывалась. Поставила бы пиво, обошла стойку и поцеловала его. Он бы поцеловал ее в ответ, и через несколько секунд они бы занялись любовью. В прошлом было бесчисленное множество поздних вечеров с сексом прямо здесь, на этой кухне. Как бы то ни было, Бостон не могла вспомнить, когда они в последний раз были близки.

Ей не хватало секса, который они с Зиком всегда считали само собой разумеющимся. Теперь это состояние было утрачено, и она не знала, как его вернуть. Не знала, почему муж не может заняться с ней любовью, и не знала, у кого спросить совета. По причинам, которые Бостон не могла сформулировать, они никогда не обсуждали это друг с другом. Может, все потому, что она не позволяла себе испытывать эмоции, а он напивался.

Пока Бостон раздумывала, стоит ли ей подойти к нему, он отвернулся, и момент был упущен.

– На днях мне бы сходить в соседний дом и посмотреть, как идут дела, – сказал Зик.

– Уэйд упомянул, что шкафы доставлены и они собираются приступать к укладке пола.

– Это будет громко.

– К счастью для Энди, она целый день работает.

Бостон провела пальцами вверх и вниз по бутылке.

– Зик, ты... – Она замолчала, не зная, как продолжить фразу. Как сказать ему, что она скучает по занятиям любовью? Бостон пыталась подобрать слова, а Зик ждал. Его плечи напряглись, словно он приготовился к удару. В глазах вспыхнул вызов, губы сжались в линию.

– Я работала кое над чем, – сказала Бостон, признавая свое поражение и выбирая более легкий путь. – Не хотела ничего говорить, потому что не была уверена, что, ну, справлюсь. Но у меня начало получаться. Хочешь пойти и посмотреть?

Она встала и направилась в мастерскую. Он последовал за ней.

В комнате все еще было много портретов Лиамы, но были там и большие листы бумаги. Изображения джунглей с улыбающимся ягуаром и счастливыми обезьянами. Рисунки различных листьев всех оттенков зеленого. И по меньшей мере пять видов бабочек, порхающих на фоне голубого неба.

Яркие, буйные, практически первобытные цвета излучали энергию. Бостон постаралась избежать приглушенных тонов, чтобы даже в самый пасмурный день фреска привлекала внимание и отвлекала маленьких пациентов от любых страхов. Муж уставился на Бостон широко раскрытыми от удивления глазами. Его изумление было настолько велико, что она не смогла удержаться от смеха.

– Что?

– Ты это сделала. – Он посмотрел на нее. – Ты это сделала, Бостон.

В радостном голосе Зика слышалось облегчение, и это заставило Бостон задуматься о том, насколько он беспокоился за нее все это время. Она пожала плечами.

– Энди попросила меня нарисовать фреску – расписать стены в ее офисе. То есть идея была моя, но она согласилась. Знаю, что это не настоящая работа, но я все равно стараюсь.

Он улыбнулся ей.

– Это здорово! Дети будут в восторге. Мне нравятся обезьяны.

– Они такие счастливые.

– От них будут неприятности. Видно по их глазам.

Бостон рассмеялась.

– Надеюсь, что так.

Зик протянул руку. Бостон шагнула в его объятия. Ее руки легли ему на спину, и она инстинктивно подняла голову для поцелуя. Его губы прижались к ее губам.

Она закрыла глаза и позволила увлечь себя. Они делали это миллион раз. Раньше это было так легко. Им просто нужно вспомнить, как сильно они любили друг друга, как здорово им вместе. Бостон потянулась к его руке и прижала ее к своей груди. Пальцы коснулись напряженного соска, и у нее перехватило дыхание. Она скользнула ладонью вниз по его животу к паху и погладила пенис. Но не успела сделать второе движение, как Зик отодвинулся.

Отказ был столь же жгучим, сколь и однозначным.

– Схожу к соседке, проверю, как идут дела, – сказал Зик. – Поздравляю с фреской.

А потом он исчез.

Бостон осталась одна в мастерской. Тело еще вибрировало от сексуального возбуждения, но на сердце стало тяжело. Правда, которой она так долго избегала, теперь казалась неизбежной.

Они с Зиком по-своему справлялись с горем. Он начал пить, а она погрузилась в живопись. Бостон знала о проблемах, но надеялась, что они преодолеют их вместе. Потому что они всегда были вместе.

Но Бостон сделала первый болезненный шаг на пути к тому, чтобы стать лучше, а Зик не сделал. Они потеряли общую волну, и впервые она спросила себя: смогут ли они когда-нибудь снова найти дорогу друг к другу?

Глава 15

Хороший поцелуй может на какое-то время взбодрить женщину, поняла Энди на следующее утро, когда все ее тело продолжало танцевать от счастья, и ей внезапно захотелось петь. Она ограничилась тем, что пела, когда принимала душ, но знала, что придется внимательно за собой следить. Большинство родителей предпочитают, чтобы их детский врач был серьезным и внимательным, а не витал в облаках и не напевал поп-мелодии. Энди была счастлива. Короткий поцелуй заставил ее задуматься о том, каково было бы перейти на следующий уровень отношений. Секс с Мэттом был неплохим, но далеко не вдохновляющим. Энди захотелось, чтобы ее хотя бы один раз в жизни охватила страсть.

Она усмехнулась, заполняя файл. Ладно, может быть, и не один раз. Как минимум дважды.

Нина с папкой в руке постучала в открытую дверь. Она сдвинула брови и выглядела озабоченной.

– У нас посетитель. Мэдисон Филлипс. Ей двенадцать.

Энди кивнула.

– Я ее знаю. Вернее, познакомилась с ее матерью и сестрами. Они живут по соседству.

– Точно. Дина подписала разрешение на лечение – форма в файле, так что можешь принять девочку без звонка родителям. Похоже, для Мэдисон это принципиально. Она хочет поговорить, но не хочет, чтобы ты предварительно связывалась с ее матерью.

«Нерадостная новость», – подумала Энди. Она выключила компьютер и встала.

– Ладно. Давай выясним, в чем проблема.

Было всего несколько причин, по которым юная девушка могла захотеть поговорить с врачом без ведома родителей, и ни одна из них не радовала. «Двенадцать», – подумала Энди, надеясь, что Мэдисон не беременна. Хотя это физически возможно, для ребенка в таком возрасте секс – занятие явно нездоровое. К тому же необходима заботливая семья, а несколько встреч с Диной не позволяли Энди слишком на это надеяться.

Она забрала у Нины папку.

– Второй кабинет, – подсказала медсестра.

– Благодарю.

Энди просмотрела файл. Мэдисон лечили от обычных детских болезней. Еще бронхит, вывих запястья. Остальные визиты – вакцинация и получение сертификатов о состоянии здоровья для поездок или мероприятий.

Она закрыла папку, постучала в дверь и вошла.

– Привет, Мэдисон, – сказала она с улыбкой. – Я Энди Гордон.

Мэдисон выглядела как чуть более взрослая версия своих сестер. Длинные светлые волосы и большие голубые глаза. Хорошенькая, с длинными, как у жеребенка, ногами и тонкими руками. Ее губы начали изгибаться, но в улыбку так и не сложились.

– Здравствуйте, доктор Гордон.

Энди подвинула табурет и села. Положила папку на стол и приготовилась слушать.

– Можешь называть меня Энди.

– Спасибо. – Мэдисон оглядела комнату. – Люси много о тебе рассказывала. И близнецы. Они говорят, что ты очень хорошая. Кэрри ты тоже нравишься. – Девочка посмотрела на Энди, потом отвела взгляд. – Она моя лучшая подруга.

– О, точно. Дочь Уэйда. Кэрри замечательная.

Желудок Энди скрутило в узел. Если Мэдисон занималась сексом, то и Кэрри могла. О боже, это совсем не то, о чем она хотела бы говорить с Уэйдом.

Мэдисон еще раз откашлялась.

– Спасибо, что приняли. У меня не был назначен визит. – Она помолчала. – Сейчас я должна быть у подруги.

– Я рада, что ты пришла.

Энди продолжала спокойно сидеть, решив дать девочке время собраться с мыслями.

Мэдисон уставилась на свои руки. Наконец она подняла голову и глубоко вздохнула.

– У меня начались месячные. Это в первый раз, и я не знаю, должна ли я кому-нибудь об этом рассказать. Кэрри сказала, что должна, и я подумала о тебе.

Энди изо всех сил постаралась, чтобы выражение лица не выдало охватившего ее облегчения. Всего лишь месячные! Нормальный этап

взросления. Хотя разве Мэдисон не должна поговорить об этом с матерью?

Энди мягко улыбнулась.

– Как ты себя чувствуешь? Есть спазмы?

– Немного, я думаю. Просто чувствую себя как-то странно, понимаешь?

– Поверь, понимаю. Так, я коротко расскажу тебе, что сейчас происходит с твоим телом и чего ждать в будущем. У тебя, вероятно, несколько месяцев не будет регулярных месячных. Твое тело должно приспособиться к этой стадии развития.

Энди кратко рассказала об изменениях, которые ожидают Мэдисон, и о том, как справиться с симптомами.

– Тебе нужны прокладки, – сказала она. – У тебя они есть?

Мэдисон покачала головой.

– Я взяла несколько штук из ванной мамы.

Энди взглянула на часы.

– Ладно. Пойдем в аптеку и купим тебе все необходимое.

– Я не хочу использовать тампоны, – быстро сказала Мэдисон. – Пока еще нет.

– Хорошо. Когда ты будешь готова, мы сможем поговорить и о них. Тампоны просты и безопасны, если следовать инструкции. – Энди сделала паузу. – Знаешь, это как раз то, о чем ты, возможно, захочешь поговорить со своей мамой.

Лицо Мэдисон посуровело.

– Нет, спасибо, – быстро сказала девочка. – Я не хочу, чтобы она знала.

Энди насторожилась.

– Есть что-нибудь, что я должна знать о том, как она относится к тебе?

– Она ужасна. Эгоистка! У нее много правил, которые так несправедливы. Иногда мне кажется, она жалеет, что родила нас. Если б нас не было, у нее был бы идеальный дом и ей не пришлось бы беспокоиться, что мы все портим. – Мэдисон прикусила нижнюю губу. – Порой папе становится так грустно. Я видела: он смотрит на нее и не может понять, почему она им недовольна. Вечно указывает ему, что делать, а потом жалуется, что он все делает неправильно. Я бы хотела, чтобы папа оставил ее и забрал нас с собой. – Глаза Мэдисон

наполнились слезами. – Она такая злая. Вчера вечером близнецы попросили мороженого, а она просто начала орать.

Энди знала, что существует тонкая грань между тем, как родители порой теряют самообладание, и переходом к эмоциональному насилию. Как врач, она несла ответственность за безопасность своих пациентов. Она также знала, как опасно остро реагировать, сообщать о чем-то несуществующем и разрушать семью.

Она проводила время с Люси и близнецами. Ни у кого из них не проявлялись признаки того, что дома серьезные неприятности. Девочки были приветливы и открыты, изобретательны и уравновешенны.

Мэдисон была в самом разгаре полового созревания и испытывала первый настоящий гормональный всплеск. Это любого сделало бы эмоциональным. Но Дина... Ведет ли она себя как не очень добродушная женщина или же ее поступки более разрушительны?

– Мне жаль, что тебе неудобно говорить об этом с мамой, – сказала Энди. – Как твой врач, я хочу, чтобы она знала, что с тобой происходит.

Мэдисон скрестила руки на груди.

– Не хочу говорить с ней об этом.

– Я скажу ей. Надеюсь, она учтет твою просьбу, но не могу этого гарантировать. Мэдисон, дома ты чувствуешь себя в безопасности?

Девочка несколько секунд молчала.

– Я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Все совсем не так. Она не бьет нас. Это другое.

– Ладно. Если ты когда-нибудь почувствуешь себя в опасности, приходи и скажи мне, хорошо?

Мэдисон кивнула.

– Тогда, думаю, пора в аптеку – купим тебе прокладки. – Энди встала. – Хм, пожалуй, после этого нам стоит посидеть в «Старбаксе»^[21]. Как тебе идея?

– Идея что надо. – Мэдисон поднялась. – Спасибо. Кэрри была права. С тобой и вправду так легко разговаривать.

Девочка бросилась к Энди и крепко ее обняла.

Энди не горела желанием вести какие-либо разговоры с Диной. Краткие встречи с этой женщиной не были такими уж теплыми и приятными. Кроме того, сплетни, которые она слышала на обеде с персоналом, заставляли ее нервничать.

Она пыталась убедить себя отложить разговор, но знала, что это плохая идея. Энди собиралась поговорить с Диной не как обеспокоенная соседка, а как врач ее дочери. Это было важно, и личные опасения не должны были стать помехой.

К счастью, последний пациент ушел рано и Энди смогла улизнуть в четыре. Она поехала домой и сразу направилась к Дине, прежде чем смогла отговорить себя или отвлечься, желая еще раз поцеловаться с Уэйдом.

Она поднялась на крыльцо и нажала на кнопку звонка. Несколько секунд спустя Дина открыла дверь.

– Привет, Дина, – поздоровалась Энди. – Не найдется ли у вас минутки?

Соседка секунду пристально смотрела на нее, словно пытаясь понять, кто она такая.

– Я Энди Гордон, – напомнила Энди и указала на свой дом. – Живу рядом. Я педиатр.

– Конечно, – сказала Дина, отступая назад и жестом приглашая ее войти. – Простите. В последнее время я так рассеянна. Пожалуйста, входите.

Дина была одета так же хорошо, как в прошлую встречу с Энди. Темно-синяя двойка^[22] под цвет глаз. Сшитые на заказ брюки хаки, подчеркивающие стройные бедра и длинные ноги. Она была накрашена, даже с помадой, и носила золотые браслеты. По сравнению с Диной Энди чувствовала себя растрепой: одежда помялась за рабочий день, а тушь скорее всего размазалась под глазами, придавая ей привлекательное сходство с енотом.

Дина провела ее в гостиную, обставленную красивой антикварной мебелью. Изящные столы, традиционные ткани. Энди предположила, что комната выглядит почти так же, как и сто лет назад. Она подумала о своей импровизированной мансарде и яркой фреске, которую нарисует Бостон на стенах, и поняла, что у них с Диной практически нет ничего общего.

Энди устроилась на маленьком диванчике и попыталась улыбнуться. Ей было сложно начать разговор.

Дина присела напротив нее на краешек стула и замерла в ожидании. Энди сделала глубокий вдох.

– Сегодня ко мне приходила Мэдисон, – сказала она и тут же подняла руку. – Все в порядке, не волнуйтесь. Но мне действительно нужно кое о чем с вами поговорить.

– Хорошо. – Дина нахмурилась. – Вы ее лечили?

– Нет, хотя в клинике есть подписанное вами разрешение на лечение. Я с ней только побеседовала. У нее были некоторые опасения. – Энди наклонилась вперед. – Пару дней назад у Мэдисон начались месячные. Она чувствовала, что должна поговорить с кем-то из взрослых, поэтому пришла ко мне. Я обсудила с ней все азы и снабдила необходимыми принадлежностями.

Дина уставилась на нее.

– Не понимаю. Вы хотите сказать, что у моей дочери начались первые месячные и она рассказала об этом вам, а не мне?

Ее голос был низким и напряженным, слова звучали отрывисто.

Энди кивнула. Взгляд упал на крепко стиснутые руки Дины. На пальцы, которые потрескались до такой степени, что выглядели ободранными. Шелушащаяся, грубая кожа не соответствовала идеальной внешности.

В данный момент это не главная проблема, сказала себе Энди.

– Я чувствую, что вам важно знать, что происходит с дочерью. И я хотела бы предложить свою поддержку, если...

Дина вскочила на ноги. Ее лицо вспыхнуло, глаза посуровели.

– Как вы посмели прийти сюда с этим! Кем вы себя возомнили? Вы не имеете права. Вам следовало отправить ее домой, ко мне. Она – мой ребенок. Мой. Не ваш. Я не знаю, зачем вы пришли, но вы немедленно уйдете.

Энди встала.

– Дина, я не пытаюсь ничего у вас отнять. Я здесь для того, чтобы мы могли просто поговорить.

– Поговорить? – Губы Дины скривились в презрительной усмешке. – Когда уже слишком поздно? Так вот чем вы занимаетесь – наполняете свою жалкую, пустую жизнь чужими детьми! – Она повысила голос. – Вы влезли в то, что вас не касается. Я не разрешала вам говорить с моей дочерью о месячных, быть частью этого обряда посвящения. Вы перешли границы, доктор. – Дина подошла к двери и распахнула ее. – Вы должны уйти.

– Прошу прощения, – сказала Энди, проходя мимо нее. – Дина, пожалуйста, есть и более серьезная проблема.

– Не указывайте, как мне воспитывать моих детей. Не говорите мне о проблемах. Вы ничего не знаете.

Последние слова Дина уже прокричала. Энди почувствовала, как вспыхнуло лицо. Желудок скрутило, руки задрожали. Она поспешила вниз по лестнице, стремясь поскорее уйти, пока не сделала что-нибудь действительно глупое – например, не расплакалась.

Выйдя на тротуар, Энди повернула к своему дому, но поняла, что не хочет заходить внутрь. А вдруг кто-нибудь слышал весь этот крик? Она не сможет объяснить, что произошло, – как врач Мэдисон, она не имеет права обсуждать это ни с кем, кроме родителей девочки.

Она стояла на тротуаре, удивляясь, почему все так получается. Стоит ей начать думать, что она сможет вписаться в местную жизнь, случается что-то выбивающее из колеи. Неужели Вселенная посылает ей предупреждение? Должна ли она просто признать поражение и собрать вещи? Энди знала ответ еще до того, как закончила задавать этот вопрос, но любому время от времени нужно несколько минут на то, чтобы пожалеть самого себя. Хитрость в том, чтобы не превращать это в образ жизни.

Не зная, куда еще пойти, Энди направилась домой. Может быть, ей удастся незаметно проскользнуть наверх. Но прежде, чем она добралась до двери, на свое крыльцо вышла Бостон и жестом подозвала ее.

– Могу я спросить? – поинтересовалась рыжеволосая женщина, когда Энди поднялась к ней.

Энди вздохнула.

– Одна из дочерей Дины зашла сегодня поговорить со мной. Я посвятила мать в детали.

– Ей явно не понравилось то, что ты сказала.

– Не совсем.

Бостон коснулась ее руки.

– Ты вся дрожишь.

– Я не сильна в конфронтации.

Бостон удивила ее, обняв. Сильные руки успокаивающе держали ее несколько секунд. Энди обняла соседку в ответ, благодарная за проявленную поддержку.

Отпустив ее, Бостон улыбнулась.

– Обычно я верю в волшебную силу чая, но сейчас думаю, что бокал вина – лучший вариант. Что скажешь?

Энди бросила сумочку на маленький столик в прихожей и пошла за ней на кухню.

– Вино – звучит идеально.

Дина прислонилась к закрытой входной двери своего дома. Она прижала руку к животу, чтобы удержать внутри бурлящую желчь и четвертинку бутерброда, которую ей удалось съесть за обедом. Ненависть жгла горло, от горечи ее едва не стошнило.

«Вот сука, – злобно подумала она. – Бешеная сука. Самоуверенная ханжа. Вся из себя довольная своим образованием и работой. Сука, сука, сука».

Но боль в глубине сердца не имела никакого отношения к Энди – она была связана с новостями, которые та сообщила. От этого никуда не деться. «Мэдисон действительно ненавидит меня», – подумала Дина, едва ли способная осознать правду, не говоря уж о том, чтобы принять ее. Это не подростковый бунт и не истерика. Это настоящая ненависть. Такая, которую Дина испытывала к своей собственной матери. Она не понимала, почему так вышло. Куда подевалась ее милая малышка? Когда все изменилось? Еще пару лет назад они с Мэдисон были так близки, вдвоем работали как одна команда. Мэдисон помогала с младшими девочками, всегда была рядом, желая оставаться частью семьи. Теперь все это исчезло.

Дина глубоко вздохнула. Она выглянула в окно и увидела Энди, разговаривающую с Бостон. Потом обе женщины вошли в дом Бостон. Без сомнения, собрались сплетничать о ней. О том, какой дерьмовой матерью она была. О том, что ее собственная дочь не может заставить себя поделиться с ней чем-то интимным.

У Мэдисон начались первые месячные, и она не захотела, чтобы ее мать об этом узнала. Как такое возможно? Дине показалось, что стены дома надвигаются на нее. Ощутила знакомое свербящее чувство и поняла: если сдастся, войдет в ванную и включит воду, то может никогда уже не остановиться. Она подумала: а если уехать и не возвращаться? Или выйти на проезжую часть, и пусть проблема решится сама собой...

Вместо этого она повернулась к лестнице.

– Мэдисон, – позвала Дина.

Услышала тяжелый вздох, а затем: «Да?»

– Мне нужно сбегать к соседке. Пожалуйста, присмотри за девочками.

В последнее время старшая возражала против заботы о сестрах. Но вместо того чтобы жаловаться, Мэдисон просто сказала: «Хорошо».

Дина задумалась, не связана ли ее покладистость с чувством вины. Она могла лишь надеяться, что достаточно заботится о дочери, чтобы у той еще оставалось это самое чувство.

Она вышла из дома и пошла по тротуару. Добравшись до крыльца Бостон, секунду поколебалась, а потом решительно позвонила в колокольчик. Послышались шаги, а затем дверь открылась.

При других обстоятельствах потрясенная Бостон с широко раскрытыми глазами выглядела бы забавно. Но сейчас выражение лица соседки подтвердило худшие опасения Дины. Теперь все в курсе, что дочь ненавидит ее, причем она сама в этом и виновата.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказала Дина. – Я знаю, что Энди у тебя. С ней мне тоже нужно поговорить.

Бостон распахнула дверь и указала в глубину дома. Дина шла по длинному коридору, не обращая внимания на феечек и отвратительный выбор оттенков. Она убеждала себя, что пройдет через это, найдет способ справиться и перестанет постоянно бояться.

На кухне за стойкой сидела Энди. Там стояли два бокала вина, тарелка с сыром и открытая коробка крекеров на воде^[23]. Когда Дина вошла, выражение лица Энди стало таким же, как у Бостон.

– Не волнуйтесь, – сказала ей Дина. – Я не вооружена.

– Приятно слышать.

Бостон выдвинула табурет. Дина тяжело опустилась на него и приняла предложенный бокал вина. Она выпила примерно половину, а потом шумно втянула воздух и задалась вопросом, почему обе женщины выглядят такими размытыми.

Она коснулась свободной рукой щеки и почувствовала слезы, отставила стакан и заплакала навзрыд.

Резкие, безобразные рыдания душили ее, заставляя задыхаться. Дина изо всех сил пыталась остановиться, но не могла. Смушение присоединилось к боли, пока вся она, казалось, не превратилось в одну воспаленную, кровоточащую рану.

Ей в руку вложили салфетки. Дина почувствовала успокаивающие прикосновения к плечу. Энди что-то сказала, и Бостон исчезла на несколько секунд, а затем вернулась с губкой. Намочила ее и прижала к затылку Дины.

Дина понятия не имела, как долго плакала. Рыдания стихли, потом перешли в икоту. Она смогла отдышаться и высморкаться. Куча салфеток росла. Она вытерла лицо.

Энди перевернула губку, приложив прохладную сторону к коже, затем осторожно взяла ее за запястье.

– У меня не инсульт, – сказала Дина. – Я в порядке.

– Я хоть и не врач, но точно могу сказать: ты не в порядке, – заметила Бостон. Она пододвинула поближе бокал с вином. – Выпей еще немного. Думаю, тебе это необходимо.

Дина попыталась поднять бокал, но пальцы дрожали слишком сильно. Тут она заметила свою растрескавшуюся кожу и спрятала руки.

Бостон устроилась на табурете у стойки со стороны кухни. Энди села рядом с Диной. Они обе настороженно наблюдали за ней.

– Я в порядке, – повторила Дина. Решила, что ей наплевать на то, как выглядят ее руки, и снова потянулась за вином. На этот раз ей удалось отхлебнуть из бокала. – На самом деле я не в порядке, – призналась она. – Все неправильно. Колин мне изменил.

Обе женщины переглянулись, потом снова посмотрели на нее.

Дина замотала головой.

– Нет, – быстро сказала она. – Он мне не изменял. Даже не знаю, почему я так сказала. – Дина сделала паузу. – Это тоже неправда. Я знаю почему. Потому что если бы он изменил, то вина не на мне, верно? Он плохой парень, я жертва – и я выигрываю. Как же это печально... Неужели я хочу, чтобы у моего мужа был роман на стороне, лишь бы оправдать себя во всем?

Бостон сжала ее руку, но ничего не сказала.

Дина посмотрела на обеих женщин.

– Они ненавидят меня. Колин, девочки. Особенно Мэдисон. – Дина повернулась к Энди. – Вот почему она не хотела мне говорить, – Дина почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы. – Она не хотела делиться со мной. Может, решила просто держать это при себе или таким образом наказать меня. В любом случае я ее понимаю. Она

смотрит на меня так, как я раньше смотрела на свою мать. Но почему, почему? Я же совсем не такая...

Бостон продолжала держать ее за руку, пальцы скользили по коже. Прикосновение было странно успокаивающим. Впервые за несколько недель Дина не чувствовала себя совершенно одинокой.

– Я забочусь о них, – продолжала она. – Готовлю и убираю, а Колин говорит, что я жесткая и всех держу в ежовых рукавицах. Он говорит, что я его не люблю, что мне его зарплата нравится куда больше, чем он сам. Что он только мешает. Мэдисон говорит, что меня больше волнует, как все выглядит, чем как реально обстоят дела. Что я хочу, чтобы все было идеально. – Дина сглотнула. – Я действительно хочу совершенства. Хочу жить красиво и без пороков. Почему это так плохо? Почему они меня не понимают?

Она допила вино.

– Моя мать пила, и в доме не было еды. Она запирала меня в кладовке, и я поклялась, что стану другой. Что мои дети никогда не будут голодны, обижены или напуганы. А теперь они смотрят на меня так, как я смотрела на свою мать, и я не знаю, что делаю не так. – Дина остановилась, чтобы вдохнуть и высказать то, о чем молчала неделями. – Но хуже всего, я думаю, что все их слова обо мне могут оказаться правдой.

С первого взгляда Энди поняла, что у Дины нервный срыв. На этот раз ее соседка была растрепана, лицо покрылось пятнами и опухло, плечи поникли. Она была человеком, а не идеальной картинкой, и испытывала боль, и Энди искренне сочувствовала ей.

– Мэдисон сейчас многое сбивает с толку, – мягко сказала она. – Когда родители ссорятся, дети пугаются. Это заставляет их вести себя подобным образом.

– Я не хочу, чтобы они боялись. Я просто хочу, чтобы они... – Дина покачала головой. – Наверное, я уже не знаю... не знаю, чего хочу. Я бы сказала, что хочу, чтобы все у нас стало как прежде, только чтобы меня не считали ужасной. Я просто хочу, чтобы все было хорошо.

– Попробуй немного расслабиться, – сказала Бостон. – Понимаю, у тебя свой способ держать все под контролем, но у такой жесткости есть последствия.

Дина уставилась на нее.

– Я не знаю, как по-другому.

Бостон неожиданно улыбнулась.

– Никто не знает. В этом и заключается смысл жизни. Разве ты еще не поняла? Все это... – она обвела рукой свою кухню, – это фасад, чтобы держать демонов на расстоянии. Некоторые из нас умеют притворяться лучше других, но у всех есть свои проблемы.

Дина посмотрела на Энди.

– У тебя нет проблем. Посмотри на себя. Ты такая красивая и к тому же врач.

Если бы Энди пила, она бы поперхнулась.

– Я – неудачница в семье. Мать разочарована тем, что я не стала детским нейрохирургом и не занимаюсь передовыми исследованиями. Только что выяснилось, что исследовательская группа моей сестры входит в шорт-лист претендентов на Нобелевскую премию. А еще я десять лет встречалась с парнем и он наконец сделал мне предложение, но бросил меня буквально у алтаря. У нас было триста гостей, включая его мать, а он не потрудился явиться. Позже, когда мы наконец поговорили, он сказал, что не уверен и ему нужно больше времени. Две недели спустя он сбежал со своей секретаршей. Что еще хуже, я совсем недавно поняла, что он всегда пытался переделать меня, и, хотя я сопротивлялась, я никогда его не одергивала. Теперь я не уверена, что вообще когда-либо любила его.

Энди снова наполнила свой бокал.

– Такое дерьмо невозможно выдумать.

Бостон вздохнула.

– А я не могу работать. Не нарисовала ничего приличного с тех пор, как умер Лиам. – Она посмотрела на Энди. – Эти наброски для росписи стен – все, что я смогла сделать, – она повернулась к Дине. – Я тоже не плакала. Ни разу. Не могу. Может быть, просто не хочу этого делать. Может, если я наконец заплачу, мне придется признать, что он действительно умер.

Дина оперлась локтем о стол и подняла свой бокал.

– Выходит, мы все полностью облажались, да?

Глава 16

К вечеру следующего понедельника Энди все еще была довольна встречей с Диной и Бостон, а также радовалась своему решению переехать в этот район. Было приятно сознавать, что в отношении порядка в собственной жизни она мало чем отличается от окружающих. Не одна она пыталась понять, как бы сделать вид, что она умеет справляться с трудностями.

Понимание того, через что проходит Дина, заставило Энди взглянуть на свои поступки с другой стороны. История определяет личность, и, судя по тому немногому, чем поделилась Дина, ее история была куда драматичнее, чем у большинства. Энди сочувствовала и ей, и ее дочери. Мэдисон видела лишь последствия старых моделей поведения. Энди надеялась, что мать и дочь смогут найти способ пробиться через это и по-настоящему сблизиться.

Она припарковалась перед своим домом и вошла внутрь. Там, где раньше был старый пол, лакированное дерево отражало лучи яркого послеполуденного солнца.

К ней подошел Уэйд.

– Я отчаянно влюблена, – сказала Энди, наклоняясь и проводя рукой по гладкой поверхности. – Красиво.

– Будет еще лучше. Нам придется прикрыть полы, чтобы защитить их, пока мы не завершим остальные работы, но я хотел, чтобы ты посмотрела.

Энди выпрямилась и вздохнула.

– Теперь у меня есть полы. Чувствую себя нормальным человеком.

Он усмехнулся.

– Тебе легко угодить.

– Легко, но не просто. Чтобы ты сразу это понимал.

– Я понимаю. – Уэйд оглянулся через плечо, словно желая убедиться, что они одни. – И это подводит меня к другой важной теме. Я о том, что было раньше. О поцелуе.

Поцелуе, о котором она мечтала последние четыре ночи? Поцелуе, от которого перехватывает дыхание и все тело поет? О том самом поцелуе?

– Должен ли я извиниться? – спросил он.

– А ты хочешь извиниться?

– Нет, но ты же врач.

Энди склонила голову набок.

– Какое это имеет значение? Или ты думаешь, что врачи дают клятву не целоваться?

Он переступил с ноги на ногу. Движение было едва заметным, но заставило ее задуматься, не нервничает ли он. Уэйд? Нервничает рядом с ней? Это казалось невозможным, но она умела читать язык тела.

– Я подрядчик.

– Да, знаю. Поэтому я и наняла тебя, чтобы ты привел в порядок мой дом. Было бы так неловко, если бы ты оказался бухгалтером.

– Ты не видишь проблемы в моем выборе профессии?

– Нет, если тебе нравится то, чем ты зарабатываешь на жизнь. Так уж вышло, что мне нравится быть врачом. – Энди изучающе посмотрела на его. – Я сбита с толку этим разговором. То, что я доктор, не должно быть проблемой. Наоборот – я изучала анатомию и знаю, что к чему. Разве это не интригующе?

Он одарил ее медленной манящей улыбкой. Такой, от которой она рефлекторно поджала пальцы на ногах.

– Я не думал об этом с такой точки зрения.

Ей в голову пришла забавная мысль: ее рот выписывает чеки, которые ее женское начало, возможно, не в состоянии обналичить. Но об этом она подумает потом.

– Ты довольна полами? – поинтересовался Уэйд.

– Очень.

– А поцелуями?

– И ими тоже.

Его темные глаза весело блеснули.

– Хочешь как-нибудь повторить?

– Уговори меня.

– Как насчет ужина?

– Почему бы нет.

– У Кэрри на следующей неделе какие-то школьные дела. Может, сразу после этого?

– Звучит неплохо!

Дина отнесла стопку белья в спальню и бросила на кровать. После нервного срыва на прошлой неделе она то испытывала прилив надежды, то решала, что никто не станет скучать по ней, исчезни она внезапно. Душевные метания не успокаивали, но лучше они, чем все время чувствовать себя несчастной.

Она начала складывать полотенца в аккуратную стопку, хотя и задавалась вопросом, зачем это нужно. Ее детей вряд ли заботило, что белье в шкафу рассортировано и уложено по цвету, и она подозревала, что Колин запросто мог неделями пользоваться одним и тем же полотенцем. Никто не замечал, какие усилия она прилагала, и это было...

Дина бросила полотенце обратно на кровать и вышла из спальни. Оказавшись в коридоре, открыла дверцу бельевого шкафа и уставилась на аккуратные стопки. Они этого не замечали. Им было все равно. Так для кого же она это делала? Зачем тратила столько времени и сил? Если для себя самой, чтобы почувствовать радость и удовлетворение, тогда понятно. Но если она делала это, чтобы получить похвалу, неудивительно, что ее всегда ждало горькое разочарование.

Она стояла в коридоре, почти ожидая, что сейчас запоем хор. Разве не так бывает в фильмах, когда у персонажей случается прозрение? По крайней мере, там должна быть фоновая музыка. Дина начала спускаться по лестнице и увидела поднимающуюся вверх Люси.

– Дорогая, ты не присмотришь пару минут за сестрами? Мне нужно пойти к Бостон и кое-что спросить.

Люси уставилась на нее.

– Я?

– Конечно. Ты такая ответственная, а близняшки хорошо играют вместе. Вы втроем часами играете на улице. Думаю, это следующий шаг. Если вдруг что-нибудь случится, прибегай к соседке, хорошо?

Люси улыбнулась.

– Я смогу, мама. Присмотрю за ними.

– Хорошая девочка.

Дина направилась к входной двери и поспешила по тротуару. Взбежала по ступенькам крыльца в дом Бостон и позвонила в звонок.

– Я веду себя как заноза, – начала она, когда женщина открыла дверь, – знаю. Но мне нужно тебя кое о чем спросить.

Бостон пригласила ее войти.

– Ты вовсе не ведешь себя как заноза.

– Явилась в гости без приглашения. Я бы сочла, что это и значит быть занозой.

Дина замолчала, не зная, как поделикатнее задать вопрос. Потом сообразила, что Бостон видела ее в слезах и соплях. У нее осталось не так уж много гордости.

– Как ты думаешь, смогу ли я снова соблазнить Колина? Мы не спим вместе уже несколько месяцев. Я не уверена, что он все еще хочет меня, но не знаю, что еще сделать.

Она сразу же захотела вернуть свои слова назад, но в то же время была полна решимости стоять на своем.

Выражение лица Бостон сменилось с озабоченного на удивленное, а затем в нем мелькнуло что-то, чего Дина не смогла понять.

– Я не тот человек, который может дать тебе совет, – сказала Бостон.

– Конечно, тот. Ты ведь живешь с одним и тем же парнем с девятнадцати лет.

– С пятнадцати.

– Ты блаженно счастлива. Я вижу, как вы все время обнимаетесь и целуетесь.

Дина не стала говорить, что обычно считала публичные проявления чувств раздражающими и ясно давала это понять. Теперь, думая о том, как Зик смотрит на свою жену, она ощущала легкую зависть. Смотрел ли Колин когда-нибудь так на нее?

Бостон провела ее на кухню, где они обе устроились на табуретах.

– Секс решит твою проблему?

– Не знаю. Я не совсем понимаю, в чем именно проблема. Думаю, дело в том, что я не очень нравлюсь Колину. Или он думает, что он мне не нравится.

– А он тебе нравится? Ты счастлива в браке?

– Что такое счастье? У меня есть обязанности. Я их выполняю, забочусь о семье.

– Может, он хочет быть не только тем, о ком ты заботишься.

Дина изо всех сил старалась не выглядеть нетерпеливой. Но получалось плохо. Невозможно было проникнуть в голову Колина и что-нибудь выяснить. Она хотела, чтобы все вернулось на круги своя. Но именно этого он и не хотел, поняла она.

– Колин говорит, что я не хочу, чтобы он проводил время с девочками. Что мне нужно, чтобы все было по-моему.

– Это правда?

– Конечно, нет.

Бостон улыбнулась.

– В самом деле?

– Ладно, у меня есть своя система, и меня раздражает, когда он ее игнорирует. Есть причина, по которой я складываю полотенца определенным образом и заполняю посудомоечную машину тарелками, разворачивая их к центру. Это более эффективно. Это облегчает жизнь. Я выкладываюсь по полной, чтобы все организовать, а он приходит и все портит.

Дина услышала собственные слова и поняла: возможно, вот она, часть проблемы. Но почему именно она должна измениться? Секс был бы проще. Если Колин будет счастлив в постели, разве он не будет счастлив вообще?

– Он клянется, что больше ни с кем не спит. Так что он должен хотеть секса, – пробормотала Дина. – Я просто не знаю, как его соблазнить.

– А как ты делала это раньше?

Дина уставилась на соседку.

– Я не понимаю вопроса.

– Когда между вами все было хорошо, как ты показывала, что хочешь его?

– Я этого не делала.

Бостон молча ждала, ее зеленые глаза потемнели от сострадания.

– Никогда?

– Никогда. Он спрашивал, и я говорила «да». Чаще всего.

Дина взглянула на свои руки и тут же пожалела об этом.

– Иногда. – Она посмотрела на Бостон. – Этого хотят мужчины, поэтому они и должны спрашивать.

– Очередное правило?

К нетерпению добавился гнев. Почему люди не понимают, что правила – это хорошо? Правила показывают человеку, как себя вести. Показывают, в чем заключаются риски и опасности и как их избежать.

Она встала.

– Кажется, у тебя нет ответа.

– Дина, все люди разные. Я не пытаюсь усложнять, но действительно не знаю, как тебе соблазнить мужа. Если бы я знала, это было бы немного пугающе, правда?

– Я просто ищу общую информацию.

– Покажи, что хочешь его. Для большинства мужчин быть желанными – это мощный афродизиак.

Вот в чем проблема, думала Дина, уходя. На самом деле она не хотела заниматься сексом с Колином. Она хотела вернуть свою жизнь. Тем не менее выполнение задуманного можно считать небольшой ценой за достижение конечной цели. Может быть, ей удастся найти какие-нибудь идеи в интернете.

Бостон сидела в кресле-качалке, наблюдая, как солнце медленно клонится к горизонту. Было почти девять вечера. До самого длинного дня в году оставалось несколько недель. Потом дни снова начнут укорачиваться. Хотя она и ценила красоту осени, ей не нравилось отсутствие солнечного света. Осенью пойдут дожди. Но пока она нежилась, как кошка на подоконнике.

Зик лежал, растянувшись на траве. Они поужинали на пледе у себя на заднем дворе, и он еще не сдвинулся с места. Глаза закрыты, одна рука на животе, в другой пиво. Воздух был неподвижен, вечер наполнялся щебетом устраивающихся на ночь птиц, лаем собаки в нескольких улицах отсюда, голосами дочерей Дины, которые играли во дворе перед домом.

– Как продвигается фреска? – поинтересовался он.

– Хорошо. На следующей неделе начну рисовать в доме Энди.

– С нетерпением ждешь этого или нервничаешь?

Она улыбнулась.

– И то и другое. Я продолжаю убеждать себя, что ее пациенты не будут слишком строгими ценителями, и это помогает. – Бостон оттолкнулась босой ногой от травы, чтобы привести качалку в движение. – Мне нравится Энди. Она целеустремленная и веселая.

– Нам нужно, чтобы на этой улице стало больше мужчин.

– Что ты имеешь в виду?

– Все три дома принадлежат женщинам. Вы с Диной унаследовали их, а Энди купила свой. Мы с Колином в меньшинстве.

– Это будет держать тебя в узде.

– В душе я бунтарь.

Бостон рассмеялась.

– Ты живешь с одной и той же женщиной с семнадцати лет. Как именно проявляется эта твоя бунтарская жилка?

– Пока еще не пойму.

Она наблюдала за мужем, наслаждаясь чертами его лица, изгибом плеч. Когда они были моложе, Бостон написала несколько портретов обнаженного Зика. Вернувшись со стройки, он принимал душ. Иногда, будучи в игривом настроении, она выставляла одну из этих работ в спальне. Не такой уж тонкий намек. Он видел рисунок и отправлялся искать ее. И они занимались любовью, где бы ни оказывались.

– У Дины с Колином проблемы, – тихо сказала Бостон.

Он застонал.

– Даже знать не желаю.

– Она хочет как лучше.

– Страшная женщина.

– Почему ты так говоришь?

– У нее все должно быть идеально. Дом, дети. Ты когда-нибудь видела этих девчушек в одежде, которая им бы не шла? Она им даже телик смотреть не позволяет.

– Откуда ты так много знаешь о ее жизни?

Зик повернул голову и посмотрел на Бостон.

– Кэрри рассказывала отцу. А Уэйд рассказал мне. – Он нахмурился. – Дина тебе всегда не нравилась. Почему в твоём голосе звучит сочувствие?

– Я не испытывала к ней неприязни.

– Конечно, испытывала.

Бостон сделала глубокий вдох.

– Я не очень хорошо относилась к ней раньше, но она не такая, как я думала. Уязвимая.

– Ну да, конечно. Просто избегай ее когтей. Она из тех женщин, которые атакуют прямо в мягкое подбрюшье. Или член.

– Колин тоже так о ней думает?

– Не знаю. Мы с ним не общаемся. Его здесь почти не бывает. Парень проводит жизнь в разъездах. Какой смысл заводить семью, если никогда не видишь родных?

– Думаешь, он хочет ее бросить?

Зик застонал и закрыл глаза.

– Не знаю и знать не хочу.

Его слова разозлили ее.

– Ты в своем репертуаре, не так ли? Избегаешь всего неприятного.

Он по-прежнему не открывал глаз.

– Ни у тебя, ни у меня нет фактов. Что тут можно обсуждать?

Бостон могла придумать дюжину вещей. Или только одну. Ту, которая всегда незримо была с ними. Преследовала, терлась о края их жизней, как наждачная бумага. Оставляла кровоточащие раны, которые невозможно исцелить.

– Ты не хочешь справляться со своей болью, – тихо сказала она.

– Как и ты.

– Ты пьешь.

– А ты рисуешь. – Зик открыл глаза и сел. – По крайней мере, я прячусь от того, что произошло. Ты же притворяешься, будто ничего не случилось. Уходишь в иллюзии, рисуя Лиама. Он не вернется. Никогда не вернется. Ты не можешь вернуть его к жизни своими рисунками. Так же, как я не могу напиться так, чтобы забыть его.

– Я хочу, чтобы мы изменились. Хочу, чтобы мы поговорили.

Он покачал головой.

– Нет, не хочешь. Ты хочешь, чтобы я пережил это. Я пытаюсь. Каждый день я справляюсь со своей болью, и да, иногда пью, чтобы избавиться от нее. Но она всегда со мной. Приведи в порядок сначала себя, Бостон. Тогда и обо мне побеспокоимся.

Она пристально посмотрела на него.

– Я тоже пытаюсь. Я работаю над фреской.

– Ты плакала? Хотя бы раз?

– Отсутствие слез не имеет никакого отношения к тому, что я чувствую.

– Верно. Как и к тому, что у меня больше не встает. Посмотри правде в глаза. Мы оба сломлены.

– Как нам это исправить?

– Черт меня дери, если я знаю. – Зик поднялся. – Я пошел. В бар.

Бостон встала и уперла руки в бока.

– Не смей от меня уходить.

– Почему нет? Ни один из нас не хочет уступать. Мы слишком боимся, что сломаемся.

– Я уступаю.

– Как?

Она открыла рот, потом закрыла его.

Его взгляд был тверд.

– Хочешь поговорить о том, что ты чувствовала, когда он умер? Как звала на помощь, а ее не было? Хочешь поговорить о том, как все пошло кувырком или как все говорили на похоронах совершенно не то, что нужно? Хочешь поговорить о том, как...

Бостон подняла руки и прижала их к ушам.

– Прекрати! Просто прекрати. Я больше не хочу об этом говорить.

Зик медленно кивнул и прошел мимо нее. Минуту спустя она услышала, как завелся его грузовик, а затем он уехал. Бостон снова села в кресло-качалку и подставила лицо солнцу.

«Слез не было», – подумала она, прижимая руку к животу.

Вообще ничего не было.

Это стало традицией. Раз в две недели Энди и сотрудники доктора Харрингтона отправлялись на ланч в ресторан отеля «Ежевичный остров».

– Моя дочь беременна, – объявила Лаура после того, как они сделали заказ.

– Поздравляю, – сказала Дон.

– Это здорово, – подхватила Мисти.

Энди и Нина согласно закивали.

– Вам легко говорить, – возразила Лаура. – Я слишком молода, чтобы стать бабушкой. А моей дочери всего двадцать шесть.

– Разве ты не была моложе, когда родила ее? – спросила Мисти.

– Да, но тогда время было другое. Она так волнуется, и я думаю, что тоже буду волноваться. Она хочет, чтобы я приехала и осталась с ней первые две недели после рождения ребенка. – Голос Лауры звучал гордо и вместе с тем слегка ошеломленно.

– Где она живет? – спросила Энди.

– В Сиэтле. Это недалеко.

– Хорошо, что ты рядом.

Энди не могла представить, что захочет, чтобы ее мать была рядом, когда у нее родится ребенок. Без сомнения, мать каждую секунду будет говорить ей, что она все делает не так.

Возможно, не самая справедливая оценка, подумала Энди. Ее семья никогда не была особо сплоченной. Достижения ценились выше эмоциональных связей. Можно предположить, что со стороны ее семья выглядела успешной. Все – врачи. И все же Энди не могла припомнить, когда в последний раз общалась с сестрой. И брата она не видела почти десять лет.

– Твоя мать так и живет на острове? – спросила Лаура у Нины.

– О да. Моя мама и ее партнер живут в одном доме. – Голос Нины был немного напряженным. – Они интересные люди.

– Это ты так мягко называешь сумасшедших? – уточнила Дон.

– Вроде того. Эти двое никогда не были примерными и слишком ответственными. Мать легкомысленная, но у нее доброе сердце.

– Что сделало ответственной тебя, – подытожила Энди, а затем сморщила нос. – Прости. Время от времени эти надоедливые занятия по психологии, которые мне приходилось посещать, поднимают свои уродливые головы.

Нина рассмеялась.

– Ты права. Я действительно забочусь о ней и обо всех остальных. Вот почему я стала медсестрой. Для меня это естественно. Моя мама интересуется, когда я снова выйду замуж. Как по мне, одного неудачного брака вполне достаточно. Я не собираюсь заботиться о ком-то еще, большое спасибо.

Лаура подняла свой стакан с чаем со льдом.

– За наши семьи. Они сводят нас с ума, но мы все равно их любим.

Четыре женщины сдвинули бокалы.

– Как продвигается ремонт? – поинтересовалась Мисти у Энди.

– Уже есть на что посмотреть. У меня появились полы и шкафы, а медицинское оборудование установят через две недели.

– Мы все хотим посмотреть, – сказала ей Лаура. – Ты должна устроить грандиозную вечеринку по случаю завершения ремонта.

– Отличная идея! Я и не подумала насчет этого.

– Убедись, что придет Уэйд, – подмигнула Лаура. – В обтягивающих джинсах.

– Иначе ты не придешь? – спросила Дон.

– Приду, но не буду так счастлива. – Лаура подалась вперед и понизила голос. – Он когда-нибудь работает без рубашки? Пожалуйста,

скажи «да». Я скоро стану бабушкой, и мне нужно немного приятных переживаний в жизни.

Энди подумала о поцелуе с Уэйдом. Поцелуе, который, к сожалению, еще только предстояло повторить. Хотя они планировали пойти на свидание и вчера как раз договорились об ужине в пятницу вечером.

– Он не работает без рубашки, – сказала она. – Облом.

Прежде чем Энди успела признаться, что они с Уэйдом идут на свидание, появился официант с их ланчем. Затем разговор зашел о скором окончании школьного года и о том, как трудно найти хороший детский садик.

К часу они вернулись на работу. Энди пошла проверить расписание на вторую половину дня. Нина вошла в кабинет и закрыла дверь.

– Есть секундочка, чтобы поговорить?

– Конечно. – Энди указала на стул возле стола. – В чем дело?

– Хочу поинтересоваться, приняла ли ты какие-либо решения насчет персонала. Тебе понадобится кто-то, кто будет управлять офисом, и по крайней мере одна медсестра, может две.

– Знаю. Я общалась с агентством по трудоустройству. Они специализируются на подборе персонала для медицинских офисов в районе Сиэтла. Не уверена, что смогу найти кого-нибудь на острове. Если только у тебя нет предложений.

– Думаю, ты могла бы найти кого-нибудь из местных, чтобы управлять офисом. Это больше относится к менеджменту, чем к медицине. Можно опубликовать объявление в газете и дать интервью. Я буду рада помочь! Подскажу, нет ли у людей, с которыми ты разговариваешь, каких-то проблем в прошлом.

– Я была бы признательна.

Нина коротко улыбнулась.

– Также я бы хотела работать на тебя, если тебе это интересно. Мне нравятся дети, и еще мне нравится, как ты с ними общаешься. Доктор Харрингтон замечательный, но я встречалась с его сыном – будет неловко, когда он начнет здесь работать.

Энди наклонилась к ней.

– Я ценю, что ты дала мне знать. Когда я только устроилась на временную работу к доктору Харрингтону, он ясно дал мне понять одну

вещь: я не должна переманивать его сотрудников. – Энди улыбнулась. – Причем он использовал слово «браконьерствовать».

– В его стиле, – пожала плечами Нина. – Он знает обо мне и Дилане. Если хочешь, чтобы я работала на тебя, я поговорю с доктором Харрингтоном и получу его согласие. Поверь, Дилан жаждет быть рядом со мной не больше, чем я рядом с ним.

– Могу я спросить почему?

– У нас был школьный роман, который плохо закончился. Когда Дилан уехал в колледж, мы были помолвлены. Его родители этого не одобряли. Не столько из-за меня, сколько потому, что мы были слишком молоды. Он обнаружил, что нравится хорошеньким сокурсницам, и бросил меня. Так унижительно! Я отомстила ему, выйдя замуж за первого встречного парня, и это обернулось катастрофой. Остальное – дело прошлое.

– Не пойми меня неправильно, но я очень рада слышать, что я не единственная, кто выбрал полного идиота, чтобы влюбиться.

Нина улыбнулась.

– Ты тоже?

– О да! Как-нибудь вечером сходим выпить «Маргариты»^[24], и я расскажу тебе эту печальную историю.

– С нетерпением буду ждать.

Энди наклонилась к ней.

– Нина, я бы хотела, чтобы ты работала со мной. Ты отлично ладишь с детьми, организована и эффективна. Чего еще желать? Если доктор Харрингтон не против, ты принята на работу. Мы можем обсудить детали после того, как я поговорю с ним. Что скажешь?

– Замечательно. Спасибо тебе.

Нина встала и вышла. Энди хотелось вскочить и немного потанцевать от счастья, но она ограничилась тем, что покачалась на стуле и беззвучно дала пять одной ладонью. У нее есть персонал. Или, по крайней мере, зачатки персонала. Заполучить Нину было огромным плюсом. С приличным офис-менеджером и парой медсестер на неполный рабочий день у Энди получится настоящая практика. Однажды у нее даже будет кухня, и тогда жизнь станет чертовски близка к идеалу.

Глава 17

Энди вертелась перед зеркалом, но не могла увидеть отражение ниже плеч. Завтра утром первым делом надо проверить план главной ванной и убедиться, что там есть зеркало в полный рост. Как можно думать о свидании, если нет возможности оценить свой внешний вид? У женщины, которая с кем-то встречается, есть свои потребности, и увидеть себя в зеркале – одна из самых важных.

Она посмотрела на электронные часы у кровати. До приезда Уэйда остается меньше десяти минут. А значит, снова менять решение насчет наряда уже поздно. К тому же у Энди не было сорока семи вариантов. Наверное, существует целый протокол одежды для первого свидания, но она о нем напрочь забыла. Потому что с той секунды, как вышла из душа более часа назад, и до этого момента она не могла решить, что надеть.

Джинсы казались слишком повседневными, брюки – слишком рабочими. Оставались либо юбка, либо платье. Энди не любила юбки из-за своих мальчишеских бедер. Платья никогда не сидели на ней нормально, поэтому выбор оказался ограничен до смешного. У нее не было ничего даже отдаленно сексуального.

Сначала она остановилась на платье из полиэстера, которое на ощупь напоминало шелк и не мялось. Это было ее универсальное маленькое черное платье. К сожалению, абсолютно лишённое сексуальности. Потом Энди решила, что этот наряд слишком официальный для такого места, как Ежевичный остров. К тому же в нем она выглядела так, словно собралась на похороны. Поэтому Энди вытащила фиолетовое хлопчатобумажное платье, которому было лет двенадцать, но оно все еще казалось довольно привлекательным. У него были укороченные рукава, для которых она, вероятно, уже старовата, но Уэйд не производил впечатления модника, так что вряд ли он знает об этом.

Округлый вырез был достаточно глубоким, чтобы смотреться почти кокетливо, и Энди надела свой лучший бюстгальтер с пуш-апом, чтобы максимально подчеркнуть достоинства. В меру пышная юбка платья создавала впечатление, что у нее есть бедра, и это было приятно.

– Забудь, – сказала она себе, отворачиваясь от зеркала. Уэйд не раз видел ее в шортах и футболке. Он прекрасно представлял, как выглядит ее тело. Если бы его привлекали исключительно женщины с округлостями типа Скарлетт Йоханссон^[25], он бы вообще не пригласил ее на свидание. – Меня сейчас стошнит, – пробормотала Энди, прижимая руку к животу. – Надо было чаще ходить на свидания.

Не очень-то практичный совет, учитывая, что она состояла в серьезных отношениях более десяти лет, но тем не менее это правда. Свидание с Уэйдом? О чем она только думала? Она же не знает, как себя вести и что говорить. Энди бросила еще один полный ненависти взгляд на шкаф и направилась вниз по лестнице. В ближайшую пару недель она обязательно поедет в Сиэтл и купит себе новую одежду. Интересную, подходящую по возрасту одежду, в которой ей будет хорошо и комфортно. Зайдет в маленький бутик и отдастся в руки одного из тех продавцов, что разбираются в моде.

Она спустилась на первый этаж только для того, чтобы вновь увидеть, что все здание находится в состоянии ремонта. Повсюду были брезентовые навесы и ящики. На закрытой полиэтиленом мебели валялись инструменты. Стены были покрыты карандашными набросками фрески Бостон.

Здесь негде было присесть, негде непринужденно побеседовать, прежде чем отправиться на свидание. Энди не подумала о том, чтобы приготовить напитки или закуски. Наверху припасена пара бутылок красного вина, но куда их поставить? И бокалы? А приглашать Уэйда в импровизированное жилище в мансарде будет немного странным.

– Я не могу, – пробормотала Энди, услышав шаги на крыльце.

Она подошла к входной двери и распахнула ее прежде, чем Уэйд успел постучать.

– Я не умею ходить на свидания, – выпалила Энди и поморщилась. – Просто чтобы ты не думал, что все пройдет гладко.

Уэйд стоял на крыльце и смотрел на нее. Его молчание дало ей секунду, чтобы рассмотреть темные джинсы, рубашку кремового цвета и – вот это сюрприз – симпатичные мокасины.

Энди с удовлетворением отметила, что он отлично выглядит. Сексуальный и мужественный. И еще от него приятно пахнет – чистотой, мылом и искушением.

Он улыбнулся одним уголком рта.

– Попробуй что-нибудь более традиционное. «Привет» неплохо работает. По крайней мере, у меня всегда так.

Она опустила голову.

– Лучше убей меня на месте.

– Не мой стиль. – Уэйд вошел в дом. – А мне нравится, как выглядит твоё жильё.

Энди засмеялась, закрывая за ним дверь.

– В самом деле? У меня отличный подрядчик. Хочешь узнать его имя?

Уэйд развернулся к ней и положил руки ей на плечи.

– Парень, да? Слышал я истории о женщинах и их подрядчиках. Они правдивы?

Его большие пальцы скользнули по её коже. Просто медленное поглаживание вверх и вниз, которое не должно было оказаться таким уж интересным, но все же оказалось. Она поймала себя на том, что тонет в его темных глазах.

– Пока что нет, – прошептала Энди, – но у меня большие надежды.

– У меня тоже.

Он наклонился и поцеловал её. Его губы были настойчивыми и требовательными, но все же нежными и дразнящими. Она обвила руками его шею. Его руки скользнули к её талии. Она сделала шаг навстречу, прижалась к нему от плеч до бедер.

Энди запрокинула голову. Почувствовала легкую ласку его языка на своей нижней губе и приоткрыла губы. Уэйд углубил поцелуй, а она встречала прикосновение за прикосновением, погружаясь в накатывающие волны возбуждения. Голод обжигал, от него покалывало грудь. Она хотела, чтобы он прикасался к ней повсюду. И она захотела почувствовать его внутри себя.

Он повернулся, чтобы поцеловать её в щеку, потом прижался губами к подбородку.

– Я заказал столик, – пробормотал Уэйд. – Ужин.

– Хорошо. – Энди не могла отдышаться, и это затрудняло разговор. – Ужин – это великолепно.

Уэйд поцеловал её в шею, затем лизнул чувствительную кожу за ухом. Она вздрогнула, дрожь эхом отозвалась в бедрах.

– Нам, э-э, наверное, пора идти, – заметил он и прикусил мочку её уха.

Энди ахнула и выгнулась ему навстречу. Ее живот соприкоснулся с чем-то очень твердым и очень толстым. Ее глаза распахнулись, он выпрямился. Они уставились друг на друга.

– Мне нужно извиниться? – спросил он.

За то, что у него эрекция? В ее печально целомудренном мире это было практически чудом.

Она покачала головой.

Существовала тысяча причин вежливо улыбнуться и предложить отправиться на ужин. С Мэттом секс всегда был если не запланированным, то, по крайней мере, регламентированным. Он не верил в спонтанные встречи, не представлял, как можно пропустить ужин и сразу перейти к десерту. Таков был мир, который она знала.

Существовала также вероятность того, что Уэйд просто хочет отправиться на ужин и что предположение чего-то другого только унизит ее. Но Энди вдруг поняла, что всю жизнь выбирала безопасность. Покупка этого дома стала ее первым по-настоящему импульсивным поступком. Может быть, пришло время рискнуть.

– Поужинать было бы неплохо, – сказала Энди, и ей показалось, что она прыгает со скалы. Можно лишь надеяться, что внизу прочная мягкая сеть, а не зазубренные камни и верная гибель. – Или мы могли бы подняться наверх.

– А что там наверху?

– Моя кровать и презервативы.

Глаза Уэйда горячо вспыхнули. Он одарил ее медленной дразнящей улыбкой.

– Показывай дорогу.

Я не смогу это сделать, думала Дина. Это невозможно, нелепо. Но найти иное решение она не могла. Мужчины любят секс, а она может его предоставить. Насколько она знала, Колин ни с кем не был. А значит, секс его заинтересует. Лишь бы только затащить его в постель, все остальное решилось бы само собой. По крайней мере, таков был ее план. Дина старалась не вспоминать о катастрофе с кукольным домиком. Она заменила его новым, ярким, великолепным, но близнецы до сих пор вздрагивали, когда она слишком близко подходила к их игрушкам.

Она приняла душ и побрила ноги, а затем порылась в ящике с нижним бельем. У нее была пара стрингов, которые она ни разу не надела, потому что они были слишком неудобными. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер. К сине-белым трусикам нашелся подходящий бюстгальтер. Его Дина тоже никогда не носила, потому что он выглядел непристойно. Перебирая пальцами кружева, она подумала, что, может быть, это Колин подарил ей такое белье. Дина бросила стринги и бюстгальтер на покрывало, опустилась на колени на ковер и вытащила из-под кровати со своей стороны контейнер для хранения. Расстегнув верхнюю молнию, откинула крышку и изучила содержимое. В основном там были ее зимние свитера – толстые, тяжелые, ждущие подходящего сезона. Также там нашлось изрядное количество нижнего белья. Короткие сексуальные ночные рубашки, пара комплектов кофточек с брюками. Плюшевый мишка. Большинство вещей неношеные, у нескольких сохранились этикетки. И все это – подарки Колина.

В тот день Дина сказала Бостон правду. Она никогда не была инициатором секса. Если Колин спрашивал, она в основном отвечала «да». Ну, иногда. По крайней мере, в половине случаев. В последнее время он спрашивал реже и реже. Она была слишком занята, чтобы заметить это. Или, возможно, была благодарна, потому что стеснялась секса с мужем.

Он терпеливый любовник, думала Дина, сидя на ковре и глядя на пастельную радугу шелка и атласа. Или был таким. И хотя Колин был у нее не первым, с ним она впервые испытала оргазм. Она сопротивлялась, не давала ему прикасаться к ней «там, внизу» и утверждала, что умрет, если он попытается ласкать ее губами. Но Колин продолжал ласки, нежно дразня прикосновениями, пока магия того, что он делал с ее телом, не соблазнила Дину сдаться.

Она помнила, как в первый раз кончила, в основном потому, что потом почувствовала себя незащищенной и испуганной. Она плакала, и Колин обнимал ее, пока она не успокоилась. Потом он снова занялся с ней любовью и сказал, что любит ее. Поначалу Дина хотела большего. Хотела ощущений, которые они создавали бы вместе, даже когда сопротивлялась эмоциональной близости, сопровождающей этот акт. Боясь стать уязвимой, она мало-помалу замкнулась в себе. А через некоторое время поняла, что чем меньше занимается сексом, тем

меньше ей этого хочется. Как будто эта ее часть заржавела, вышла из употребления. Стремясь обезопасить себя, Дина построила отношения так, чтобы их сексуальная жизнь зависела только от Колина.

Ему нужно больше, подумала Дина, вспомнив, как Колин спрашивал, хочет ли она его хоть иногда или это всегда только его желание. Она не ответила тогда, потому что была занята. Молодая мать с двумя детьми, потом с тремя, потом с пятью... Разве у нее было время на секс? Какой уж тут интерес? Она была измотана необходимостью заботиться о семье.

Даже самой себе Дина не признавалась в том, что предпочла дистанцироваться. Это было намного безопаснее. Она беспокоилась не о теле, а о душе. А если Колин узнает, что творится у нее внутри? Итак, она сохранила себя в безопасности, но какой ценой? Дина убрала нижнее белье назад в контейнер для хранения. Застегнув чехол на молнию, запихнула все обратно под кровать. «Но с глаз долой – это еще не из сердца вон», – подумала она, входя в ванную.

Она надела кружевной бюстгальтер и стринги в тон, затем пошла в гардеробную. Натянула платье без рукавов с глубоким вырезом. То, которое застегивалось на молнию сзади и легко спадало на пол. Затем, не давая себе времени остановиться, вышла в коридор.

Было почти десять. Все девочки, кроме Мэдисон и Кэрри, спали. В доме было тихо. Дина знала, что старшая с подругой будут сидеть в комнате до утра, а младшие спят очень крепко. Так что это было почти как находиться дома одной.

Она беззвучно спустилась босиком по лестнице. Остановилась у кабинета Колина, стукнула в дверь один раз и вошла внутрь.

Муж сидел на диване и читал. Волосы растрепаны, на носу очки для чтения, которые он начал носить в прошлом году. Вернувшись вечером домой, он переоделся в джинсы и футболку. Его ноги были босыми. Дина с легким удивлением отметила, что Колин отлично выглядит. Моложе своих почти сорока. Сексуальный. Они оба оставались в форме. Она попыталась посмотреть на него так, как смотрели бы другие женщины. Не как на мужа, а как на мужчину. И признала, что он до сих пор привлекает ее.

Он поднял глаза и увидел Дину, вскинул брови, но промолчал. Ни единым жестом не показал, что жаждет ее общества, но она все равно заставила себя улыбнуться.

– Я решила зайти поздороваться, – сказала она. – У нас не было возможности побеседовать за ужином. Как прошла твоя неделя?

Колин снял очки и положил их на маленький столик рядом с диваном, бросил журнал на колени.

– Прекрасно. А твоя?

– Я была очень занята. – Дина приблизилась к дивану. – Перед окончанием учебного года так много мероприятий. И много возни с документами – готовила их для летних лагерей.

Он смотрел, как она подходит. Дина села на диван, близко, но не слишком, затем наклонилась к нему. Чувствуя себя идиоткой, слегка подалась вперед, демонстрируя декольте. Кружевной бюстгальтер сделал свое дело, заставив ее грудь казаться больше. Но Колин, кажется, этого так и не заметил.

– Люси в восторге от вечеринки, на которую собирается завтра, – сказал он. – Надеюсь, она быстро обзаведется новой лучшей подругой. В ее возрасте это важно.

– Конечно.

Он снова взялся за свой журнал.

– Что-нибудь еще?

Дина сидела, совершенно растерянная. И что ей теперь делать? Она напялила это дурацкое платье, на ней стринги и бюстгальтер с пуш-апом, но ничего не происходит. Она не знала, что сказать или сделать. Она никогда не умела вести себя сексуально. Ничего не знала об искусстве соблазнения. И пусть она пробыла замужем за Колином больше десяти лет, но понятия не имела, как его завести.

– Я тут подумала, – начала было Дина, но замолчала, потому что не представляла, что сказать дальше. Колин выжидающе уставился на нее.

– Что?

Ее щеки вспыхнули.

– Это...

Он продолжал смотреть на нее, то ли не понимая, то ли желая, чтобы она помучилась. На секунду что-то промелькнуло в его глазах. Это не интерес, решила Дина. Может быть, сострадание, но она не была в этом уверена.

Это несправедливо, подумалось ей. Почему именно она должна предпринимать попытки? Почему именно она должна измениться? Жизнь с ним не была такой уж легкой и простой, и...

– Дина?

Она пристально посмотрела в его голубые глаза и попыталась увидеть хоть какой-то намек на интерес. Хотя бы отблеск того, что было в них раньше. Там светилось лишь слабое нетерпение, как будто Колин хотел, чтобы она ушла.

Мужчины любят глазами, напомнила себе Дина. Факт, который она, кажется, прочла в журнале, когда делала прическу. Действия способны донести суть дела легче, чем слова. Дина завела руку за спину и ухватила за язычок молнии. Потянув за него, стянула с себя платье и позволила ему соскользнуть до талии.

– Ты подарил мне этот комплект белья, – сказала она, не в силах смотреть на мужа, так как впервые за долгие месяцы оказалась настолько обнажена. – Я сегодня нашла его и подумала... Если хочешь, мы могли бы...

Колин долго смотрел на нее, выражение его лица оставалось непроницаемым. От пристального взгляда голубых глаз ей стало не по себе, но она не натянула платье обратно.

– Ты делаешь это потому, что думаешь, что я хочу секса, – сказал он наконец. – А не потому, что тебе хочется заполучить меня в свою постель.

Дерьмо. Дина посмотрела на свои колени, потом снова взглянула на него.

– Нет, Колин, – солгала она. – Я правда хочу тебя.

Его челюсти сжались.

– Ну конечно. Так ты поступаешь и с девочками, Дина. Делаешь все возможное, но ничего не понимаешь. Ничего. Мы нереальны для тебя. И мы только мешаем.

Она покраснела, затем заставила себя подняться на ноги. Платье упало на пол.

– И это все? – спросила Дина. Внутренняя дрожь начала прорываться наружу. – Ты говоришь «нет»?

– Я говорю «нет».

Дина вздернула подбородок и увидела, как он надевает очки. Снова уткнулся в свой журнал.

– Я очень устал, – сказал Колин. – Спокойной ночи.

Она ощутила пощечину так же ясно, как если бы он наотмашь ударил ее ладонью. Щеки горели, лицо обожгло жаром. Гнев смешался

со стыдом, Дина натянула платье и выбежала из комнаты.

Но когда она добралась до коридора, гнев исчез, забрав и все силы. Дина опустилась на пол и уронила голову на колени. Она вся дрожала – то ли от холода, то ли от осознания того, что все, что Колин когда-то испытывал к ней, давно умерло. Она не знала, чего он хотел от нее, но явно не этого брака.

Впервые за несколько месяцев, может быть, лет, а может, вообще впервые в жизни Дина страстно захотела почувствовать его теплую руку на своем плече. Она хотела, чтобы он поднял ее на ноги и обнял, как раньше. Как тогда, когда они еще обнимались. Колин всегда последним разжимал объятия. Часто шутил, что она не должна отпускать его так быстро. Теперь Дина хотела снова испытать это долгое объятие, только на этот раз она не отпустит его первой. Может, вообще не отпустит.

Но Колин не вышел, чтобы проверить, как она. Дина сидела одна, замерзшая и дрожащая. Наконец судороги в ступне и бедре заставили ее встать на ноги. Она застегнула молнию платья и поднялась в свою спальню. Подошла к окну и уставилась в ночь. Дина не знала, какие вопросы задавать, не говоря уже о том, чтобы понять, как найти ответы. Точно знала лишь одно: она была так занята тем, чтобы все делать правильно, что потеряла то, о чем даже не подозревала. При всей ее любви к планированию и деталям Колину она предложила слишком мало и слишком поздно.

Она поняла, что он собирается бросить ее. Она думала об этом время от времени в течение последних нескольких недель.

Но впервые Дина гораздо меньше беспокоилась о том, как станет матерью-одиночкой с пятью дочерьми. Она ощутила себя женщиной, слишком поздно осознавшей, что потеряла мужчину, которого действительно любила. Она так долго считала Колина чем-то само собой разумеющимся, что дошла до точки, когда исправить отношения уже нельзя.

Колин не любил ее, и когда Дина наконец собралась с силами, чтобы заглянуть глубоко внутрь себя, ей пришлось признать, что она точно знает причину.

Глава 18

– Он догадался, – сказала Энди.

Уэйд поставил коробку с пиццей на пол, затем притянул ее к себе и поцеловал.

– А вот и нет.

– Разносчик пиццы догадался, что у нас только что был секс. Это точно.

– Ладно, он завидует. И как мне теперь заставить тебя перестать о нем думать? – спросил Уэйд и снова поцеловал ее. Энди шагнула в его объятия и приблизила свои губы к его. Даже целуя, он шарил руками по ее телу, задирая накиннутую наспех безразмерную футболку, чтобы коснуться обнаженной кожи.

У нее были большие неприятности. Она должна была принять этот факт и придумать, как с этим справиться. Потому что этот мужчина оказался богом секса и ей грозила опасность бросить работу и присоединиться к культу Уэйда Кинга, чтобы дни и ночи поклоняться его алтарю.

Они только что занимались любовью на ее узкой кровати на скрипучей мансарде, окруженные прохладным ночным воздухом. Уэйд прикоснулся к ней, гладил, вытворял с ее телом вещи, которые доводили до оргазма, и этот оргазм удовлетворял Энди на каком-то клеточном уровне. Сейчас, когда его язык касался ее языка, а пальцы исследовали изгибы ягодиц и бедер, даже ее внутренние органы, казалось, сочиняли сонеты обожания. Почки были безумно влюблены в Уэйда, а поджелудочная железа категорически не хотела, чтобы Энди встречалась с кем-то другим.

– У нас есть пицца, – сказала Энди, думая, что им, вероятно, следует поесть, но не желая отстраняться от него.

– Она не испортится.

– Мне нужно одеться.

– Ты одета.

– На мне одна футболка. Только футболка. Под ней ничего нет.

Уэйд натянул джинсы и рубашку, но она была слишком потрясена, чтобы решать сложные задачи вроде поиска нижнего белья.

– Я подумываю о том, чтобы поужинать, раздевшись догола, – сказала Энди.

Он посмотрел ей в глаза.

– Давай проверим эту теорию.

– Что?

Не разжимая объятий, он развернул ее спиной к себе, скользнул одной рукой под футболку, чтобы ласкать грудь, а другую просунул ей между ног. Энди хотела было возразить: они на первом этаже, а на окнах нет занавесок. Только снаружи было еще довольно светло, так что никто не смог бы увидеть, что происходит в доме. Кроме того, ощущение его пальцев, скользящих глубоко внутри нее, и большого пальца на все еще набухшем клиторе лишило ее дара речи.

Он уже делал это раньше, подумала Энди, закрывая глаза и погружаясь в чувственные ласки. Прикасался к ней с уверенностью, от которой перехватывало дыхание. Рука на ее груди точно знала, как дразнить напряженные, ноющие соски так, чтобы нервные окончания начинали петь. Энди сотрясала дрожь: идеальное соединение вожделения и возбуждения разлилось по эrogenным зонам. Страсть захлестнула ее. Она раздвинула ноги шире, бесстыдная и слабая от желания. Мышцы напрягались в предвкушении, когда он входил и выходил, двигаясь все быстрее и быстрее. Большой палец умело надавливал на плоть, заставляя подходить к наслаждению – ближе и ближе, пока она не вскрикнула, охваченная очередным оргазмом.

Когда утихла последняя дрожь, Уэйд подвел Энди к лестнице и усадил на вторую ступеньку. Опустился на колени и завозился с джинсами, продолжая ее целовать. Он протянул ей презерватив. Она разорвала упаковку. Они дрожали, когда вместе пытались надеть его на пенис.

– Давай лучше ты, – выдохнула Энди. – Ты в этом лучше разбираешься.

Он надел презерватив и вошел в нее.

С первым же толчком Энди кончила снова. Обвила ногами его бедра и повисла на нем, желая, нет, нуждаясь в большем. У нее никогда не было такого секса, подумала она, крича от удовольствия. Такого простого и удивительного. И потрясающего. Энди кончала снова и снова, пока не выдохлась. Уэйд вздрогнул и замер. Они не двигались с

места, оба задыхающиеся и измученные. Он медленно отстранился и посмотрел на нее.

Он выглядел таким же ошеломленным, как и она.

– Кажется, я потянул спину, – признался Уэйд.

Она выпрямила ногу, ощутив, как мышцы кольнула судорога.

– Наверное, придавила ногу на лестнице.

Уэйд, пошатываясь, поднялся, помог ей встать и откашлялся.

– У тебя обычно так бывает? – спросил он.

– Нет. Я довольно скучная в постели.

Он печально улыбнулся ей.

– Нет, Энди. Скучная – это не то слово, которое я бы использовал. – Уэйд пожал плечами. – Мне нравится секс, как и любому мужчине, но должен признать: это была адская поездочка.

– Думаю, это химия организма.

– Можно и так сказать. Сейчас вернусь.

Уэйд юркнул в ванную на первом этаже. Энди взяла пиццу и села ждать. Когда он вернулся, на нем уже были джинсы и ремень. Он все еще выглядел потрясенным. Приятно было знать, что он ошеломлен так же, как и она. Энди повела его наверх. Пока она подавала пиццу, он открыл бутылку вина.

– Во сколько ты должен вернуться? – спросила она. – У Кэрри есть няня или она остается одна?

Уэйд протянул ей бокал вина.

– Она ночует с Мэдисон. Мне не нужно быть дома до утра.

Ее женская суть возликовала.

– О, это здорово. – Она инстинктивно посмотрела в сторону спальни.

Уэйд забрал у нее бокал и поставил на стол.

– Ну прямо мои мысли.

Они потянулись друг к другу. Оба уже были голыми, когда добрались до спальни. Они рухнули на матрас, и старая кровать протестующе закрипела. Энди отдалась волшебным прикосновениям Уэйда, готовая позволить мужчине увести ее в иной мир.

Обычно Дина любила свой дом. Он принадлежал ей: достался от тети и дяди. Это больше, чем просто наследство, – Дина считала, что заслужила дом. Забрав ее к себе, они очень ясно дали понять: от нее

ждут, что она станет ребенком, которого они всегда хотели. И любой намек на то, что она дочь своей матери, недопустим.

Она сделала все возможное, чтобы стать идеальной. Была вежливой и опрятной, получала хорошие оценки, помогала по хозяйству. Дина изучила историю дома. Знала, какие предметы были антиквариатом, а какие копиями. Она понимала, как важно всегда быть готовой к неожиданным гостям. То, как все выглядит, гораздо важнее, чем то, чем оно является на самом деле. Этот дом был ее королевством. До поры. Дина переехала сюда в десять лет и впервые с тех пор ощутила себя не в своей тарелке. Она чувствовала себя так, словно позорный прожектор следует за ней, освещая ее унижение.

Ей не спалось. Она вернулась в свою спальню, где заперлась в ванной. Из самых темных глубин шкафа извлекла щетку с длинной ручкой, встала под душ и принялась оттирать каждый дюйм тела в тщетной попытке смыть свой позор.

В канализацию стекала кровь. Когда Дина наконец вышла из душа, ее тело было покрыто кровоточащими ранами. Ночь она провела в муках. Утром перевязала самые страшные язвы и надела рубашку с длинным рукавом, чтобы скрыть улики. Но даже постоянная боль не смогла стереть из памяти отказ Колина.

Она обнажилась, а он отвернулся. Она предложила все, что у нее было, но этого оказалось недостаточно. Ее оказалось недостаточно.

Ее всегда было недостаточно – Дина всегда знала, что живет взаймы. Жить с Колином – все равно что жить с тетей и дядей. Она понимала, что в любой момент ее могут отправить восвояси. Но со временем она подстроилась, стала удобной. Дина думала, что достаточно быть идеальной, но нет. И теперь она не знала, как стать такой, какую Колин еще мог бы захотеть.

– Мамочка?

Дина обернулась и увидела Люси, стоявшую у входа на кухню. На этот раз она не заметила ни уродливых очков, ни слишком больших глаз. Но различила страх в том, как слегка подрагивали губы дочери.

– Что случилось?

– Сегодня днем у меня вечеринка. Помнишь, ты сказала, что я могу пойти.

У Дины сжалось сердце. Она услышала свой собственный голос – наполовину умоляющий, наполовину напоминающий. Молчаливая

мольба не менять правила, не наказывать ее за то, что набралась смелости спросить. Люси было столько же лет, сколько ей, когда ее мать в последний раз сорвалась. То избиение, из-за которого соседи обратились в полицию, изменило все. Дина считала, что сломанная рука и ушиб ребер стоили того, чтобы наконец-то обрести свободу. По крайней мере, тогда она думала именно так. Теперь же встал вопрос: а была ли она когда-нибудь свободной? Или просто сменила один вид насилия на другой? Дина выдавила дрожащую улыбку.

– Да, Люси. Я помню. Рада, что ты идешь на вечеринку. Я знаю, тебе было тяжело, когда уехала твоя самая близкая подруга.

На лице Люси отразились эмоции. Надежда, облегчение, затем настороженность, будто она не была готова поверить, что получит желаемое, ничего не заплатив.

– Во сколько ты должна там быть? – спросила Дина.

– В три. Мы будем играть в боулинг, а потом ужинать.

Сказав это, девочка вздрогнула.

Правильно, подумала Дина. Потому что на ужин будет пицца, куриные палочки и бог знает что еще из нездоровой пищи.

– Там должен быть торт, – сказала она. – Какая же вечеринка без торта?

– И мороженое, – улыбнулась Люси.

– Нужно и то и другое. – Дина сделала глубокий вдох. – Мы выедем в два тридцать. Это даст нам уйму времени. Можешь взять телефон экстренной связи и позвонить мне, когда будешь готова вернуться домой.

Ни у одной из девочек не было собственного телефона, но Дина завела общий на случай поездок или подобных мероприятий.

Люси кивнула.

– Я буду очень осторожна с ним, мамочка. Обещаю.

– Конечно, будешь.

Люси улыбнулась и бросилась к Дине. Худенькие руки обхватили ее и крепко обняли. Девочка задела открытые раны, они буквально взорвались болью, и Дина ахнула.

Люси отпрыгнула назад.

– Извини, извини! Не сердись.

Прежде чем Дина успела что-либо сказать, девочка повернулась и побежала, словно за ней гнался дьявол.

«Не дьявол, – подумала Дина. – Мать. В этом доме это одно и то же».

– Эмма говорит, они с мамой собираются в Сиэтл в следующую субботу. Она просит меня поехать с ними, и я хочу попозже спросить папу. – Люси едва перевела дыхание, прежде чем продолжить. – А потом у нас был торт и боулинг, а Сара и Эмма хотели, чтобы я была в их команде.

Ярко-голубые глаза светились от счастья. Энди импульсивно наклонилась и обняла десятилетнюю девочку.

– Я так рада, что ты хорошо провела время!

– Я тоже.

Они сидели в крошечной импровизированной кухне Энди в мансарде. Окна были открыты, и мягкие звуки дождя создавали фоновую музыку для воскресного вечера, посвященного разговорам и украшению печенья.

Энди нашла уже испеченное сахарное печенье в продуктовом магазине поблизости. Набор включал глазурь и посыпку. Подумав, что к ней могут заглянуть ее маленькие соседки, она купила пачку. Также наполнила свой маленький холодильник, постирала белье, вымыла ванную – одним словом, постаралась чем-то себя занять. Потому что альтернативой были постоянные мысли о Уэйде. Та ночь была просто волшебной. Где-то после одиннадцати они наконец добрались до холодной пиццы. Потом вернулись в постель и занимались любовью, пока оба не выдохлись. Весь вчерашний день Энди была уставшая и измученная, но счастливая. Все напоминало ей о той восхитительной ночи.

Но утром воскресенья безумие тихонько прокралось в ее голову, и разум начал задавать вопросы. Почему он не позвонил? Разве он не должен был позвонить? Ему только секс нужен? Неужели он решил, что она легко доступна? Он не предложил ей снова встретиться, потому что они и так встречаются, или как?

Если же они не встречаются, то что это было? Дружба со льготами? Хочет ли она большего? А он? Уэйд уже много лет был вдовцом. Он похож на Мэтта? Неужели он будет водить ее за нос десять лет, а потом бросит и через две недели женится на ком-то другом? И почему, черт возьми, он не звонит?

Голос Люси вернул ее к действительности, заглушая звучащие в голове вопросы.

– Чем сегодня занимаются твои сестры? – спросила Энди, надеясь продолжить разговор и отвлечься.

– Папа взял Одри и близняшек покататься на утиной лодке^[26]. – Люси поправила очки. – Это весело, но обычно меня тошнит.

– Укачивает? – уточнила Энди. – В долгих автомобильных поездках и на аттракционах?

– Ага.

– Отвратительное ощущение. Меня тоже немного укачивает в машине. Когда я была моложе, это случалось чаще. Не знаю, успокоит ли это тебя, но ситуация скорее всего улучшится, когда ты станешь старше. Сейчас я лучше переносу транспорт.

Люси улыбнулась и передала печенье в форме маргаритки, которое она украсила. Лепестки были ярко-розовыми, а серединка зеленой.

– Красиво, – сказала ей Энди. – Почему бы нам не доделать остальные? Тогда мы сможем отнести немного Бостон. Я знаю, что она тоже любит печенье.

– Это было бы здорово.

– Я тоже так думаю.

Когда они уходили, Энди намеренно оставила мобильник дома. Если Уэйд захочет связаться с ней, он знает, как это сделать. Захочет позвонить – у него есть ее номер. Она не хотела быть одной из тех сумасшедших женщин, которые постоянно проверяют голосовую почту и текстовые сообщения. Она сильная. Взрослая. Она пройдет через это, и все будет хорошо.

Глава 19

Энди хотелось кого-нибудь убить. Она смирилась с тем, что тогда ей придется отправиться в тюрьму, но не боялась последствий. По крайней мере, за решеткой ей не надо будет беспокоиться о таких вещах, как мужчина, который перевернул ее мир невероятным сексом, а после не позвонил.

Мужчина, который улыбался и выглядел потрясающе в своей рабочей одежде, который схватил ее за руку, затащил в укромный уголок и едва успел прошептать «Я не могу перестать думать о тебе», как его вызвали по какому-то глупому рабочему вопросу.

Именно это и произошло. В понедельник днем она видела Уэйда ровно сорок семь секунд, а потом их прервали. Затем пришли Кэрри с Мэдисон, и на этом любые частные беседы закончились. Во вторник Уэйд вообще не пришел – какие-то дела в конце учебного семестра у дочери.

Было утро среды, у Энди был выходной, потому что она работала в субботу, и ей, честное слово, придется кого-нибудь убить.

Дело не только в телефонном звонке или его отсутствии, призналась она себе. Это было безумие, которое росло в ее явно извращенном мозгу. Энди перешла от размышлений о состоянии их отношений к размышлениям о том, любит ли он ее или только собирается влюбиться. Она была на волосок от того, чтобы начать преследовать его или что похуже, хотя и не знала, что может быть хуже.

Уэйд приехал в семь сорок пять утра. Энди смотрела, как его большой грузовик припарковался перед домом, а затем увидела, как он вышел. И поняла, что просто не может оставаться целый день дома. Это кончится тем, что она сделает или скажет что-то, о чем они оба пожалеют. Ей нужно отвлечься и, возможно, получить профессиональную помощь. Энди схватила сумочку и направилась к лестнице. Коротко помахав Уэйду, выбежала через парадную дверь и остановилась. Очевидным выбором была Бостон. Но визит к ней имел две потенциальные проблемы. Во-первых, она могла еще не проснуться. Во-вторых, и это более важно, она – невестка Уэйда, так что, вероятно, обсудит с ним все, что расскажет Энди.

Приняв решение, Энди побежала к дому Дины. Пять девочек уже уехали в летний лагерь, а это означало, что Дина должна быть на ногах и в состоянии нормально общаться. Если повезет, она захочет выслушать Энди, а потом не станет разбалтывать ее проблемы на весь мир.

Она позвонила в дверной колокольчик, да не один раз, а два.

– С тобой все в порядке? – спросила Дина, открывая дверь.

– Нет, – призналась Энди. – На самом деле нет. У тебя есть минутка, чтобы поговорить?

Дина настороженно посмотрела на нее.

– А в чем дело?

– Проблема с мужчиной.

– Хорошо, потому что я не выдержу еще одного эмоционального удара. Подожди, я возьму сумочку. Пойдем позавтракаем.

– Завтрак. Звучит великолепно.

Десять минут спустя они сидели за столиком у окна в ресторане гостиницы «Ежевичный остров». Обе заказали кофе и французские тосты с начинкой. Дина подняла брови.

– Я готова.

Энди окинула взглядом нескольких бизнесменов, задержавшихся за завтраком, и массу туристов, планирующих свой день.

– Ты решила, что, если привести меня сюда, я не начну плакать? – сказала Энди соседке. – Думаешь, сможешь контролировать меня в публичной обстановке?

Дина улыбнулась.

– Я подумала, это может помочь. Мало кто чувствует себя комфортно, устраивая сцену на публике.

– Хороший план.

– Думаешь, сработает?

– Не знаю. – Энди сделала глубокий вдох и подалась вперед. – Ты знаешь Уэйда Кинга?

– Конечно. Его брат Зик – муж Бостон. Они подрядчики, которые ремонтируют твой дом.

– Большую часть работы делает Уэйд. Он интересный, очаровательный, сексуальный и одинокий.

Дина ждала.

Энди поморщилась.

– Мы с ним переспали, – поспешно сказала она. – В пятницу вечером. Хотели отправиться на свидание, но так и не вышли за дверь. Он провел у меня всю ночь, а теперь я схожу с ума. Серьезно. Он не позвонил. Мы виделись, и он был в порядке, но я – нет... Я встречалась с Мэттом десять лет. Целое десятилетие! Потом он бросил меня у алтаря, потому что решил, что все слишком поспешно. Так что теперь я ловлю себя на том, что спрашиваю: хочет ли Уэйд жениться? Прошло три дня, и я не могу это вынести.

– Дыши, – посоветовала Дина. – Тебе нужно дышать.

– Похоже, не нужно. – Но Энди сделала медленный вдох. – Ненавижу, когда веду себя так. Мне нравится Уэйд, и, конечно, я хочу увидеть его снова. Но я не хочу бояться, не хочу запутаться. Я хочу быть нормальной.

– Расскажешь мне, каково это?

Подошла официантка и долила им кофе, а затем оставила их одних. Дина взяла свою чашку.

– Что он сказал в понедельник?

– Что не может перестать думать обо мне. А потом пришла Кэрри. Я не видела его вчера и нервничала из-за того, что сегодня поддамся на уговоры или что-то в этом роде.

– Ты не хочешь умолять, – поняла Дина. – Уж поверь мне.

Энди заметила грусть в ее голосе и впервые с момента прихода в ресторан присмотрелась к Дине. Как и всегда, женщина была хорошо одета: розовые джинсы и сшитая на заказ белая блузка. На ней был шарф, шикарные мокасины и длинные серьги. Но красивый макияж не мог скрыть кругов под глазами, а губы печально кривились.

– Ты в порядке? – спохватилась Энди. – Что-то случилось?

Дина слегка потеряла левое предплечье, затем покачала головой.

– Я в порядке.

– Не верится.

– Ты судишь как врач или как соседка?

– Как подруга.

Энди решила, что использовала это слово с небольшой натяжкой, но чем больше времени она проводила с Диной, тем больше та ей нравилась. Идеальный фасад был хрупким и имел достаточно трещин, что делало Дину уязвимой.

Подошла официантка с их заказом. Огромная стопка французских тостов с начинкой, покрытых кленовым сиропом и сахарной пудрой, в окружении ежевики. Энди почувствовала, как расширяются глаза. На тарелке лежало калорий дня на два, но ей, честное слово, было на это наплевать.

– Я съем все, – благоговейно произнесла Энди.

– Пожалуй, я к тебе присоединюсь, – сказала Дина.

Они откусили по кусочку. У французских тостов была хрустящая корочка и сладкая сливочная начинка.

– Так же хорошо, как в ту ночь с Уэйдом? – поинтересовалась Дина.

Энди усмехнулась.

– Почти. Очень близко. – Она отхлебнула кофе. – Расскажи, что с тобой происходит.

– Ничего настолько захватывающего. Я в порядке. – Дина наколола свой тост, но затем отложила вилку. – Нет, неправда. Я не в порядке. Я в полном беспорядке. Все в моей жизни – сплошная неразбериха.

Энди откусила еще кусочек и стала ждать.

Дина поерзала на стуле.

– С Колином у нас все плохо. Мои дети ненавидят меня.

– Они не ненавидят, – быстро сказала Энди.

– Я их пугаю. Вчера подслушала, как играли близнецы. Они говорили куклам, чтобы те убрали свои комнаты и ели овощи, потому что сладкого не будет. – Дина опустила глаза и посмотрела на свой завтрак. – Я позволяю детям десерт только в определенные дни недели, а сама здесь ем вот это.

– Когда ты в последний раз так завтракала?

– Думаю, в девяностых.

– Тогда ладно.

Улыбка Дины мелькнула и погасла.

– Я слишком строга. Я это вижу, но измениться трудно. Я все время так боюсь. – Она подалась к Энди. – Моя мать была алкоголичкой. Подлая женщина. Когда мне было столько же лет, сколько сейчас Люси, я переехала жить к тете и дяде, которым принадлежал дом, где мы сейчас живем. Были правила. Наличие четких правил облегчало жизнь, потому что я точно знала, чего от меня ждут. Теперь же я думаю, что позволила правилам быть единственным

способом чувствовать себя в безопасности. А Колин... Я не знаю, чего он хочет.

Энди редко имела дело с семейным алкоголизмом, но знала, что ущерб от него передается из поколения в поколение. Только необычайно сильный человек может остановить порочный круг.

– Чего ты хочешь? – мягко спросила она.

– Не знаю, – призналась Дина. – Хочу чувствовать себя в безопасности. Хочу не бояться. Хочу нравиться своей семье.

Энди потянулась через стол и коснулась ее руки.

– А чего ты боишься?

– Если я не буду идеальной, мне придется вернуться.

Слова вырвались так быстро, что Энди поняла: Дина ответила не задумываясь.

– Вернуться к своей матери?

– Смешно, да? Она мертва уже много лет. Старого дома даже не осталось – на днях я ездила, смотрела. Там новое многоквартирное жилье. А у меня теперь есть свой собственный дом, и никто не может отнять его.

– Возможно, дом – это не место? Может, ты говоришь о чувстве безопасности?

– Может быть. – Дина наколола на вилку ежевику. – Я им действительно не нравлюсь.

– А должна? – Энди потянулась за кофе. – Я думаю о своей маме. Я знаю, что люблю ее и что она любит меня, но нравимся ли мы друг другу? Не уверена. Я – хроническое разочарование в успешной семье. Мэтт десять лет пудрил мне мозги, а потом бросил. Почему я позволила этому случиться? Почему сама не ушла? Когда это произошло, я была разозлена и унижена, но не испытала боль, поэтому даже не уверена, что любила его. Так почему же хотела выйти за него замуж?

Дина улыбнулась.

– Если ты пытаешься сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше, это вроде как работает, так что спасибо тебе.

– Не за что. Я просто говорю о том, что семейные дела – это сложно. Мы все запутываемся, а потом ищем выход. Если бы моя мама отстала от меня, я бы, наверное, захотела больше с ней общаться. Но каждый наш разговор вращается вокруг того, как я растрачиваю свой потенциал и как здорово справляются мои брат и сестра. Потому-то я и

не жду с нетерпением наших бесед. – Энди покачала головой. – Эй, у тебя пять прекрасных дочерей, а у меня даже кошки нет. Так что тебе, наверное, не стоит меня слушать.

– Думаю, стоит. В твоих словах много смысла.

Они улыбнулись друг другу и вернулись к завтраку.

Несколько минут спустя Дина отложила вилку.

– Думаю, тебе нужно попытаться сбавить обороты с Уэйдом. Он не Мэтт. Из всего, что я слышала, могу заключить – он порядочный парень. У него замечательная дочь. Я бы хотела, чтобы Мэдисон была похожа на нее. Так что не думай сразу о худшем.

– Но предполагать худшее так легко.

– И что это тебе дает? – с усмешкой спросила Дина.

Энди рассмеялась.

– Не пойми меня неправильно, но, честно говоря, ты мне не очень понравилась, когда я впервые тебя встретила.

– Не беспокойся, я никому не нравлюсь.

– Но ты оказалась милой и приятной, – отметила Энди.

– Может, напишешь рекомендательное письмо? Покажу его своей семье.

– Ладно, если ты считаешь, что оно поможет.

– Нет, но спасибо за предложение, – улыбнулась Дина.

Энди легонько коснулась ее руки.

– Если потребуется – я рядом.

– Я тоже. В следующий раз, когда почувствуешь, что ты на пределе, приходи ко мне.

Энди кивнула.

– И ты пообещай то же самое.

– Обещаю.

Они улыбнулись друг другу. Энди знала, что достаточно скоро снова начнет беспокоиться насчет Уэйда, но сейчас казалось, что все в порядке. И главное, у нее есть подруга. А с подругами она сможет пережить любые трудности.

Бостон сидела на крыльце и смотрела, как дочери Дины играют во дворе Энди. Кэрри тоже была с ними, как и многострадальный кот. Девочки бегали и смеялись, а Пиккуль вылизывался, лежа в тени. Ноги детей оказались в опасной близости от его хвоста, но он даже не

потрудились посмотреть, в безопасности ли он. Бостон никак не могла понять, был ли кот фаталистом или же просто отличался невероятной доверчивостью.

Солнечный свет пробивался сквозь листву на деревьях. Визг пил и молотков перемежался смехом. Саванна кружила вокруг сестер и кричала, что не хочет, чтобы ее осалили.

Наступило лето, а с ним пришла детская свобода. Долгие дни с бесконечными возможностями. Прохладные ночи, наполненные звездами и магией полной луны. Бостон задвигала карандашом, быстро заполнила фон, игнорируя реальные газон и дом, вместо этого поместив девочек на пиратский корабль. Несколько быстрых штрихов – и вот уже у Пикуля на глазу черная повязка, а на поясе у Кэрри красуется кортик. Близнецы оказались в шляпах, за бортом корабля грозно заплескалось разъяренное море.

Она закончила и оторвала лист, затем снова начала рисовать. На этот раз девочки предстали крылатыми феями в неземных платьях. Пикуль стал кошкой-бабочкой, Мэдисон – их королевой. А Кэрри держала на руках маленького ребенка.

Пальцы Бостон задвигались медленнее, когда она осторожно рисовала черты лица.

«Такой знакомый, родной, – подумала она. – Моя драгоценность. Лиам. Малыш Лиам». Бостон изобразила изгиб губ, очертания подбородка, затем замерла, ощущая, как невыносимая тяжесть опустилась на все ее тело.

Она могла дышать, могла двигаться, но только снаружи. Внутри воцарилась абсолютная тишина. А потом Бостон увидела цвета. Тяжесть была темно-синей и фиолетовой с оттенками зеленого. Коричневая по краям. Коричневая, переходящая в серый.

«Скорбь», – подумала Бостон, почти боясь признать это чувство. Она ощущала себя цветком в пустыне, почти увядшим и не желающим верить, что грозовые тучи несут живительный дождь. Бостон позволила карандашу упасть на траву и держала руку ладонью вверх. Она подумала, что открыта для чувств. Она приветствовала бы боль, если бы та захотела прийти. Она потеряла своего драгоценного ребенка. Обнимала его, когда маленькое сердце остановилось, а душа покинула тело.

Ужасная тяжесть усилилась, буквально вгоняя ее в землю. Она оцепенела, не в силах пошевелиться. Серый цвет вторгался в другие оттенки, пока цвета не исчезли совсем. Осталось только ничто – пустота, отсутствие всего.

Бостон закрыла глаза и начала молиться. Она взмолилась о слезах, о боли, которая пришла с потерей. Молилась хоть о каком-нибудь чувстве.

Серость росла, и она была рада ей. Рада жжению в глазах, комку в горле.

А потом все исчезло. Вернулись звуки смеха, засияли краски, и она снова смогла двигаться. Бостон сидела на ступеньке крыльца, и на горизонте не было ни единого грозового облака. Она уставилась на рисунок с феями – узнавала лица, но ей казалось, их нарисовал кто-то другой. Она осторожно вырвала листок из блокнота и глубоко вздохнула.

Затем Бостон снова начала рисовать, на этот раз – Лиама.

«Может, скорбь больше не придет», – сказала она себе. Но пока она сможет удерживать образ сына внутри, у нее будет хотя бы покой.

Глава 20

В четверг Энди вернулась домой в обычное время. На сердечном фронте дела обстояли немного лучше – она уже могла прожить несколько минут, не думая об Уэйде. Она считала это прогрессом. Они до сих пор не поговорили, и Энди собиралась исправить это сегодня. Так или иначе, им нужно обсудить все произошедшее, а ему стоит объяснить, почему он так и не позвонил. Если же он решил, что у них была связь на одну ночь, а теперь все кончено, то Энди придумает, как завершить ремонт и при этом справиться с соблазном расчленив Уэйда и запихнуть труп в багажник. Энди остановилась перед домом и заглушила двигатель. Прежде чем она преодолела половину лестницы, входная дверь распахнулась и вышел Уэйд. При взгляде на нее его темные глаза блеснули.

– Наконец-то, – с усмешкой сказал он. – Я отправил ребят домой пораньше, а Кэрри ждет меня только через час. Идем.

Он взял ее за руку и повел внутрь. Как только за ней закрылась дверь, Уэйд притянул Энди к себе и легонько поцеловал.

– Эй, я не видел тебя несколько дней. Как твои дела?

Она моргнула, не понимая, как реагировать на такое дружелюбие после четырех дней его молчания.

– У меня все хорошо.

– Ты избегала меня почти весь вчерашний день. Я хотел убедиться, что все в порядке.

Избегала его? Она держалась подальше, чтобы случайно не унизиться.

– Мы так и не поговорили по-настоящему, – сказала Энди, испытывая слишком сильное удовольствие от его рук на своей талии.

Идея прильнуть к Уэйду и просто целоваться привлекала ее куда больше разговоров, но сейчас она должна была делать то, что правильно, а не то, что хотелось. Она осторожно отступила на шаг назад.

– Я не поняла: ты избегаешь меня, притворяешься неприступным или что-то еще?

– О чем ты? Я отправил тебе сообщение в воскресенье. Ты так и не ответила.

Сообщение?

– Я его не получила.

Или по меньшей мере пропустила его, подумала Энди.

Она вытащила телефон из сумочки и просмотрела уведомления. Конечно же, там было сообщение от Уэйда. *«Думаю о тебе. Не могу дождаться завтрашней встречи. Давай запланируем ужин на конец недели?»* Она посмотрела на него.

– Ой. Я записываю в телефон расписание приемов, поэтому выключила уведомления. Иначе мобильник будет пищать каждые тридцать секунд. С тех пор как я переехала, мне мало кто пишет, так что я перестала проверять сообщения, и...

Энди сглотнула, чувствуя себя очень глупо.

– Я решила, что ты избегаешь меня.

– Выходит, мы оба ошиблись. – Уэйд коснулся ее подбородка, заставляя посмотреть в глаза. – Давай начнем сначала. Я отлично провел время в пятницу вечером.

– Я тоже.

– Я хочу продолжения.

– Я тоже.

– Давай сходим поужинать. И на этот раз я имею в виду именно ужин. Вообще-то в тот раз ты до чертиков удивила меня – в хорошем смысле. Но давай получше узнаем друг друга.

– Давай.

– Да?

Она кивнула. Уэйд усмехнулся и снова поцеловал ее.

Она немного задержала поцелуй, затем слегка отстранилась.

– Должна сказать тебе, что немного спятила из-за твоего молчания. Из-за Мэтта и того, как долго он водил меня за нос. Я подумала: а вдруг ты такой же, как он?

– Я не такой.

Энди кивнула.

– Я действительно хочу тебе верить, но это требует времени.

Он провел большим пальцем по ее щеке.

– Ты не одна волнуешься. Моя жена никогда не была довольна тем, что мы с Зиком занялись бизнесом. Она часто пилила меня, чтобы я нашел работу в Сиэтле. Чтобы уехать с острова. Из-за этого мы много ссорились.

Энди уставилась на него.

– Я не знала.

– Это было давным-давно. Мы ссорились довольно тихо, но это стало источником напряжения между нами. Так что, несмотря на то, что ты чертовски сексуальна, забавна и умна, меня беспокоит, что ты врач.

– Почему?

– А что, если ты попытаешься переделать меня? Я не из тех, с кем это удастся.

Она понимающе кивнула.

– Мэтт тоже хотел, чтобы я изменилась. Это не сработало и очень напрягало. Как бы то ни было, ты мне нравишься таким, какой есть.

Уэйд одарил ее улыбкой, которая ей так нравилась.

– Правда? Я чувствую то же самое.

– Что касается того, чем ты зарабатываешь на жизнь. Мне все равно, чем занимается мужчина. Меня волнует только то, каков он. Мне нужен кто-то, на кого я смогу положиться и кому смогу доверять. Я бы не поддержала незаконную деятельность, но в остальном твоя профессия – это наименьшая из моих проблем. Мне нравится, что ты способен снова сделать красивым печальный заброшенный дом. Это впечатляет! Кроме того, у тебя действительно классная задница.

Он ухмыльнулся.

– Ты легкомысленна.

– Да, и горжусь этим.

– Я смогу жить с легкомысленной женщиной. – Уэйд пристально посмотрел ей в глаза. – Итак, мы идем на свидание.

– Да. И на этот раз мы действительно выйдем из дома.

– В субботу вечером. В семь.

– Я буду готова.

Уэйд улыбнулся.

– Может быть, я посигналю, и ты выйдешь. Боюсь, если зайду за тобой, то не смогу себя контролировать.

Энди вздохнула. Ей было так приятно это слышать – и неважно, лжет он или нет.

– Хорошо, посигналь. Как будто мы старшеклассники.

Он обнял ее за плечи и развернул в сторону приемной.

– Теперь, когда этот вопрос улажен, позволь показать тебе, что мы сделали за сегодня.

В понедельник днем Энди пришла на пилатес.

– Привет, Кэти, – сказала она секретарше.

– Привет, Энди. – Девушка лет двадцати с небольшим подняла глаза и нахмурилась. – Что случилось?

– Ничего.

– Да ладно. Марли, иди сюда. Тебе не кажется, что Энди изменилась?

Марли, постоянный инструктор Энди, секунду изучала ее, а затем ухмыльнулась.

– Я бы сказала, что у Энди появился парень. Вокруг нее мужское сияние. И дело не только в сексе. Дело в том, что она счастлива. – Марли шлепнулась своей подтянутой задницей танцовщицы на край стола. – Так, давай с самого начала. Расскажи нам все. Кто он?

Энди почувствовала, что краснеет.

– Нет у меня никакого парня, – начала было она, но потом не смогла сдержать улыбку. – Хорошо, парень есть.

– Так я и знала, – выдохнула Марли. – Люблю новые отношения и новые возможности. Плюс горячий секс. Верно?

– Может, ты и права.

В класс входили, здороваясь, другие женщины. Энди побежала положить сумку и туфли в шкафчик, а затем пошла к гимнастическим коврикам.

Они с Уэйдом, как и собирались, встретились в субботу вечером. Только вот ужин оказался одновременно замечательным и разочаровывающим. С одной стороны, это был их шанс лучше узнать друг друга. Плохая новость заключалась в том, что он всего лишь поцеловал ее у двери. Кэрри ждала его одна дома, так что действия Уэйда были вполне понятны и логичны. К тому же его очевидное разочарование во многом смягчило ее собственное сожаление.

Остальные женщины устроились на ковриках, подошла Марли.

– Все готовы? – спросила она. – Давайте начнем с «сотни».

– Не могли бы мы начать с шестидесяти, а остальные сорок сделать позже? – спросила Кэти.

– Хорошая идея, – сказала Энди.

Остальные женщины засмеялись. Марли закатила глаза.

– Вы что, сговорились? – спросила она. – Сегодня понедельник, верно? Такое всегда происходит по понедельникам. Хватайтесь за ручки и поехали! Чем скорее начнем, тем скорее закончим.

Энди ухватила за ручки и растянулась на коврике. Подняла ноги, убедившись, что держит пятки вместе, а носки врозь. Уткнула подбородок в грудь, оторвала плечи от пола и начала качаться.

Класс переходил от упражнения к упражнению. Во время «раскручиваний вниз» Энди сосредоточилась на мышцах живота и медленно, позвонок за позвонком опустила на коврик.

– Отлично, Энди! – крикнула Марли с другого конца класса. – Кэти, помедленнее. Все еще по одному разу.

К концу часа мышцы Энди устали и слегка подрагивали. Она, пошатываясь, поднялась на ноги и направилась к шкафчикам.

– Ты отлично справляешься, – похвалила ее идущая рядом Марли. – Налицо явный прогресс.

– Спасибо. Я чувствую себя лучше. Сильнее.

– Через пару недель я провожу демонстрацию в парке. Там целая фитнес-программа. Моя часть длится с одиннадцати до одиннадцати тридцати. Хотела спросить, не хочешь ли ты поучаствовать. Нас будет четверо. Покажем только основные движения – их все ты умеешь выполнять. – Марли вытащила из сумки визитную карточку. – Вот адрес моей электронной почты. Подумай и дай мне знать, если заинтересуешься и будешь располагать временем.

– Я должна быть свободна, – сказала Энди. – Но я не понимаю. Многие другие твои ученицы гораздо лучше меня...

Марли рассмеялась.

– Ты – моя лучшая начинающая ученица. Люблю, когда ко мне ходят ученики разного уровня. Когда я скажу людям, что ты занимаешься пилатесом всего пару месяцев, они будут меньше бояться занятий.

– Надеюсь, это комплимент.

– Это он и есть, поверь.

Энди взяла предложенную визитную карточку.

– Я только еще раз проверю свое расписание и дам тебе знать, если буду свободна. Я почти уверена, что буду.

– Отлично! Я была бы рада заполучить тебя на демонстрацию.

Энди кивнула и ушла. Направляясь к своей машине, она сказала себе, что именно так люди начинают вписываться в общество. Человек за человеком, день за днем. Не торопясь, устанавливая связи. Случалось, она скучала по жизни в Сиэтле, но это было не так часто. После расставания с Мэттом она обнаружила, что многие друзья были скорее друзьями пары, а не ее подругами. Несмотря на приглашения Энди, никто из них, казалось, не собирался посещать Ежевичный остров.

Она решила начать все сначала в момент паники, импульсивно, но теперь поняла, что все это время была права насчет острова. Она строила здесь свой дом, заводила друзей, искала лучший способ вписаться в общество. Направляясь к машине, Энди взглянула на три дома, примостившиеся на холме. «Три сестры», – подумала она.

Она, Дина и Бостон не были сестрами, но уже шли к тому, чтобы стать подругами. И разве это не было так же хорошо?

Бостон закончила одеваться после вечернего душа. Она была измотана, но это была хорошая усталость. За неделю она неплохо продвинулась в работе над фреской. Уже сделала наброски на двух главных стенах зоны ожидания. Теперь занималась коридором – придумывала для него сцены из джунглей. Делала эскизы разных животных для смотровых кабинетов, а затем начинала рисовать.

Уэйд предложил услуги своего лучшего маляра, чтобы помочь ей. Хэл заполнял задний план, пока Бостон работала над животными, жуками и листвой. Хорошей новостью стало то, что Энди не планировала открывать офис до конца августа: времени, чтобы закончить фреску, было предостаточно. Плохая новость заключалась в том, что Бостон почти год не работала в установленные сроки и теперь ощущала давление. И все же было здорово иметь цель. Это давало ей мотивацию. Она не хотела подвести Энди.

Она посмотрела на часы и увидела, что почти пять. Зик уже должен быть дома. Она направилась на кухню, чтобы проверить, не оставил ли он сообщение на стационарном телефоне. Едва добравшись до столика, услышала грохот в задней части дома. Что за черт? Бостон поспешила по коридору и вошла в мастерскую. Зик был там. Стоял, опустив руки по швам и растопырив пальцы. Ее мольберт валялся разбитый на полу.

– Что случилось? – требовательно спросила она. – Когда ты вернулся домой?

– Несколько минут назад. – Его лицо было белым, глаза жесткими. Зик смотрел на нее со смесью гнева и отвращения. – Взгляни на это. Только взгляни!

Бостон оглядела мастерскую, не совсем понимая, что он имеет в виду. Обычный творческий беспорядок. Она приколотла на стены эскизы животных, которых собиралась рисовать. Здесь были разные версии обезьян и ягуаров. Она хотела правильно их разместить. И поиграла с цветами в крыльях бабочки.

– Ты о чем? – спросила она, сбита с толку ураганом его эмоций.

– Черт возьми, Бостон! Остановись! Ты должна остановиться.

Зик взял в руки портрет Лиамы – недавно нарисованный. Прежде чем она поняла, что он собирается сделать, он разорвал его пополам.

Она ахнула.

– Зик, нет!

– Это неправильно. И это длится уже слишком долго! Уэйд сказал, что ты работаешь над фреской. Сказал, что у тебя все хорошо, и я ему поверил. Но посмотри на это! – Он махнул в сторону картины маслом, которую она начала на днях, а затем спихнул на пол стопку набросков их ребенка. Черно-белые рисунки Лиамы запорхали вниз. – Сколько их? – спросил Зик хриплым от гнева и боли голосом. – Сколько?

Теперь Бостон увидела то, что видел ее муж. Да, там было несколько эскизов для настенной росписи, но повсюду, на каждой поверхности, на каждом дюйме стены были быстрые наброски и детальные рисунки их ребенка. На них он спал, смеялся, сидел. Лиам в ее объятиях, Лиам в кроватке, на траве, у камина...

– Сотни, – прошептала Бостон, не потрудившись сосчитать. – Сотни.

Зик поднял картину маслом и швырнул через всю комнату. Еще одна стопка эскизов взлетела в воздух. Он рвал и метал, круша ее мастерскую. Бостон стояла у двери, позволяя ему это делать. Не потому, что он напугал ее, а потому, что его гнев был первым проблеском чего-то живого с тех самых пор, как умер их сын. И, может быть, потому, что она знала: ей самой тоже это нужно.

Закончив, Зик повернулся к ней. Судорожно дышал, его грудь поднималась и опускалась. Он излучал боль. Его пальцы сжались в

кулаки, и Бостон увидела блеск слез в его глазах.

Глубоко внутри ее бились эмоции, пытаясь выбраться из твердой скорлупы отрицания. Бились, как новорожденный цыпленок, проклевывая себе путь к жизни. Она сделала шаг к Зику, желая, чтобы он обнял ее. Ей так хотелось поплакать вместе с ним. Чтобы они разделили боль. Они вместе начали этот путь, и завершить его можно тоже только вместе.

Он повернулся к ней.

– Это ты виновата.

Бостон уставилась на него.

– Что?

– Это твоя вина. Ты была там! Ты должна была что-то сделать. Должна была спасти его! Ты позволила ему умереть, Бостон.

Его обвинения и домыслы терзали ее. Она почувствовала, как разрывается на куски, и ей пришлось вцепиться в спинку стула, чтобы удержаться на ногах.

– Нет.

Бостон попыталась произнести это слово, но не смогла издать ни звука. Ничего не смогла сделать, кроме как покачать головой. Он не может так думать, не может.

– Врачи сказали... – начала она. – Это не было...

Выражение лица Зика было таким же жестким, как и его слова. Таким же неумолимым. И тогда она поняла: между ними встала не смерть их сына, а вина.

Логика не имела значения. В глубине души Зик понимал, что смерть Лиамы – это просто жестокий поворот судьбы. Он умер, потому что его сердце оказалось недостаточно сильным. Но Зик думал одно, а чувствовал совсем другое. Может быть, именно поэтому Бостон пряталась в своем творчестве? Может быть, она давно разгадала то, что он смог сказать ей только сейчас?

– Я не могу сожалеть о том, чего не делала, – сказала ему Бостон.

И тут она увидела пропасть, что разверзлась между ними.

Это было так, как если бы они стояли по разные стороны каньона. Через него не было ни моста, ни переправы. Только разделяющее их пространство. Как будто муж смотрел на нее с расстояния в тысячу миль.

– Зик, – начала она.

Но он только покачал головой и пошел прочь.

Он уходил так много раз, после стольких ссор. Злился и использовал это как предлог, чтобы уйти. Но сейчас все было иначе – он ушел спокойно, тихо, преднамеренно. Бостон осталась стоять на месте, понимая, что на этот раз муж может не вернуться. В комнате воцарилась тишина. Бостон убедилась, что в доме никого нет, и осторожно опустилась на стул. Повсюду валялись картины и эскизы. Кисти и краски были разбросаны по полу. Но перед ней на столе лежал блокнот, а рядом – кусок угля.

Она взяла уголь и провела первую линию. Появились очертания детской головки, и Бостон снова смогла дышать.

Глава 21

Дина выглянула в окно. Было почти восемь, а грузовика Зика нигде не видно. Вообще-то она не шпионила за соседями, но знала достаточно о том, когда они приезжают и уезжают, чтобы понять – что-то не так.

Она вошла в кабинет Колина. Он редко бывал дома в середине недели, но сейчас у него в офисе проходила серия встреч, так что он пока не отправлялся в длительные поездки. Учитывая их нынешние отношения, Колин вполне мог устроиться на офисную работу и не потрудиться сказать ей об этом. Дина остановилась в дверях и подождала, пока он оторвется от компьютера.

– Зика нет дома уже пару дней, – сказала она. – Я хочу пойти проведать Бостон. Убедиться, что с ней все в порядке.

Светлые брови приподнялись.

– Не знал, что вы подруги.

Она пожала плечами.

– Я ненадолго.

– Хорошо.

Так хотелось напомнить ему, чтобы убедился, что близнецы приняли ванну. И что Одри, возможно, стоит помочь с проектом по труду. Но Дина ничего не сказала. Одри не стеснялась прийти к отцу за помощью, а если близняшки не искупаются разок, земной шар вряд ли перестанет вращаться. Дина прошла через кухню, в кладовой подхватила с полки бутылку вина и вышла через парадную дверь. Повинуясь внезапному импульсу, поднялась на крыльцо дома Энди и позвонила в звонок.

Подождала, зная, что Энди нужно спуститься на два лестничных пролета, чтобы добраться до входной двери. Когда соседка открыла, Дина подняла вино.

– Я уже пару дней не видела грузовик Зика. Хочу убедиться, что с Бостон все в порядке. Пойдешь со мной?

– Конечно. – Энди вышла на крыльцо. – Теперь, когда ты об этом заговорила, я припоминаю, что тоже не видела грузовик. Но как-то не обратила внимания. Ты ведь не думаешь, что что-то случилось?

– Если бы произошел несчастный случай, Уэйд бы тебе сказал.

– Это правда.

Дина взглянула на нее.

– Вы еще и разговариваете.

Энди усмехнулась.

– Помимо всего прочего. За последние пару недель у нас было два настоящих свидания, а в прошлые выходные – прекрасная ночь.

– Ты выглядишь счастливой.

– Так и есть. От того, что этот мужчина вытворяет в постели.

– Так ты влюблена в его тело?

– Думаю, концентрация внимания на физических аспектах наших отношений не дает мне времени задаться вопросом, почему он не сделал мне предложения. Так что ты права – пока что.

Они подошли к парадному крыльцу Бостон, и Энди позвонила в колокольчик.

– Никогда не врывалась без приглашения, – пробормотала Дина. – Что-то я становлюсь чересчур назойливой соседкой.

Бостон открыла дверь. Увидев соседок, она лишь слегка удивилась.

– Привет. Как дела?

Дина заколебалась, не зная, как деликатно спросить, все ли в порядке. Она никогда не умела дружить. Вся ее энергия всегда уходила на гонку за недостижимой целью – совершенством.

К счастью, Энди взяла инициативу на себя.

– Мы беспокоимся, так как грузовика Зика давно не видно. Поэтому зашли узнать, все ли хорошо. Ты как? Хочешь поговорить? Дина – подруга лучше меня, ведь она принесла вино.

Бостон прикусила нижнюю губу.

– Мы поссорились, и он ушел. Я знаю, что он у Уэйда, так что вряд ли скитается по улицам... Но мне тяжело.

Дина ощутила, как на нее накатывает паника. И что теперь? Что делать с этой информацией? Они должны попытаться помочь? Поднять ей настроение? Уйти?

И снова Энди взяла инициативу в свои руки. Она шагнула вперед и обняла Бостон.

– А давай все вместе будем пить вино и трепаться о парнях. Как тебе идея?

– Звучит здорово.

Дина пошла за ними в гостиную. Трудно представить, что может больше отличаться от идеальной обстановки ее дома, чем эклектичные цвета и мебель в стиле фанк^[27]. Она всегда думала, что Бостон косит под хиппи с манией величия. Теперь, увидев яркие цвета и живопись с феями, Дина задумалась, не была ли она слишком категорична в оценках. Гостиная Дины была начисто лишена комфорта, а здесь легко представить, как сбрасываешь туфли или жжешь шалфей в честь летнего солнцестояния – или что там еще делают, чтобы отметить праздник?

– Штопор в столовой! – крикнула Бостон. – Я схожу за бокалами и закуской.

Дина пошла за Энди в столовую и протянула ей бутылку.

– Пойду помогу Бостон все принести, – сказала она.

Войдя на кухню, она увидела, что соседка выкладывает на тарелку брауни. Бостон уже приготовила несколько видов печенья и поставила на стол три бокала для вина.

– Вообще-то я не имею привычки заедать стресс, – призналась Бостон. – Для меня это внове. Если я стану еще больше, то не помещусь в собственном доме, но богом клянусь, мне все равно.

Дина посмотрела на пурпурные пряди в волосах женщины, серьги с перьями, просторную тунику и улыбнулась.

– Ты выглядишь прекрасно.

– Ты очень мило врешь, но я принимаю эту лесть.

Они вернулись в гостиную и обнаружили, что Энди уже открыла вино. Мерло было налито, бокалы – переданы по кругу, и все трое устроились на диване и стульях.

– Мы с Зиком все еще пытаемся пережить смерть Лиама, – сказала Бостон, держа бокал с вином обеими руками. – Он винит меня в том, что произошло. В том, что я не смогла его спасти.

– Нет, – выдохнула Энди. – Он не должен так думать! Ты не смогла бы его спасти. Никто не смог бы.

– Думаю, он это понимает, но не хочет верить. Или, может, просто злится, потому что я не могу заплакать. – Бостон посмотрела на обеих. – Я не плачу. Не могу. Я пыталась. С тех пор я почти ничего не чувствую. Как будто сердце заледенело или превратилось в камень.

– У разных людей горе проявляется по-разному. Все мы проходим через многое, каждый – в свое время.

– Может быть, – нехотя согласилась Бостон. – Зик пьет. Мне следует беспокоиться, что он – алкоголик?

Энди моргнула, повернулась к Дине, как бы спрашивая. Открыла и закрыла рот, а потом отвернулась.

Потому что Энди понятия не имела, как много знает Бостон, и не хотела раскрывать секреты. Дина поняла это и мысленно поблагодарила ее за доброту.

– Если он может прожить большую часть дня без выпивки, значит, он не алкоголик, – сказала Дина, пожимая плечами. – Он много пил до того, как вы потеряли Лиама?

– Всего по паре кружек пива вечерами. Или вина. И никто из нас не пил, пока я была беременна.

– Тогда я бы не беспокоилась. Ну, разве что о том, что он все усложняет.

– Спасибо, – со вздохом сказала Бостон и покачала головой. – А что, если он прав насчет меня? Что, если я не справляюсь с горем, а только прячусь?

– Ты не можешь прятаться вечно, – заметила Энди. – Однажды твое горе найдет тебя.

Похоже, Бостон это не убедило.

– Я боюсь, что это произойдет слишком поздно. Что я потеряю Зика. – Она помолчала. – Думаешь, этого достаточно, чтобы напугать меня до рыданий, да? Как бы не так.

– Никуда он не денется, – сказала Дина, прежде чем смогла себя остановить. – Я видела, как он смотрит на тебя. Этот мужчина тебя сильно любит. Не думаю, что Колин когда-нибудь смотрел на меня так. – Она сдавленно рассмеялась. – Кажется, я ревную.

«Ревную и, кажется, немного злюсь», – подумала Дина.

– Колин ненавидит меня. Нет, не так. Лучше бы ненавидел, потому что тогда, по крайней мере, осталось бы чувство. Он вообще обо мне не думает. Зик вернется, потому что он не может без тебя жить. Поверь. Я видела безразличие, и это не про твоего мужа. – Дина почувствовала, как начало жечь глаза, и откашлялась. – Я поплачу за нас обеих, – сказала она Бостон. – Как тебе такая идея?

– Хотела бы я, чтобы это помогло.

– Я тоже. Потому что я не могу перестать плакать. Все испортила и не знаю, как это исправить. Не знаю, как сказать своей семье, что я их

люблю. Я потеряла Колина и Мэдисон. Одри и Люси, вероятно, следующие. И не похоже, что близнецы нуждаются во мне – они есть друг у друга. – Ее глаза наполнились слезами. – Я совсем запуталась.

– Обострение ОКР?^[28] – тихо спросила Энди.

Дина уставилась на нее, затем опустила взгляд на свои ободранные руки.

– Ты знаешь?

– Догадалась. У тебя постоянно растрескавшаяся кожа рук, и несколько дней ты носила одежду с длинным рукавом, хотя было тепло.

Бостон выглядела смущенной.

– Я не понимаю. О чем вы говорите?

– Когда я испытываю стресс, я мою руки и не могу остановиться. До такой степени, что кожа кровоточит. У меня это с детства. Способ почувствовать, что все под контролем.

– А я в таких случаях ем, – призналась Бостон. – На днях увидела свою задницу, и меня чуть инфаркт не хватил, – она покачала головой. – Тебе действительно так плохо?

– Иногда.

– Существуют лекарства, – мягко сказала Энди. – Терапия. Если хочешь, могу дать контакты нескольких специалистов.

– Не знаю. Может быть. Я не доверяю людям. Вывернуться наизнанку перед незнакомым человеком – как по мне, это странный способ получить помощь. – Дина посмотрела на Энди. – А что делаешь ты, когда испытываешь стресс?

– Становлюсь одержимой. С головой ухожу в работу. Импульсивно покупаю дома на островах, а потом пытаюсь понять, как вписаться в совершенно новую жизнь. Моя мама сказала бы тебе, что у меня проблемы с контролем импульсивности.

– Ты десять лет встречалась с парнем, – напомнила ей Дина. – О какой импульсивности может идти речь?

– Она также сказала бы тебе, что у меня проблемы с принятием решений.

– Как можно иметь и то и другое одновременно? – уточнила Бостон с сомнением в голосе. – Разве одно не исключает другое?

Энди сделала глоток вина.

– Я – хронический источник разочарования для своих родителей. – Она подняла бокал. – И они собираются приехать в гости. Уже звонили.

У них семинар в Британской Колумбии, и они хотят заехать. Заметно, что я еле сдерживаю радость? Меня прямо-таки распирает.

– Все так плохо? – поморщилась Бостон.

– Все два дня они будут критиковать и придираться.

– Скажи им, чтобы не приезжали, – посоветовала Бостон. – Я не знаю, как это сделать.

Дина подумала, что, если бы ее тетя и дядя были еще живы, ей было бы трудно в чем-либо им отказать. Они спасли ее, и она всегда будет чувствовать себя в долгу перед ними. И вдруг вспомнила давно минувшее время, когда они с Колином только поженились. Они поссорились. Дина не могла вспомнить, из-за чего именно, но помнила, как стояла у раковины, снова и снова намыливая руки. Колин наблюдал за ней, а потом пробормотал, что от ее тети больше вреда, чем пользы. Она наорала на него, сказав, что ему никогда этого не понять. Но теперь, глядя на свою израненную кожу и вспоминая, как затерла тело до ран в душе, Дина задумалась. Возможно, Колин был прав.

– Как там звучит эта старая поговорка? – спросила Дина. – Как выбраться живым из этой жизни?

Бостон вздохнула.

– Никто не знает.

– Повсюду проблемы, – подытожила Энди. – Мы можем только делать все возможное, работать с тем, что имеем, и напоминать нашим родителям, что люди могут быть счастливы, даже если у них нет Нобелевской премии.

Бостон застонала.

– Ты же врач! Это так круто! – Она подняла руку. – Да знаю я, знаю – не в твоей семье. Скажи своей маме, что я дни напролет рисую портреты умершего сына. Это сделает ее благодарной.

– Все еще рисуешь? – спросила Дина.

– В основном. Мне так легче. – Бостон улыбнулась Энди. – Очень помогает фреска. Я переключаюсь на крылья бабочек. Но когда расстраиваюсь или испытываю трудности, снова рисую его. – Она повернулась к Дине: – Может, мне следует время от времени пытаться признавать правду – в качестве терапии. Так жаль, что мы не подружились раньше. Не пойму, почему так вышло.

– Потому что ты считала, что я – сука без чувства юмора с палкой в заднице, а я думала, что ты – распушенная художница,

демонстрирующая всем желающим свой идеальный брак. – Дина прикрыла рот рукой. – Не могу поверить, что сказала это.

Энди посмотрела на них обеих.

– Кажется, наметился определенный прогресс.

– Точно, – признала Бостон, а затем начала смеяться. – Дина, я собиралась нарисовать с тебя злую королеву из «Белоснежки». Ее всегда изображали брюнеткой, но мне кажется, в глубине души она – абсолютная блондинка.

Дина ждала вспышки раздражения и праведного гнева, которая возникала всякий раз, когда ее обижали. Но вместо этого почувствовала себя лишь немного беззащитной и полностью согласной с Бостон.

– Какого черта? – спросила она. – Я – злая ведьма. Я никому не нравлюсь. Да и с чего бы мне кому-то нравиться?

– А мне ты нравишься, – сказала Энди. – И да, ты не ошибаешься – меня это удивляет.

– И мне ты тоже нравишься, – подхватила Бостон. – Ты впечатляешь и пугаешь, но ты мне нравишься.

– Вы обе тоже мне нравитесь. – Дина заморгала, борясь с набежавшими слезами. – Ну вот, я плачу. Мне тридцать пять, это что, начало менопаузы?

Энди рассмеялась.

– Нет. Это стресс и алкоголь. Плюс чувство общности. Я такая же сложная и запутанная, как и вы обе.

– А может, и больше, – сухо заметила Дина.

Бостон кивнула.

– Определенно, ты – самое слабое звено.

– Да, да. Передай мне брауни.

– Это кафель для кухонного фартука, – объяснила Энди. – Он будет закрывать стену до самых шкафчиков.

Ее мать кивнула и прошла по все еще недостроенной кухне. Полы были готовы, но шкафы стояли незакрепленные.

Линн Гордон была высокой гибкой женщиной лет шестидесяти. С таким телосложением, правильным уходом за кожей и разумным использованием филлеров и ботокса она легко могла сойти за сорокалетнюю. Когда мать окончательно сводила Энди с ума, девушка

пыталась утешиться тем, что унаследовала хорошие гены. В конце концов, это было некоторой компенсацией за обиды и страдания.

Линн выглянула в окно.

– Отсюда открывается отличный вид. Стеклопакеты двойные?

Уэйд продолжал обнимать Энди за плечи. Его пальцы мягко сжались, словно предлагая силу и поддержку.

– Так и есть, – спокойно ответил он. – Мы сняли все внутренние стены до балок и установили новую проводку и изоляцию.

– Есть какое-то историческое общество, перед которым вы должны отчитываться?

– В округе есть такое, – подтвердила Энди. – Но их директивы носят очень общий характер. Дом нельзя сносить, и внешний вид должен быть сохранен. Но внутри я могу обновлять обстановку по своему желанию.

Отец Энди стал расспрашивать о сантехнике для кухни, которая появится на втором этаже. Линн взяла дочь за руку и повела к лестнице.

– Очень хорошая работа, – сказала мать. – Мне нравится офис внизу. Фреска будет... живенькая.

– Думаю, пациентам она понравится. Роспись стен для меня выполняет замечательная местная художница.

– А знаешь... – Мать оглядела будущую гостиную. – Когда ты впервые рассказала о своих планах, я подумала, что ты сошла с ума. Возможно, какой-то химический дисбаланс или заболевание крови затуманили тебе разум.

«Как это похоже на маму», – подумала Энди.

– А теперь?

– Я нахожу все это привлекательным.

– В самом деле?

– Я пытаюсь тебя поддержать. Ты определенно решила здесь поселиться. Вернуться в Сиэтл будет трудно.

– Меня это устраивает, – сказала Энди. – Я останусь здесь.

– Но твоя карьера, Андреа. Разве ты не хочешь большего?

– Мама, я счастлива. Неужели ты не можешь с этим смириться?

– Я пытаюсь. Ты давно разговаривала с Мэттом?

Энди инстинктивно оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что Уэйда нет поблизости.

– Совсем не разговаривала. С чего бы?

– Вы долго были вместе. То, что случилось, так печально.

– Ты имеешь в виду, что он бросил меня у алтаря, ничего не сказав? На глазах у всех?

Мать вздохнула.

– Он мог бы поступить иначе.

Энди хотела было закричать, но какой в этом смысл?

Она посмотрела на мать.

– Но?

– Но что?

– Ты собираешься объяснить, почему это не его вина. Или что все не так плохо, как я думаю. Хочешь показать мне, что на самом деле ты на стороне Мэтта. И это довольно удивительно, потому что я – твоя дочь. Разве ты не должна быть на моей стороне?

Мать пристально смотрела на нее.

– У вас было так много общего. Жаль, что ничего не вышло.

– То есть на Мэтте ни капли вины? И нет желания назвать его главным подонком на планете?

– А чем это поможет?

– Это поможет мне чувствовать себя лучше. Или можешь выразить чуточку праведного негодования по поводу того, что Мэтт никогда не предлагал оплатить даже половину счетов, которые задолжал мне.

– Тебе нужны деньги?

Энди вздохнула.

– Не в этом дело.

Мать поджала губы.

– Я приехала не для того, чтобы ссориться, Андреа. Мне жаль, если ты считаешь, что я тебя не поддерживаю.

«Но ты не сказала, что сожалеешь, что не поддержала меня тогда. Это совсем другое», – подумала Энди и покачала головой. Ей никогда не выиграть этот бой. Никогда не стать тем знаменитым специалистом, каким родители хотели ее видеть. Навсегда она останется неудачницей, которая не смогла удержать мужчину.

– Давай вернемся к остальным, – попросила Энди, взглянув в сторону, где исчезли ее отец и Уэйд.

– Конечно. Уэйд кажется милым. Я рада, что ты нашла красивого мужчину из «синих воротничков»^[29], с которым можно переспать. И он, судя по всему, неплохо делает ремонт.

Энди не знала, рассмеяться ей или броситься через перила лестницы. Ни то, ни другое ее мать не изменит. Она посмотрела в сторону коридора, надеясь, что Уэйд не слышал их разговор. Ему он точно не понравился бы.

– Ты права, – сухо сказала Энди. – Очень удобно, когда рядом есть Уэйд.

– Хороший секс?

Энди уставилась на мать.

– Прошу прощения?

– Я хочу убедиться, что ты счастлива. У тебя не предвидится большой карьеры, на которую можно опереться, так что тебе необходимо счастье в личной жизни.

Энди открыла и закрыла рот.

– Как всегда, ты лишила меня дара речи, мама. У тебя к этому просто талант.

– Это такой странный комплимент?

– Не совсем.

– Ты не меняешься.

Энди взяла мать за руки.

– Я унаследовала это от тебя.

Глава 22

В своей гостиной Дина уставилась на портрет, прислоненный к креслу в стиле королевы Анны. Фон темно-синий, почти черный. Сюжет – прямо из диснеевского мультфильма: злая мачеха, коварная королева, протягивающая яблоко. Но вместо темноволосой колдуньи злодейкой на этой картине была блондинка с голубыми глазами и самодовольной улыбкой.

– Даже не знаю, польщена я или оскорблена, – призналась Дина, изучая жутковатое сходство.

– Лучше будь польщена. Картина великолепна, – сказала Энди.

– Если тебе не нравится, могу забрать, – предложила Бостон.

– Нет, все в порядке. Я хочу оставить. Мне кажется, если я приму этот портрет, то смогу обрести искупление.

Конечно, это могло быть только болтовней под «Маргариту».

Было Четвертое июля^[30], около половины девятого. Колин повел девочек в парк посмотреть на фейерверк. Вместо того чтобы провести время с семьей, Дина решила остаться дома. Ни одна из дочерей не попросила ее присоединиться к ним дважды, да и Колин, казалось, испытал скорее облегчение, чем разочарование. Дина решила, что не станет расстраиваться из-за того, что оказалась нежеланной и ненужной в кругу семьи. Она достала лед и текилу, смешала «Маргариту» и приготовилась провести вечер в одиночестве. Но тут позвонила Энди и сказала, что они с Бостон хотят отметить День независимости, и так началась импровизированная вечеринка.

Теперь три соседки устроились на изящной мебели в гостиной Дины, потягивая «Маргариту» и пытаясь понять, как так получилось, что их жизнь настолько вышла из-под контроля.

– Зик до сих пор не вернулся? – спросила Энди у Бостон.

– Нет, только заходил несколько раз, чтобы забрать одежду. Думаю, Уэйд в конце концов его вышвырнет, но пока не сделал этого. – Она пожала плечами. – Я в порядке. Полна решимости переждать это, а затем обдумаю следующий шаг. – Бостон неуверенно улыбнулась. – Пожалуйста, давайте сменим тему.

– Давайте, – согласилась Дина, понимая, какую боль причиняют разговоры о браке в столь подвешенном состоянии. – Она повернулась

к Энди: – Как ты пережила визит родителей?

– С трудом. Мать умудрилась встать на сторону моего бывшего жениха, говорила, что поддерживает его.

– Вот это поворот, – поразилась Дина. – И ты не высказала ей все, что наболело?

– Нет. Я поняла, что она все равно не изменится. Я хотела бы, чтобы она стала другой, но этого не будет. Мы с ней никогда не войдем в число тех матерей и дочерей, которые близки друг другу, понимаешь? Хуже всего – я хочу, чтобы она сожалела об этом. Только вряд ли она сожалеет. Мать предпочла бы, чтобы я стала такой, как ей хочется, но не пойдет мне навстречу. Ни шажочка.

– Это так печально, – вздохнула Бостон. – Если бы у меня была дочь, я бы хотела, чтобы мы были близки.

– Мать заявила, что очень рада, что я нашла хорошего рабочего, с которым можно переспать, – сказала Энди. – Боже милостивый. А если бы Уэйд услышал? Он был бы оскорблен.

Они продолжали обсуждать взаимоотношения матери и дочери, но Дина не слушала. Она думала о собственных детях, гадая, что они скажут о ней через десять-двадцать лет. «Я никогда не хотела стать им врагом», – думала Дина. Она желала быть одной из тех веселых мамочек, которые дождливыми днями играют в переодевание и у которых классный дом, где все хотят тусоваться. Но по пути она потеряла цель из виду. Так увлеклась сдерживанием своих внутренних демонов, что ни на что другое не осталось времени. Она была так занята, стараясь не утонуть, что не заметила несущийся на нее грузовик.

– Это бессмысленно.

Энди и Бостон посмотрели на Дину.

– Что бессмысленно?

– Моя метафора. Извините. Я думала о своих девочках. Как бы я хотела, чтобы мы были ближе друг к другу...

– Ты можешь это сделать, – сказала ей Энди.

– В самом деле? Ты можешь себе это представить?

– Да.

– Ты восхитительно наивна. – Дина залпом допила свою «Маргариту». – Я думала о том, чтобы уехать. Они все этого хотят. Исчезнуть. Собрала сумку, закинула ее в машину, уселась сама. И куда

мне ехать? У меня нет жизни вне семьи. Я делаю для них все, что могу, а они меня ненавидят.

– Технически ты делаешь для них все, что сама хочешь, – сказала Бостон, икнув. – Прошу прощения, – пробормотала она, прикрывая ладонью рот. – Кажется, я напилась.

– Я делала и то, что совершенно не хотела делать, – огрызнулась Дина, раздраженная предположением, что она – пуп земли. – Ты говоришь как Колин. Думаешь, мне нравится заниматься стиркой и готовить все самой?

– Тогда зачем ты это делаешь? – спросила Энди.

– Потому что это правильно. Я не хочу, чтобы мои дети питались полуфабрикатами.

Бостон откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

– Есть огромная разница между здоровым питанием и тем, чтобы самой печь хлеб. Ты не позволяешь детям десерт чаще одного раза в неделю, им нельзя есть шоколад, нельзя смотреть мультики по телику...

Дина подтянула колени к груди и удивилась, почему все приписывают злые мотивы всему, что она делает.

– Я веду себя как хорошая мать, – запротестовала она. – Хочу, чтобы дети росли правильно. И вообще, откуда ты все это знаешь?

Бостон посмотрела на нее.

– Мне Кэрри сказала.

У Дины вспыхнули щеки.

– А Кэрри говорила тебе, что Мэдисон ненавидит меня? Что она хочет, чтобы ее отец бросил меня и забрал ее с собой?

Бостон кивнула.

По щекам Дины потекли привычные скверные слезы.

– Да к черту это все, я не настолько ужасный человек! Нет...

Энди наклонилась к ней.

– Когда ты держишь все под контролем, ты в безопасности, верно? И если ты будешь всех контролировать, то все тоже будут в безопасности.

Дина шмыгнула носом.

– Возможно.

Энди улыбнулась.

– Я поняла! Встань. – Она повернулась к Бостон: – Ты тоже.

Дина неохотно подчинилась.

– Бостон, возьми ее за руку, – сказала Энди. – А я возьму за другую.

Они стояли в гостиной, держась за руки. Дина стояла в середине и ждала.

– И что?

– Ничего. Мы оберегаем тебя.

Это уже за гранью глупости, подумала Дина.

– Мне нужно пописать.

– Извини, нет. Ты можешь пострадать. Мы будем держать тебя, потому что это обеспечивает твою безопасность.

Дина подождала пару секунд, затем попыталась высвободиться.

Обе женщины продолжали удерживать ее. Она потянула сильнее.

– Хорошо, хорошо. Я поняла, в чем дело. Отпустите.

Энди покачала головой.

– Нет. Ты думаешь, что знаешь, как лучше, но ты ошибаешься.

Дина ощутила прилив паники. Потребность сбежать и спрятаться. Ей захотелось юркнуть в ванную комнату, но не для того, чтобы пописать, а чтобы почувствовать, как теплая вода струится по рукам. Захотелось чистой гладкости мыла. Она нуждалась в этом. Они не понимали...

– Отпусти ее, – сказала Энди, а затем изумила Дину, притянув ее к себе и обняв.

– Все хорошо, – прошептала она. – Ты в безопасности. Мы рядом. Что бы ни случилось, с тобой все будет в порядке.

Слова сопровождались мягкими поглаживаниями по спине. Ее успокаивали, будто она была двухлетним ребенком, подумала Дина, слегка ошеломленная и растерянная. Еще более унижительно, что это сработало.

Энди отступила, и Дину обняла Бостон. Ее прикосновения были менее уверенными, но и они успокаивали.

– Я тоже рядом, – сказала соседка. – Рядом с тобой и с Энди. Ничего страшного, что ты стерва. Ты – чертовски хорошая стерва.

Дина начала плакать.

– Это как быть хорошей ведьмой?

– Вроде того.

Бостон отпустила ее.

Дина опустилась на стул и взяла свою «Маргариту». Сделала глоток, затем вытерла лицо.

– Что это было?

– Не знаю, – призналась Энди. – Пожалуй, я хотела показать тебе, каково это, когда кто-то принимает решения за тебя. Но все пошло наперекосяк. Прости, что чуть не спровоцировала паническую атаку.

– Все в порядке, – сказала Дина и глубоко вздохнула. – Я уловила смысл того, что ты говорила. Что касается паники, то, наверное, я вспомнила свою мать. Как она следила за всем, что касалось меня.

Дина замолчала.

Дерьмо. Всю жизнь она старалась не быть похожей на свою мать, и вот приехали – она там, где начинала.

– Я определенно плохая ведьма, – пробормотала Дина.

– Принятие – первый шаг к исцелению, – самодовольно заметила Бостон.

– Будь у меня в руке что-нибудь кроме выпивки, я бы швырнула в тебя.

Энди откинулась назад и вздохнула.

– Просто обожаю наши девичники! Они весьма необычны, но после них чувствуешь такое удовлетворение.

Дина подняла бокал.

– За нас.

Бостон пришла домой ближе к полуночи. Они с Энди оставались у Дины, пока ее родные не вернулись и не отправились спать. Решили, что так будет спокойнее для всех. Дина все еще пыталась разобраться в проблеме, а значит, до поиска решения было еще далеко. Замешательство и несколько «Маргарит» были опасным сочетанием.

Теперь Бостон шла в темноте через гостиную, легко находя дорогу. Она знала каждый дюйм этого дома, каждый предмет мебели. Как и Дина, она прожила здесь большую часть жизни, рано потеряла родителей. Но с ближайшей соседкой Бостон так и не подружилась – до недавнего времени.

В детстве она не утруждала себя размышлениями. Рано – всего в двадцать с небольшим – вышла замуж и посчитала, что Дина смотрит на нее свысока. Бостон не отличалась консервативными взглядами на жизнь, была слишком артистичной, не стремилась к тому, чтобы стать

совершенной. Кроме того, Бостон решила, что Дина с палкой в заднице – строгая, скучная, чопорная. А кому нужна такая подруга? Но оказалось, что у каждой из них есть своя боль, которую они прячут в укромных уголках души.

Бостон и Зик долго не заводили детей – им слишком нравилось жить по принципу «только мы вдвоем», они не хотели ни с кем делиться полнотой жизни. Но когда Дина в очередной раз беременела, Бостон испытывала чувство вины. Как будто ее соседка была лучше ее. Потом они с Зиком решили, что время пришло.

Она никому не рассказывала об одной вещи. Когда родился Лиам, Бостон ужасно боялась, что будет наказана за свой эгоизм. Его смерть подтвердила ее опасения: она недостаточно хотела ребенка, поэтому его забрали обратно. Не то чтобы она не любила сына, но ведь ждала чего-то подобного. Она не доказала, что достойна его.

Умом Бостон понимала безумие этих мыслей, но знать и верить – разные вещи. То, что Зик обвинил ее в смерти сына, вынесло на поверхность старые страхи.

Тяжесть переживаний заставила споткнуться. Скорбь окружила, потянула вниз, и Бостон упала в темноте на колени. Она обрадовалась этому чувству, потянулась к нему, желая, чтобы оно заполнило ее, чтобы наконец ощутить страдание, боль, недостающие кусочки своей души. Бостон с надеждой ждала слез.

Она съежилась на ковре, обхватив себя руками, ожидая и надеясь, замурив глаза, быстро и поверхностно дыша. Страстно желая первого приступа боли.

Постепенно тяжесть исчезла, как и страх. Дыхание выровнялось, а затем не осталось ничего, кроме спокойного ритма – без единой эмоции. Жизнь опять стала такой, какой была с тех пор, как умер Лиам. Калейдоскоп серого. Пустой и бессмысленный. Только теперь у Бостон не было Зика, чтобы показать ей, каково это – быть на другой стороне.

Дина посмотрела на часы. Начало седьмого, а значит, уже наступило утро. Понедельник, подумала она. От недосыпа в голове стоял туман. Она слышала, что Колин недавно ушел. Снова он отправился в дальний путь, уехал, оставив ее и девочек.

Уже пару дней Дина пыталась осмыслить то, что Энди и Бостон показали ей вечером Четвертого июля. Вцепляясь слишком крепко, она

теряла то самое, что так стремилась сохранить. И так, теперь ей все ясно, но у нее по-прежнему нет ничего даже отдаленно похожего на план действий.

Она понимала: с Колином все намного сложнее. В основном потому, что никак не могла поверить, что стала ему безразлична. Но как могло быть иначе? Даже продолжая любить мужа, Дина вела себя так, будто он был наименее важным человеком в ее мире. И да – она ведь никогда не говорила Колину, что любит или хочет его. Он был прав: она видела в нем только заработок, необходимый для поддержания ее образа жизни. Дина владела домом, и это позволяло ей чувствовать себя в безопасности. Однако на самом деле без семьи он не имел для нее никакой ценности. Такое озарение, пожалуй, оказалось бы более полезным, если бы она смогла чуть дольше поспать, подумала Дина и спустилась вниз.

Она заварила кофе и приготовила обеды для девочек. В школе настали каникулы, но теперь они ходили в летний лагерь, так что все равно приходилось собирать для них ланчбоксы. Нарезая на ломти хлеб, который она испекла и заморозила пару недель назад, Дина думала о том, что Энди и Бостон сказали ей тем вечером. О стремлении контролировать каждую деталь жизни своих детей. Может, ей стоит попробовать отпустить ситуацию? Закончив делать бутерброды, Дина снова налила себе кофе. Уже почти пришло время будить девочек. Прежде чем она успела собраться с мыслями, в кухню вошла Мэдисон.

Дина с тоской подумала, что ее старшая дочь очень красива. Длинные светлые волосы, большие голубые глаза. Дина помнила, какая изумительная у Мэдисон улыбка, хотя не видела этой улыбки уже несколько месяцев. По крайней мере, адресованной ей.

Как по заказу, дочь сердито уставилась на нее.

– Папа уже ушел?

– Да.

Мэдисон тяжело вздохнула.

– Хотела бы я, чтобы ему не приходилось уезжать. Почему ты его заставляешь? Знаешь, ты могла бы больше работать. А то нечестно выходит – он один о нас заботится.

Дина сжала чашку кофе. Несправедливость заявления дочери пронзила ее, как десятки крошечных игл.

– Полагаю, то, что я делаю по дому, не считается? – Она обвела жестом кухню. – Вся эта готовка, уборка, стирка твоей одежды. Это ведь пустяки, верно? К тому же я еще и работаю. А что делаешь ты, чтобы внести свой вклад, Мэдисон? Ты жалуешься, что твой отец уезжает на работу, но именно ты настаиваешь на том, чтобы носить только самую модную одежду. Или твои сестры должны быть единственными, кто жертвует собой?

Мэдисон покраснела.

– Так нечестно.

– Неужели?

Мэдисон пристально посмотрела на нее.

– Мне не нравится, что папы все время нет дома.

Дина вернула ей пристальный взгляд.

– Мне тоже, – призналась она и вышла из кухни.

Через полчаса Дина вернулась с четырьмя младшими девочками. Звезды сошлись удачно – ей удалось поднять и одеть всех без истерик. Они пришли на кухню и расселись за столом. Мэдисон уже сидела там, но так и не потрудилась взять себе хлопья.

Дина хотела указать старшей, что такое поведение – это именно то, о чем она говорила, но лишь покачала головой. Для сегодняшнего утра вполне достаточно.

Она достала две коробки с хлопьями, вынула миски.

Одри и Люси начали их раздавать.

– Не хочу, – сказала Мэдисон. – Ненавижу хлопья. Почему мы не можем съесть на завтрак что-нибудь вкусное?

Дина повернулась к ней. Что случилось с милой маленькой девочкой, которую она помнила? Куда подевалась та Мэдисон?

– Через несколько лет ты вспомнишь свое поведение, и тебе станет по-настоящему стыдно, – мягко сказала Дина. – В конце концов эти воспоминания заставят тебя вздрогнуть, и ты удивишься, как кто-то из нас мог находиться рядом с тобой.

Ее дочь покраснела и спрыгнула с табурета.

– Ненавижу тебя! – выкрикнула она.

– Ты тоже не моя любимица.

Мэдисон вытаращила на нее глаза.

– Ты не можешь так говорить...

– Почему нет? Это правда. Ты хотела бы быть матерью для такой, как ты? Хотела бы, чтобы в доме был такой, как ты, ребенок? Разве рядом с тобой приятно или весело?

У Мэдисон отвисла челюсть. Она что-то прошипела и выбежала из кухни. Дина даже не потрудилась посмотреть ей вслед. Вместо этого потянулась за коробкой хлопьев и посмотрела на рисунок на обложке.

«Полезные злаки» – гласила надпись. Честно говоря, больше похоже на нечто, собранное с земли в лесу после сильной бури, подумала она. Отвратительно. Дина подошла к холодильнику и открыла его. На средней полке стояли две коробки с пиццей – остатки вчерашнего ужина. Ужина, который принес Колин, не удосужившись посоветоваться с ней. Так что еда, которую она приготовила, в основном осталась несъеденной.

Она вытащила коробки и поставила их на кухонную стойку, затем взяла несколько маленьких тарелок.

Четыре младшие дочери уставились на нее.

Люси заговорила первой.

– Mamochka, ty dash nam pitsu na zavrak?

– Если хотите. Еще есть хлопья.

Одри в мгновение ока вскочила с места. Они с Люси разложили ломтики по тарелкам, затем по очереди разогрели их в микроволновке. Дина налила всем сок и взяла свою чашку кофе.

Запах плавящегося сыра смешивался с ароматами пеперони^[31] и грибов. Впервые за несколько дней Дина ощутила, что проголодалась. Люси протянула ей тарелку.

– Mamochka, hochesh kusochek?

Дина улыбнулась и взяла пиццу.

– Спасибо, Люси. Это так мило с твоей стороны.

Дочь просияла, глядя на нее.

– Пожалуйста.

Вскоре все уже ели. На этот раз за столом было много разговоров. Близнецы заставили всех хихикать над серией шуток «тук-тук»^[32]. Дина посмотрела на одинокий пустой стул и задумалась, о чем сейчас думает Мэдисон. Без сомнения, матери отведена роль главной злодейки в этой пьесе. Дина призналась себе, что не знает, как достучаться до своей старшей. Но младшие девочки все еще с ней. Она начнет с

малого. Научится быть матерью, которую они заслуживают. Такой, какую, возможно, заслуживала и она сама.

Глава 23

– Спасибо, что поехала со мной, – поблагодарила Кэрри, входя с Энди в универмаг. – Бостон чувствует себя не очень хорошо. Говорит, что у нее болит живот.

Энди подумала, что расстройство желудка у Бостон больше связано с тем, что Зик все еще жил у брата, чем непосредственно с желудочно-кишечным трактом. Но она не собиралась обсуждать это с Кэрри.

– Рада помочь, – вместо этого сказала Энди.

На эскалаторе они поднялись на второй этаж. Кэрри усмехнулась.

– Папа мог бы со мной сходить, но, если честно, я тогда со стыда умру.

– Покупка лифчиков – это все-таки больше для девочек. Ему было бы неудобно, тебе было бы неудобно... Кому это надо?

– Вот именно.

Кэрри подошла к стойке с красивыми бюстгальтерами, сшитыми специально для подростков. Перебрала пальцами бирки.

– Я почти уверена, что у меня теперь размер «А». – Она весело прищурилась. – Ты видела лифчики «три А»? О чем там вообще беспокоиться? Но в прошлом году Бостон привела меня и сказала, что пора носить. Что я скоро стану женщиной. – Кэрри сморщила нос. – Я ответила, что еще не готова.

– Телу виднее, – подтвердила Энди. – Хотя я носила «три А», пока мне не исполнилось четырнадцать. Я почти потеряла надежду на то, что у меня когда-нибудь вырастет грудь.

– Не уверена, что хочу этого, – призналась Кэрри. – Я видела, как мальчишки пялятся на грудь.

– Она их очаровывает.

– Почему? У всех мам есть грудь.

– Да они не в таком смысле интересуются. Это своего рода биологический вопрос.

– Я знаю. Секс, да? У нас были занятия в школе. Папа пытался поговорить со мной об этом, и это было ужасно! Он действительно замечательный и все такое, но я бы не хотела вести с ним такие

беседы. – Кэрри выбрала пару бюстгальтеров и повернулась к Энди. – Для таких разговоров нужна мама.

– Знаю. Мне очень жаль.

– Ничего. Я ее почти не помню... – Улыбка Кэрри померкла. – Я смотрю на Мэдисон и ее маму. Мэдисон все время так злится. Интересно, у нас с мамой было бы так же? Если бы я воспринимала ее как что-то обычное, само собой разумеющееся.

– Ты воспринимала бы ее как само собой разумеющееся, если бы не потеряла. Мы все так себя ведем. У тебя другая ситуация, чем у большинства сверстников.

– Я знаю, – кивнула Кэрри. – Но сейчас я как будто скучаю по самой идее иметь маму, а не по реальному человеку. – Она помахала бюстгальтерами. – Пойду примерю и вернусь.

Пока Кэрри была в примерочной, Энди бродила по магазину. Пятнадцать минут спустя девочка выбрала три бюстгальтера, и Энди расплатилась за них кредитной картой Уэйда. Они пошли в торговый центр, чтобы перекусить.

Когда они уселись, Энди посмотрела на симпатичную девочку, которая становится девушкой, напротив себя.

– Так значит, мальчишки до сих пор глупые?

Кэрри рассмеялась.

– Они немного менее глупы, чем год назад. Одна из моих школьных подруг устроила вечеринку для мальчиков и девочек, когда ей исполнилось тринадцать. В боулинге, который прямо через мост. Было довольно весело. Представляешь, Марк Эвенсон поцеловал ее!

– В губы.

Кэрри вздрогнула.

– Да! Я пока не уверена насчет поцелуев. Иногда думаю, что это было бы здорово, а потом – фу, это же так отвратительно!

– Ты дорастешь до этого.

– Ты целовалась с моим папой.

Энди изо всех сил постаралась не реагировать физически. Вздрогнуть, поерзать или взвизгнуть было бы одинаково плохо.

– Да, мы целовались. Это здорово.

Кэрри подняла обе руки.

– Пожалуйста, больше ничего не говори. Даже знать не хочу.

– Ни слова.

Они изучили меню и выбрали блюда. Пришел официант и принял заказ. Кэрри захотела бургер и картошку фри, а Энди остановилась на салате.

– Я видела фреску, – сказала Кэрри, когда официант ушел. – Мне нравится то, что нарисовала Бостон. Животные просто потрясающие!

– Мне тоже нравится.

За последнюю неделю Бостон перешла от эскизов к живописи. С каждым днем на стене появлялось все больше цвета. Деревья и две бабочки были почти готовы.

– Хотела бы я рисовать как Бостон, – призналась Кэрри. – Я пробовала, и она показала мне несколько хитростей, но у меня нет таланта. Мне нравится вязать. Я взяла пару уроков в магазине, где работает мама Мэдисон. Это здорово! Я как-то связала папе шарф на Рождество.

– Уверена, он ему понравился.

Кэрри усмехнулась.

– Не знаю, понравился или нет, но он его носил. Такой уж он отец.

Случайный штрих в обычном разговоре, подумала Энди. Информация и забавная история. Кэрри и представить не могла, какое влияние это окажет на собеседницу. Уэйд – хороший парень. И доказывает это снова и снова. Он забавный и умный, щедрый и вдумчивый. Отлично справляется с воспитанием дочери. Все это заставило Энди насторожиться. Учитывая прошлое, ей было бы очень легко влюбиться в кого-то вроде него.

Она не возражала против любовной истории, но на этот раз решила быть умной. Ничего не предполагать. Не растрачивать себя понапрасну, десять лет ожидая мужчину, который потом не задумываясь унизит ее. Энди также решила не питать особых надежд и не ждать большего. Она подумала, что удержать равновесие будет весьма непросто.

– Я думаю, ты ему нравишься, – сказала Кэрри.

Энди нахмурилась.

– Кому?

– Моему папе. Он странно себя ведет перед свиданиями с тобой и много о тебе говорит.

Энди улыбнулась.

– Спасибо, что рассказала.

Она хотела сказать больше или даже начать задавать вопросы, но понимала, что не должна ни говорить, ни делать ничего такого, что заставит Кэрри чувствовать себя неловко.

– Он мне тоже нравится.

– Я надеюсь, это станет серьезными отношениями, – призналась Кэрри. – Хотя он порой ведет себя мегастранно. Наверное, как и все отцы.

– Что ты имеешь в виду?

Кэрри пожала плечами.

– Знаешь, напомнил мне пятьдесят раз, чтобы я поблагодарила тебя за то, что ты водишь меня по магазинам. Передашь ему, что я сказала спасибо, ладно?

– Обещаю, – со смехом ответила Энди. – Я скажу ему, что у тебя очень хорошие манеры и он должен гордиться тобой.

– Хорошо. А еще, представь себе, папа заявил, чтобы я не слишком привязывалась. Я не ребенок. Я не жду, что он будет жениться на всех, с кем ходит на свидания. Хотя, думаю, ты была бы хорошей мачехой. Но он не хочет об этом говорить. Вечно повторяет, что не собирается жениться и что меня не должна волновать его личная жизнь. Но когда речь обо мне, то все наоборот: папа всегда расспрашивает, как прошел день, какие у меня отношения с друзьями. Эх, родители...

– Они могут расстраивать, – сказала Энди и автоматически улыбнулась официанту, который принес им напитки.

– И не говори! – Кэрри отхлебнула содовой. – На прошлой неделе, после того как папа пообщался с твоими родителями, он весь такой: «Мы росли совсем по-разному». Вот тогда-то я и сказала, что ты будешь отличной мачехой. Просто чтобы ты знала – я полностью на твоей стороне.

– Спасибо, – сказала Энди, надеясь, что ее голос прозвучит вполне нормально.

Кэрри стала говорить о новом фильме, который выходит в прокат в пятницу, и о том, что они с Мэдисон хотят его посмотреть. Энди надеялась, что отвечала правильно, хотя трудно было сказать наверняка из-за шума в ушах.

Она приняла объяснение Уэйда насчет того, чтобы не впутывать Кэрри в их отношения. Понимала, что не стоит детям знать о свиданиях, пока дело не сдвинется с мертвой точки. Могла перечислить

все причины и верила, что они правильные. Но Энди предполагала, что сегодняшняя поездка по магазинам – это шанс получше узнать Кэрри. Или же нет? А вдруг она – всего лишь бесплатная няня?

Что изменилось и когда? Неужели во время визита ее родителей случилось что-то, что расстроило Уэйда? Или она сказала то, что не должна была говорить? Энди напредила себе: они знакомы всего около месяца. Она не собирается в ближайшее время выходить замуж. Она уважает Уэйда за то, что их отношения развиваются в нормальном темпе. И он не похож на Мэтта. Но женщине, которую недавно бросили у алтаря на глазах у друзей и семьи, сложно рассуждать рационально. Он с ней играет? Это для него лишь игра? Неужели она только что начала встречаться с копией Мэтта – с парнем, который одурачит ее и потом прилюдно бросит?

Она прижала руку к груди, почувствовав, как напряглись мышцы. У нее жар или просто здесь жарко? Внезапно ей стало трудно дышать.

Это паническая атака – или ее начало, подумала Энди. Она слишком сосредоточилась на себе. На ситуации, которая ее напугала. Нужно отвлечься. Энди оглядела ресторан и увидела парня студенческого возраста с девушкой.

– Смотри, – сказала она, указывая. – Разве он не похож на Зака Эфрона?^[33]

Кэрри повернулась и прищурилась.

– Не особо. Хотя, может, глаза немного похожи. Он милый. – Девочка снова повернулась к Энди. – Мне сказать отцу, что тебе нравится Зак Эфрон?

– Он немного молод для меня, и, когда звонит, я никак не могу заставить его закончить разговор. Такая вот проблема.

Кэрри рассмеялась.

– Вот бы это было правдой!

– Не знаю, не знаю. Он действительно слишком молод для меня.

– А как насчет Райана Гослинга?^[34]

– Уже лучше. Он больше подходит по возрасту. А ты? В кого из кинозвезд влюблена ты?

Энди взяла содовую и сделала глоток. Теперь она дышала свободнее и могла сосредоточиться.

Кэрри болтала о любимых звездах кино и телевидения. Энди, как могла, поддерживала разговор. Она пообещала себе, что подумает

насчет Уэйда позже. Разберется, это она слишком остро реагирует или просто он оказался придурком. Потом решит, что делать. Или, может быть, навсегда откажется от мужчин. Это, безусловно, самый легкий путь.

Но, как часто говорила ей мать, жизнь существует не для того, чтобы быть легкой, а для того, чтобы ее прожить.

Дина подняла трубку и набрала номер. Ее безудержно трясло. Руки были в крови от бесконечного мытья, и ей пришлось выбросить жесткую щетку в мусорное ведро на улице, чтобы снова не взять ее в душ.

– Доктора Гордон, пожалуйста, – сказала Дина. – Это миссис Филлипс.

– Сию секунду, – отозвалась секретарша в приемной. – Кажется, у доктора как раз перерыв между приемами. Сейчас попробую ее поймать.

Дина вцепилась в трубку и ждала, когда Энди подойдет к телефону.

– Дина?

– Да, это я. Извини, что беспокою.

– Ничего. Что случилось? Что-то с одной из девочек?

– Нет, проблема во мне. Мне нужна помощь. Дело не только в мытье рук. Мне страшно.

– Понимаю. Я здесь. Что происходит?

– Я снова пользуюсь щеткой в душе. Чтобы почувствовать себя чистой.

На пару секунд воцарилась тишина. Дина знала, что Энди достаточно умна, чтобы понять, в чем дело.

– Давай я дам тебе контакты специалиста. Позвоню ей и попрошу встретиться с тобой сегодня, а потом сразу же перезвоню тебе. Хорошо?

– Хорошо.

– Мне подъехать к тебе?

Дина зажмурилась.

– Нет. Какое-то время со мной все будет в порядке.

– Дай мне пять минут.

Телефон зазвонил через три минуты.

– Она примет тебя в два. Вот ее имя и адрес.

Дина записала информацию.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста. И не сердись, но я позвонила Бостон. Она побудет с тобой до твоего визита к врачу.

– Не стоило этого делать.

– Но я сделала. Я за тебя волнуюсь.

Дина едва сдержала слезы.

– Ты такая хорошая, а я такая стерва...

– Ты не стерва. Просто на тебя слишком много всего свалилось. У всех нас есть навыки преодоления трудностей, но порой они перестают работать. Пообщайся с психотерапевтом, Дина. Ты заслуживаешь того, чтобы чувствовать себя лучше, чем сейчас.

– Я не знаю, что сказать, – шепотом призналась Дина.

– Тебе не нужно ничего говорить.

Бостон проводила Дину до машины.

– Ты уверена, что все будет в порядке? Могу поехать с тобой.

– Я в состоянии проехать восемь миль до психотерапевта, – заверила Дина. – Это прямо за мостом. Обещаю не слететь с катушек по дороге.

Бостон улыбнулась и обняла ее.

– Подумать только, все это время я и не подозревала, что у тебя есть чувство юмора.

– Для меня это тоже новость.

Дина помахала рукой и села в машину. Бостон посмотрела, как она уезжает, а затем повернула к дому Энди.

Бостон достигла определенного прогресса с фреской. Ей нравилось, что цвета получились жизнерадостными, а животные очаровательными. Хотя это была не та работа, которая могла бы привлечь к ней новых клиентов, она гордилась тем, что уже сделала. Это почти компенсировало растущее чувство беспокойства, которое сопровождало ее каждый момент бодрствования.

Зик до сих пор не вернулся домой. Это было, безусловно, самое долгое время, которое они провели порознь и даже не разговаривали. Бостон привыкла спать в одной из его рубашек, чтобы почувствовать, будто он рядом. Она не знала, что делать – ждать Зика или пойти

поговорить с ним. Они зашли так далеко, подумала Бостон. Кто она без своего мужа? Неужели ей сейчас предстоит это выяснить? Бостон вошла в приемную и принялась изучать большую яркую картину. Роспись занимала две стены, а в коридоре сужалась всего до пары футов в высоту. Последние дни художница провела, сидя на полу и рисуя крошечные семьи насекомых, собравшиеся перед телевизором. Сюрпризы для малышей, которые непременно их обнаружат, пока будут ждать приема.

– Привет, – сказал Уэйд, входя в комнату. – Все в порядке?

Она кивнула.

– Мне нужно было кое-что спросить у Дины.

– Ты становишься все дружелюбнее с ней. Я думал, ты ее ненавидишь.

– Ненависть – слишком громкое слово. Раньше я не знала ее и действительно думала о ней плохо. Моя вина. Как у тебя дела?

– Хорошо.

– Ты часто видишься с Энди.

Шурин взглянул на нее и отвернулся.

– Пытаешься меня отвлечь? – поинтересовался он.

– Нет. Просто констатирую очевидное. Энди – потрясающая. Она мне нравится.

Уэйд кивнул, но что-то промелькнуло в выражении его лица. Что-то, что она не вполне поняла. Бостон ждала и наблюдала, шурин молчал. Она собиралась было заметить, что Кэрри тоже понравилась Энди, но решила, что лучше не пугать его. Мужчины порой так ранимы.

– Я хочу устроить барбекю, – сказал наконец Уэйд. – В субботу. Что-то вроде добрососедской традиции. У тебя же хорошие соседи. Я подумал, что можно собраться прямо у тебя во дворе.

Ей хотелось верить, что это идея Зика, но она знала – это не так.

– Устал от того, что твой брат спит у тебя на диване?

– Он занял комнату для гостей, но да, ему пора возвращаться к жене. Если только он тебе нужен.

– Нужен. Из нас двоих не я ведь ушла.

– Он считает, что тебе уже все равно.

Бостон подумала о долгих ночах, проведенных в одиночестве в их постели, о том, как она тоскует по нему, как ей не хватает его

объятий... И о том, что Зик больше в ней не нуждается.

– Не только я изменилась.

Уэйд неловко поерзал.

– Бостон, я...

Она подняла руку.

– Я сжалюсь над тобой и просто скажу: да, мы можем устроить барбекю. Во сколько?

– Может, в три?

– Отлично. Ты пригласил кого-то еще или это нужно сделать мне?

Чтобы твой план не был так очевиден.

– Если тоже сможешь позвать кого-нибудь, будет здорово.

– Еда?

– Я могу принести гамбургеры и прочее.

– Булочки?

– И булочки тоже.

Бостон знала, что и все остальное будет на ней, но не возражала. Ведь это даст шанс провести время с Зиком. Они могли бы поговорить, и она объяснила бы, что он ей нужен.

– В субботу в три, – сказала она. – Повеселимся.

Даррелин было за сорок, у нее были темные волосы и полные сочувствия глаза. Она провела Дину к удобному дивану в небольшом кабинете.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она, когда Дина села.

Дина сделала глубокий вдох.

– Не знаю. Так больше не может продолжаться. Это невыносимо. – Она почувствовала, что дрожит, но все равно протянула руки – потрескавшиеся и израненные от частого мытья.

Медленно, стыдливо Дина закатала рукава, чтобы показать струпья на руках – свидетельство того, что она пользовалась жесткой щеткой.

– Я выбросила ее, – прошептала она.

– Щетку?

Дина кивнула.

– Сегодня. Так тяжело. Я ненавижу себя за это, но мне от этого легче. Не знаю, есть ли в этом смысл...

– Есть. Вы знаете, почему чувствуете себя обязанной так часто мыть руки?

Дина снова кивнула.

– Что-то досталось от мамы, что-то – от тети и дяди. Моя мать была алкоголичкой с тяжелым, злым характером. В доме было так грязно. Я ненавидела это. Когда я была маленькой, она часто запирала меня в кладовке. Помню тот запах, темноту... и по мне что-то ползало.

Воспоминания посыпались одно за другим. Даррелин слушала молча, время от времени делая заметки. Дина рассказала о тете и дяде, о том, как ее наконец забрали, но ей пришлось пообещать стать идеальной. Как это было тяжело. Как она все время боялась. Боялась, что отправят обратно. Боялась, что вышвырнут на улицу.

– Я хотела быть совершенной, чтобы они любили меня, – прошептала Дина. – Потом, когда вышла замуж за Колина, я хотела быть идеальной, чтобы сохранить его. Но в результате потеряла и мужа, и своих детей. По крайней мере, потеряла Мэдисон. Возможно, у меня еще есть шанс с младшими. Не знаю...

Она потянулась за коробкой салфеток.

– Никогда я не хотела стать такой, и теперь не знаю, что делать. Я чувствую себя в безопасности только тогда, когда все под контролем. Я понимаю, что на самом деле не контролирую ситуацию, но поддерживаю эту иллюзию и не могу остановиться. – Дина заплакала. Вытерев слезы, взглянула на сидящую напротив женщину. – Это безнадежно?

Даррелин одарила ее нежной улыбкой.

– Вы такая храбрая, Дина. Такая сильная. Вы меня очень впечатлили.

Дина уставилась на нее.

– Прошу прощения? Как вы можете так говорить? А как насчет того, что я сделала с детьми? С мужем? Он ненавидит меня. Нет, лучше бы ненавидел, но он ничего не чувствует.

– Если бы он ничего не чувствовал, то давно бы ушел. – Даррелин наклонилась к ней. – Посмотрите на себя. Посмотрите, с чего вы начали. Вы когда-нибудь били своих детей?

– Что? – Дина напряглась. – Конечно, нет. Я бы никогда с ними так не поступила.

– Вы хоть представляете, насколько трудно разорвать порочный круг насилия? Ваша мать била вас так сильно, что переломала вам кости, но вы ни разу не ударили своих детей. Любое разочарование вы

обращаете на себя, чтобы не возник риск причинить им вред. Ваша потребность все контролировать вызвана страхом того, что у вас на душе. Вы боитесь эмоций, которые испытываете. Вот почему вы так крепко вцепились в идею тотального контроля.

Дина скомкала салфетки в руке.

– Не может же это быть так просто.

– Может, но это и не просто. Вам придется научиться верить в себя, а это нелегко. Придется научиться доверять детям и мужу. Придется ломать стереотипы и поверить, что мир будет продолжать вращаться и без вашей помощи. Это долгий путь, но посмотрите, как много вы уже прошли.

Она покраснела.

– Я ничего не сделала.

– Надеюсь, вы поймете, что это неправда.

– Так вы можете мне помочь?

Даррелин улыбнулась.

– Да. Обычно я не говорю такое людям, но чувствую, что вам важно это знать. Вы далеко не самый травмированный мой клиент. Вам нужно немного подправить ситуацию, вот и все.

Дина подумала о непреодолимой потребности вымыть руки, о крови, стекающей в слив душа.

– Вам стоит поработать над формулировками.

Даррелин рассмеялась.

– Вы поймете, что я имею в виду, всего через несколько недель. А теперь давайте поговорим о плане лечения. Я собираюсь порекомендовать эффективное при ОКР лекарство. Вам не нужно будет принимать его долго, и мы начнем с самой низкой дозы. Потом мы вместе придумаем, как вам безопасно экспериментировать с доверием к окружающим людям. Вы попробуете постепенно отказываться от контроля – по чуть-чуть, шаг за шагом. Поиграем с вами в ролевые игры.

– Неужели вы сможете сыграть трудного двенадцатилетнего подростка?

– Это моя специальность. Итак, что скажете? Предстоит много работы, но вы уже начали этот путь.

– Я согласна, – ответила Дина. – Хочу быть нормальной.

– Нормальность сильно переоценивают, – с усмешкой заметила Даррелин. – Это я так, к слову.

Глава 24

Энди отлично справлялась с тем, чтобы избегать Уэйда. Она не была уверена, стоит ли этим гордиться, но именно так решила разрулить ситуацию. К сожалению, в субботу утром она столкнулась с ним – в прямом смысле слова.

Она поднималась по лестнице, он спускался, и они столкнулись. Одной рукой Уэйд подхватил ее, а другой – переполненную сумку с продуктами.

– Ты в порядке? – спросил он, поддерживая ее.

От одного только ощущения его пальцев на коже Энди почувствовала, что возбуждается. Ей хотелось раствориться в нем, целовать его до бесчувствия, а затем отвести в спальню. Здравый смысл и работавшая в доме бригада остановили ее. К сожалению, второе сыграло большую роль, чем первое, но, как бы то ни было, это сработало.

– Все нормально, – пробормотала Энди. – Благодарю за спасение.

Уэйд взял у нее сумку и пошел вверх по лестнице.

– Еда для барбекю?

– Я готовлю картофельный салат. Это все, что получится сделать на моей импровизированной кухне. Буду варить картошку порциями. У меня есть старый семейный рецепт.

– С нетерпением жду результата.

Слова звучали обычно, но Уэйд избегал встречаться с ней взглядом. А когда они были вынуждены идти близко друг к другу по узкой лестнице, у нее возникло чувство, что он хочет увеличить расстояние между ними.

Они поднялись на третий этаж. Энди последовала за Уэйдом на кухню. Он поставил сумку на стол и сделал шаг назад.

– Я давно тебя не видел, – заметил он, останавливаясь в дверях.

Энди не могла смотреть на Уэйда, не испытывая возбуждения. Пару дней назад она бы просто подошла и скользнула в его объятия, но сейчас не могла этого сделать. Ей бы хотелось почувствовать первые всплески страсти и то, как приятно соприкасаются их тела. Но она не знала, как он отреагирует. Что-то изменилось между ними. Что-то пошло не так.

Она подумала, что правильной всего было бы спросить. Чтобы выяснить, а затем устранить проблему. Но вдруг не получится? Что, если она потеряла Уэйда до того, как у нее появился шанс по-настоящему его узнать? Игнорировать проблему намного проще, чем столкнуться с ней лицом к лицу. Но стоит вспомнить, к чему это привело в истории с Мэттом.

Будь честной, сказала себе Энди. Она сможет справиться со всем, что он ей скажет. Энди изучала Уэйда – любовалась красивыми чертами лица, твердостью взгляда.

– Нам нужно поговорить.

Выражение его лица стало совершенно нечитаемым.

– О чем?

– О том, что происходит между нами. Или не происходит. Ты сказал Кэрри не привязываться. Она упомянула об этом, когда на днях мы вместе ходили по магазинам. – Энди подняла руку. – Пожалуйста, не говори ей, что я тебе сказала. Не хочу, чтобы у нее были неприятности.

– Я ничего не скажу. – Уэйд скрестил руки на груди. – А что бы ты предпочла, чтобы я ей сказал? Ты нравишься Кэрри. Она часто видит тебя, потому что постоянно приходит к Мэдисон.

– И что? Она умный ребенок. Она знает, что взрослые встречаются и иногда из этого что-то получается, а иногда – нет. Но сказать ей, чтобы не привязывалась... – Энди обошла стол, нуждаясь в расстоянии и, возможно, даже в физической преграде между ними. – Ты предполагаешь, что все это ни к чему не приведет. Но я не этого хочу.

– Никто из нас не знает, что произойдет. Прошло два месяца, Энди. Мы все еще узнаем друг друга. Почему ты так расстроена?

Потому что Кэрри призналась, что ее отец не собирается жениться. Но Энди чувствовала, что влюбляется в него, и беспокоилась, что снова отдает сердце в руки мужчины, который ее отвергнет.

– Я удивлена, – вместо этого сказала Энди. – Я думала, у нас есть будущее. Очевидно, ты так не считаешь. Мне нужно определиться, хочу ли я отношений только для секса.

Уэйд покачал головой.

– Все совсем не так, и ты это знаешь. Кэрри – моя дочь, я должен защитить ее.

– Думаю, тот, кого ты защищаешь, это ты сам. Ты внезапно пошел на попятную. Что случилось, почему все так изменилось?

Он выглядел пораженным, почти испуганным, как будто Энди обнаружила правду. Вероятно, так оно и было. Но что это за правда? Почему ему нужно защищать себя от нее? Она ведь неопасна, она не сделала ничего такого, что могло бы его встревожить.

Они смотрели друг на друга. Один из парней окликнул его с нижней ступеньки лестницы.

– Я должен идти, – пробормотал Уэйд. Энди кивнула, надеясь, что он скажет, что они поговорят позже. Но он этого не сделал.

– Это катастрофа, – вздохнула Бостон.

Дина посмотрела на подругу.

– Мне жаль, что все так вышло с Зиком.

– Он не захотел разговаривать. Едва взглянул на меня.

Дина и рада бы сказать, что это неправда, но с первой секунды, как Зик пришел на задний двор, стало очевидно: он здесь не для того, чтобы мириться. Муж Бостон держался особняком, сидел под деревом и методично пил пиво. Дина стояла в стороне, так что могла замечать подобные вещи.

– Зик смотрел на тебя, когда ты не видела, – отметила Энди. – Ему очень больно. – Она потянулась к Бостон и сжала ее руку. – Я знаю, что тебе тоже больно.

Они втроем сидели на заднем дворе Бостон посреди того, что осталось после барбекю-вечеринки. Мусорное ведро переполнено, холодильник пуст, если не считать воды и нескольких особенно крепких кубиков льда. Шеренга пустых бутылок. Рядом на стуле умывался Пикуль.

– Бедный Уэйд, – сказала Бостон, откидывая голову на спинку стула. – Он так хотел все исправить.

– Я бы не стала слишком переживать об Уэйде, – заметила Энди.

Дина кивнула.

– Он приложил к этому руку, это точно.

– Мужчины глупы, – заявила Энди. – А я еще глупее. И почему я думала, что он окажется другим? Опять ошиблась...

Теперь Бостон кивнула.

– Вроде и хочется защитить его, но не могу. Сказать Кэрри, чтобы не привязывалась, – это идиотизм. Что, по его мнению, произошло бы, когда бы ты об этом узнала?

– Уэйд не думал, что я узнаю. Черт, хотела бы я, чтобы наш секс был не так хорош.

Дина удивила саму себя, рассмеявшись.

– Серьезно?

– Ладно-ладно, шучу. Хотя это упростило бы все. – Энди вздохнула. – Я знаю, что еще рано. Знаю, что из-за Мэтта я более чувствительна к любым признакам того, что мужчина не стремится связывать себя обязательствами. Признаю, у меня есть необоснованные ожидания, но Уэйд даже не попытался меня убедить. Ну попресмыкался бы чуток, и все было бы иначе. – Она отхлебнула пива и повернулась к Дине. – У тебя дела, кажется, получше. Ты выглядишь менее взвинченной.

– Я стараюсь. Психотерапевт помогла, и я принимаю лекарство, которое она прописала. Пока не чувствую особой разницы, но ведь прошло всего несколько дней.

– Надежда даст силы все преодолеть, – сказала Бостон.

Дина была готова ухватиться обеими руками за эту самую надежду.

– Психотерапевт сказала мне, что, если бы Колин хотел уйти, он бы уже ушел.

– Он был так приветлив сегодня, – заметила Энди. – Сел рядом с тобой.

Дина, конечно, тоже это заметила.

– Я не хочу ничего предполагать. Кажется, там больше и сесть-то было негде.

– Это пикник, – мягко возразила Бостон. – Он мог бы сесть на землю с детьми.

– Она права. – Энди подняла бутылку пива. – Но Колин сидел рядом с тобой на скамейке. Беги домой с этой мыслью.

– Я не готова бежать. Лучше посижу здесь, подышу. – Дина посмотрела на двух женщин. – Спасибо, что помогаете мне пройти через это. Не знаю, что бы я делала, если бы вас не было рядом.

– Рада помочь, – сказала Бостон. – Мне необходимо кому-то помогать – это позволяет не заплутать в собственных мыслях. – Она

усмехнулась. – Так что спасибо за этот бардак. Время выбрано идеально.

Дина рассмеялась.

– Всегда пожалуйста. Моя психическая болезнь всегда здесь, чтобы тебе удружить.

Энди и Дина ушли где-то после полуночи. Они помогли с уборкой, так что Бостон оставалось только убедиться, что двери и окна заперты, а затем подняться в спальню. Она почти не устала и сомневалась, что заснет, но нужно было хотя бы попытаться. Может быть, ей повезет задремать на пару часов.

Бостон была на полпути вверх, когда зазвонил мобильный телефон. Она поспешила вниз и вытащила его из сумочки. Сердце бешено колотилось, пока она возилась с кнопкой разговора. В такой час лучше бы не было никаких звонков.

– Алло? Зик? Все хорошо?

– Миссис Кинг?

Голос был мужской и незнакомый.

– Да.

– Я помощник шерифа Сэм Андерс. Зик помогает мне с ремонтом дома, который я покупаю. Собираюсь жениться через несколько месяцев. В любом случае я его знаю, и, ну, я привез его в участок примерно полчаса назад. Он вел машину пьяным, мэм. Врезался на своем грузовике в дерево.

Бостон опустилась на диван и закрыла глаза.

– С ним все в порядке? Он кому-нибудь причинил вред?

– Это была авария с участием одного транспортного средства. Он немного потрепан, но говорит, что с ним все будет хорошо. Грузовик в плохом состоянии.

– Меня не волнует грузовик. Значит, Зик в тюрьме?

– Я не арестовывал его, мэм.

Верно. Потому что в маленьком городке на острове все знали друг друга. Вот почему помощник шерифа рассказал ей, казалось бы, незначительную деталь о том, что Зик ремонтировал его дом.

– Вы можете приехать за ним и отвезти его домой, если хотите.

Домой? Зик здесь больше не живет. Он не хочет ее видеть и винит в смерти их сына.

– Я сейчас приеду.

Бостон взяла сумочку и поехала в участок. Посреди ночи там дежурило всего два человека. Помощник шерифа провел ее в маленькую комнату, где ждал Зик.

Ее муж сидел за столом. На челюсти красовалась пара синяков, глаз тоже уже начал заплывать. Она видела, что он все еще борется с опьянением.

Помощник шерифа закрыл за ней дверь, оставив их наедине.

– Думаю, теперь ты не сможешь игнорировать меня, – в тишине произнесла Бостон.

Зик поднял глаза. Его мрачный взгляд ничего не выражал, губы сжались в прямую линию. Все в нем было точно таким же, как она помнила, но он казался ей незнакомцем. Бостон чувствовала между ними дистанцию. Скорбь.

По дороге сюда Бостон обдумывала, что скажет Зику. Собиралась заявить, что больше ни за что не позволит ему пить. Что он должен остановиться, а если не может сделать это сам, то ему нужна помощь. Но вместо заготовленных слов она сказала совсем иное:

– Если ты действительно думаешь, что я виновата в смерти Лиама, между нами все кончено. Потому что ты не можешь простить меня за то, чего я не делала и не могла контролировать.

Зик продолжал пристально смотреть на нее. Эмоции промелькнули на его лице, но ни одна из них не задержалась достаточно долго, чтобы быть узнанной.

– Так вот что было нужно, – сказал он.

– О чем ты?

– Все это время я ждал. Ждал, что ты позвонишь мне по поводу моих слов. Ждал, что ты за себя заступишься. Ради нас. И вот что для этого потребовалось.

Не в силах поверить в сказанное, Бостон почувствовала, как перехватило дыхание.

– Так ты притворялся? – спросила она. – Притворялся, что винишь меня?

– Я пытался привлечь твое внимание.

Бостон не хотела подходить ближе, не хотела быть рядом с ним, но ей стало трудно стоять. Ноги дрожали, и она, казалось, теряла равновесие. Она подошла ко второму стулу, выдвинула его из-под стола

и поставила как можно дальше от Зика, села. Предательство обвилось вокруг нее, как змея, сжимая все сильнее, пока не стало невозможно дышать.

Как он мог так поступить с ней? Пытался манипулировать... Солгал таким ужасным, жестоким образом...

– Нет, – прорычал Зик, поднимаясь на ноги. – Нет. Я отказываюсь быть самым плохим парнем.

– Что, самая плохая – я?

– Нет. Но разве ты не понимаешь? Я должен был что-то сделать. Достучаться до тебя. – Он прошелся по комнате, затем повернулся. – Ты исчезла, Бостон. Тебя не было с тех пор, как умер Лиам. Я не мог приблизиться к тебе. Пытался так и эдак, но тебя просто не было рядом. Я потерял не только сына в тот день – я потерял и жену тоже. Ты – вот она, прямо передо мной, а я не могу к тебе прикоснуться.

– В твоих словах нет никакого смысла. Я здесь.

– А вот и нет. Я не знаю, что ты думаешь, что чувствуешь. Наш брак хоть что-нибудь значит для тебя?

– Как ты можешь вообще спрашивать об этом? – Бостон боролась со слезами. – Я люблю тебя почти всю свою жизнь.

– Ты любила меня когда-то – в это я верю. А сейчас ты что-нибудь чувствуешь? Ты думаешь, я пью, потому что не скучаю по своему сыну? Скучаю и не могу перестать скучать по нему, потому и пью. Потому что боль слишком велика и я не знаю, куда ее деть. А когда пытаюсь поговорить с тобой об этом, ты исчезаешь в своей чертовой мастерской и рисуешь.

– Я так справляюсь с тем, что случилось, – отрезала Бостон.

– Нет. Так ты прячешься от этого. Это твой способ ничего не чувствовать. И я один. Один с того дня, как мы похоронили сына. Я потянулся к тебе, но тебя уже не было. Не думаю, что ты вернешься.

Бостон встала и уставилась на него. Гнев придал ей сил.

– Ты говоришь мне все это, потому что я не плакала. Как я справляюсь с потерей – мое личное дело. Ты не имеешь права говорить, что правильно, а что – нет.

Зик пожал плечами.

– Отлично. Ну что, справилась с потерей? Можешь сказать, что тебе лучше? Продвигаешься вперед?

– Я рисую и другие вещи. Работаю над фреской для Энди – это прогресс. Я дома каждый день, Зик. Это ты ушел. Это ты не участвуешь в нашем браке!

Она ждала, что он накричит на нее. Скажет, что она ошибается, но вместо этого выражение его лица стало печальным. То была печаль, которая приходит, когда надежда потеряна.

– Не нужен я тебе, Бостон. Никогда не был нужен. Ты любила меня, отдаю тебе должное. Ты – блестящий художник, твои клиенты умоляют снова начать расписывать их ткани. У тебя есть этот дом и твои подруги. Ни для чего я тебе не нужен.

– Я не понимаю, – прошептала Бостон. – Что такого плохого я сделала? Зачем ты так? Почему мы больше не занимаемся любовью?

Лицо Зика посуровело.

– Мы не занимаемся любовью, потому что тебя нет. Ты – оболочка. Выглядишь так же, как раньше, можешь говорить и двигаться, но не выпускаешь меня. Я все еще люблю тебя, Бостон. Всегда буду любить. Но я не буду участвовать в этом... отрицании.

Он винит ее? Осуждает?

– О, конечно. Ты же так занят, сидя за рулем пьяным. Ты, кстати, мог кого-нибудь убить.

– Знаю. Я был глуп. Этого больше не повторится.

Бостон сердито рассмеялась.

– Да ну, вот так раз – пить бросишь?

– Алкоголь не проблема.

– То есть проблема – это я? Ты винишь во всем меня, но я не сделала ничего плохого. Я не убивала его!

Эти слова Бостон выкрикнула. Они эхом отозвались в маленькой комнате и смолкли.

Она смотрела на Зика. За время их короткого разговора он стал абсолютно чужим. Бостон почувствовала, как внутри разливается холод. Вокруг сердца росла ледяная стена.

– Ты прав, – сказала она мужу. – Ты мне не нужен. У тебя ведь нет причин сейчас возвращаться домой, не так ли?

Бостон крепко прижала сумочку к груди и вышла. Добралась до машины, забралась внутрь. Оказавшись там, она ждала, что на нее обрушится вся чудовищность содеянного. Ждала слез, потому что теперь, конечно, она сможет заплакать.

Но ничего не было. Ни слез, ни паники, ничего особенного. Только
холод льда и осознание: по-прежнему уже никогда не будет.

Глава 25

Дина положила вилки и ложки на стол, говоря себе, что с ней все будет в порядке. Она, конечно, не верила этим словам, но повторение их снова и снова давало ей определенный комфорт. Или, может быть, иллюзию комфорта. Но в данный момент она была согласна и на это.

Даррелин велела ей просто наблюдать за детьми. Слушать без осуждения. Это было домашнее задание на эту неделю. Принять лекарство, сосчитать до десяти, прежде чем позволить себе вымыть руки, и прислушаться. Все это звучало так легко в спокойном и безопасном кабинете психотерапевта, но в реальности оказалось настоящим испытанием.

Она взглянула на часы и поняла, что скоро доставят ужин. Стол накрыт, деньги у входной двери подготовлены. Дина позаботилась обо всех деталях. Вечером она сможет отдохнуть и просто обратить внимание на то, что происходит вокруг нее. «Спокойно, – сказала она себе. – Это выполнимо».

В дверь позвонили. Дина открыла, взяла два больших бумажных пакета с контейнерами и заплатила курьеру.

– Сдачу оставьте себе, – сказала она парню и закрыла входную дверь бедром. – Девочки, ужин приехал! – крикнула Дина в сторону лестницы.

На верхней площадке появилась Одри.

– Приехал? Что это значит?

– У нас сегодня на ужин китайская кухня. Курьер только что доставил.

Близнецы присоединились к сестре. Люси последовала за ними. Все четверо недоверчиво уставились на мать.

– Китайская? – уточнила Сидни. – Из Китая?

Дина рассмеялась.

– Нет. Из нового китайского ресторана в городе. Я подумала, что было бы забавно попробовать.

– Ты не готовила ужин? – осторожно поинтересовалась Люси.

– Я решила, что это будет приятным разнообразием.

Девочки дружно бросились вниз по лестнице. Одри остановилась, чтобы крикнуть наверх:

– Поторопись, Мэдисон! На ужин китайская кухня.

Они разделились: близнецы направились на кухню, две старшие девочки пошли в ванную на первом этаже и помыли руки. Дина разложила еду, подождала, пока дети сядут за большой обеденный стол, и разлила напитки. Угрюмая Мэдисон присоединилась к ним последней, с явной неохотой.

«Наблюдай», – напомнила себе Дина. Сегодня вечером она ни за что не станет давить на старшую. Будет смотреть и слушать.

– Я никогда не ела китайскую еду, – призналась Люси, уставившись на контейнеры с блюдами навывнос.

– Я тоже, – добавила Саванна.

– Какая разница, – скучающим голосом заметила Мэдисон.

– А я так волнуюсь! – сказала Сидни матери. – На что это похоже по вкусу?

– Есть разные блюда. – Дина начала открывать контейнеры. – Это – му гу гай пан^[35], в основном курица и овощи. Здесь еще курица в кисло-сладком соусе, говядина с брокколи, жареный рис и яичные рулеты.

Саванна повернулась к ней.

– Яйца на ужин?

– Это не яйца. Честно говоря, я не совсем понимаю, почему блюдо так называется. Может, вам попробовать всего понемножку и выяснить, что больше нравится? Тогда сможете взять добавку того, что пришлось по вкусу.

Близнецы кивнули. Люси и Одри тоже ждали, когда она им поможет. Дина улыбнулась старшей дочери.

– Уверена, ты уже знаешь, что предпочтешь.

Мэдисон пожала плечами и потянулась за рисом.

Потребовалось несколько минут, чтобы наполнить все тарелки. Дина по дороге к своему месту взяла яичный рулет и откусила кусочек. И заметила, что четверо младших наблюдают за тем, как она жует.

– Это вкусно, – сказала Дина с улыбкой. – Попробуйте.

Девочки взяли яичные рулеты и откусили по чуть-чуть. Одна за другой закивали.

Сидни наколола на вилку кусочек курицы и сунула в рот.

– Вкусно, – пробормотала она, не отрываясь от еды.

Дина хотела было напомнить ей, чтобы жевала с закрытым ртом, но потом вспомнила, что она должна наблюдать, а не судить.

– Я рада, что тебе нравится, – сказала она.

– Нам надо выбрать страну – для лагеря, – заметила Сидни.

– Давай выберем Китай, – добавила ее близняшка. – Сможем рассказать о еде!

– Это было бы здорово, – ответила Дина. – Я поговорю с вашим вожатым насчет того, чтобы принести образцы блюд. Думаю, ресторан может приготовить маленькие порции, чтобы все в лагере попробовали.

– Мам, мы собираемся кататься верхом на следующей неделе, – сказала Одри. – Ты подпишешь разрешение?

– Конечно. А где лошади?

– В Мэрисвилле. Там есть ранчо. Элисон уже ездила верхом и говорит, что это не страшно, хотя сидишь действительно высоко.

– Ты спортивная, – подбодрила Дина. – Думаю, у тебя прекрасно получится. Вам дадут смирных лошадей. Тебе будет весело.

– Я тоже так думаю, – с явным облегчением улыбнулась Одри.

Люси потянулась за курицей в кисло-сладком соусе.

– Мы с Эммой в субботу собираемся в библиотеку. На час чтения. Там висит объявление о том, что в августе приезжает писательница и будет выступать!

Мэдисон хмуро посмотрела на сестру.

– Ни один писатель не поедет на Ежевичный остров.

– Но в объявлении так написано, – возразила Люси. – Я хочу пойти послушать.

– Я тоже, – сказала Дина. – Встреча с писателем – это так интересно!

– Мамочка, можно мне еще риса? – попросила Сидни.

– Конечно. – Дина обошла вокруг стола и помогла ей. Проверила, как дела у других девочек, и вернулась на свое место.

Ужин продолжался. Дина постоянно напоминала себе, что нужно слушать без осуждения. Задавать вопросы и позволять девочкам отвечать. Постепенно завязался разговор, и она вспомнила, что Люси более серьезная, чем сестры, а у Одри очень робкое чувство юмора. Близнецы заканчивали фразы друг за друга, а Мэдисон едва не кипела от сдерживаемой ярости.

Сейчас с этим ничего не поделаешь, сказала себе Дина.

Это дело для предстоящего домашнего задания.

Они закончили ужинать и собрали остатки еды. Девочки быстро убрали со стола, и Дина загрузила посудомоечную машину.

– Может, мы сможем позавтракать по-китайски, – пошутила Одри.

Дина рассмеялась.

– Это будет весьма любопытный опыт.

Дина и четыре девочки пошли в гостиную, но Мэдисон остановилась у лестницы.

– Я хочу подняться в свою комнату, – объявила она.

– Прекрасно, – сказала Дина и села на диван.

Люси потянулась за пультом и включила телевизор. Он уже был настроен на местный канал.

«Сегодня вечером мы узнаем, как мусор попадает из вашего контейнера для отходов на свалки по всей Америке».

Саванна и Сидни переглянулись, но промолчали. Одри вздохнула. Люси молча села.

Потому что есть правила, подумала Дина. По будням – только местный канал. И только на час. Затем девочки должны играть в игры или читать перед сном. Фильмы и коммерческие телеканалы – это развлечение на выходные.

«Наблюдай», – мысленно повторила Дина. Никаких суждений. Даже о себе самой. Потому что она установила правила с самыми лучшими намерениями. Хотя сейчас они казались суровыми, диктаторскими.

Она импульсивно взяла пульт.

– Я не в настроении смотреть, как мусор попадает на свалки, – заметила Дина. – Что там еще показывают?

Активировав телегид, просмотрела программу передач. На одном из каналов шли «Семейные узы»^[36].

– Моя тетя любила этот сериал, – сказала Дина. – Я часто смотрела его в детстве.

– О чем он? – спросила Сидни, садясь рядом с ней на диван.

– О семье с двумя дочерьми и сыном. Их родители в молодости были хиппи.

– Хиппи – это что? – поинтересовалась Саванна, усаживаясь по другую сторону от Дины.

– Это довольно трудно объяснить. Давайте посмотрим сериал, и вы решите, нравится ли он вам.

Зазвучала знакомая музыкальная тема, и Алекс П. Китон^[37] зашел на семейную кухню. Через пару минут все четыре девочки хохотали. Люси и Одри присоединились к близнецам на диване. К концу серии Сидни и Саванна прижались к маме, а старшие придвинулись ближе.

У Дины накопилась тысяча дел, которые нужно было сделать. Электронная почта, счета и несколько списков. Но вместо того, чтобы извиниться и уйти, она осталась на диване в окружении своих девочек. Слезы подступили к глазам, но Дина сдержала их. Сейчас ей было бы слишком трудно объяснить детям, почему она плачет.

Она поняла, что это хороший вечер. Никаких ссор, никаких приказов, никаких «ты должна». Можно просто наслаждаться временем, проведенным с детьми. И на этот раз дочери тоже наслаждались вечером со своей мамой.

Когда Энди вернулась с работы, грузовика Уэйда перед ее домом не оказалось, но она не стала тревожиться. Появится позже или увидится с ней завтра. Не проходило и пары дней, чтобы он не сообщал ей о ходе ремонта. Но, войдя внутрь, она обнаружила расхаживающего с планшетом Зика.

– Привет, Энди, – сказал он. – Как дела?

За исключением общения в стиле «привет-пока» она не видела Зика с тех пор, как вышла на работу.

– Все хорошо. Что-то случилось?

– Ничего. Решил показать тебе, что мы сделали за сегодня.

Энди замотала головой.

– Я не понимаю. Где Уэйд?

Зик заглянул в свои записи.

– Он, э-э, на другой работе.

Он пробормотал что-то еще, она не расслышала, да это и не важно.

– Да ладно, – протянула Энди, свирепо глядя на Зика. – Не хочешь говорить, что у него не хватает смелости явиться?

Зик поморщился.

– Вроде того. Послушай, Энди, я не знаю, что происходит между вами, но хочу убедиться, что ты довольна нашей работой.

– Ага. – Она сжала в руке ключи от машины. – Где он?

- Уэйд?
- Да. Дай мне адрес. Мы сегодня же расставим все точки над «і». Зик колебался всего секунду, затем записал адрес и протянул ей.
- Ты разумный человек, – сказала Энди, выходя.
- Не обижай его! – крикнул Зик ей вслед.
- Не могу ничего обещать.

Энди без проблем нашла адрес. Грузовик Уэйда был припаркован перед двухэтажным жилым домом. По количеству других автомобилей на подъездной дорожке она предположила, что в здании идет капитальный ремонт. Приятно сознавать, что найти Уэйда легко, – вдруг захочется напасть на него с вилкой?

Она пошла на звук сноса стен и обнаружила, что Уэйд разговаривает с парой своих парней. Увидев ее, он извинился и подошел.

Никто из них не произнес ни слова, когда Уэйд вывел ее из вестибюля и повел за угол здания. Энди не стала обращать внимания на его задницу и прочие прелести. Она сосредоточилась на том факте, что он предпочел улизнуть, вместо того чтобы встретиться лицом к лицу. Над ней снова нависла тень Мэтта.

– Серьезно? – спросила Энди, когда Уэйд повернулся к ней. – В самом деле? Ты так и не пришел? И это твое решение? Вместо разговора? Даже без весточки по электронной почте? В «Сексе в большом городе»^[38] Бергер расстался с девушкой, по крайней мере оставив записку на клейком листочке!

– Кто?

– Неважно. – Энди ткнула пальцем в его весьма внушительную грудь. – Выходит, все кончено?

– Я не знаю, – признался Уэйд.

– Ты решил, что у нас ничего не выйдет, – сказала она. – Вот что случилось. Но вместо того, чтобы сказать самому, ты позволил мне услышать это от твоей дочери. Это довольно дерьмово.

Энди сдерживала гнев, потому что любое чувство вызвало бы у нее слезы, а Уэйд не заслуживал того, чтобы узнать, насколько он ей безразличен.

– А теперь ты исчез. Я думала, ты не такой. Выходит, ошиблась.

– Это не я сплю с красивым парнем из «синих воротничков». Как удобно для тебя, что я также занимаюсь ремонтом! Что-то вроде «два в одном».

Энди сделала шаг назад.

– Ты слышал.

Взгляд Уэйда стал ледяным.

– Каждое слово. И ты даже не возразила.

Энди покраснела.

– Мне жаль, что тебя это так расстроило. Но я не собиралась вдаваться в подробности о нас в разговоре с мамой.

Он отрицательно покачал головой.

– Ну да, зачем рассказывать своей семье? Это не я решил, что у нас ничего не выйдет, Энди. Это ты так решила.

– Нет. Я не это имела в виду. Я не хотела рассказывать больше, потому что у матери есть манера все переворачивать с ног на голову. Если ты слышал те слова, значит, слышал и то, как она защищала парня, который бросил меня у алтаря. Мама не из тех, кому я могу доверить что-то, что действительно имеет для меня значение. – Энди коснулась его руки. – Так дело только в этом?

Уэйд высвободился.

– Я понял. Ты развлекаешься, устраиваясь в городе. А теперь злишься, потому что я оборвал отношения до того, как ты решила это сделать.

– Ты не слушаешь, Уэйд. То, что я говорила или не говорила матери, не имеет ничего общего с моими чувствами к тебе. Ты мне очень нравишься. Я хочу, чтобы мы были вместе. Из-за Мэтта я немного нервничаю от твоей сдержанности, но работаю над этим. Не разрывай наших отношений из-за моей матери. Ты должен мне верить...

Его темный пристальный взгляд был неумолим.

– Нет, не верю.

– И в этом все дело?

– Матери Кэрри тоже не нравилось то, что я делал. Она хотела большего, чем жизнь здесь, на острове. И она всегда давила на меня из-за этого. Но мне нравится то, что я делаю, и мне нравится, кто я есть. Другим я быть не хочу.

– Но я не прошу тебя меняться...

– Ты была бы счастливее с кем-то более похожим на тебя, – решительно сказал Уэйд. – А я предпочел бы того, кому мог бы доверять.

Энди отшатнулась, как от пощечины.

– Вот как? Значит, это конец?

– Для меня – да.

Она повернулась, чтобы уйти, но сразу же развернулась обратно.

– Ты ошибаешься насчет меня, Уэйд. И позволяешь гордости встать на пути того, что могло бы стать значимым.

– Что ж, я воспользуюсь этим шансом.

Энди хотела сказать, что он позволяет своему прошлому определять будущее – точно так же, как она позволила истории с Мэттом почти свести ее с ума. Она хотела напомнить, что нравится Кэрри. И разве это не здорово, когда в семье есть врач, особенно педиатр? Но какой во всем этом толк? Уэйд уже принял решение... Да и сама она поклялась, что, пока жива, никогда больше не станет умолять мужчину о любви.

Глава 26

Дина всегда считала, что готовить пищу в мультиварке – все равно что жульничать. Как будто, если не делаешь всю работу сам, это не считается. Но она пыталась измениться, и, как указала Даррелин, некоторые правила существуют лишь потому, что никогда не подвергались сомнению. На этой неделе ее заданием было проверять по одному правилу в день. В пятницу Дина решила, что пришло время бросить вызов своему отношению к мультиварке.

Колин написал, что приедет в четыре. Когда Дина забрала девочек из лагерей и вернулась домой, его машина уже стояла на подъездной дорожке.

– Папа приехал, папа приехал! – закричали близнецы. Они едва дождались, пока минивэн остановится, и выбрались наружу. Одри и Люси быстро последовали за ними. Мэдисон не было – она отправилась к Кэрри с ночевкой.

Дина замешкалась. Ей не терпелось увидеть Колина, и в то же время она боялась – вдруг именно сегодня он объявит, что уходит от нее. Вошла в дом, старательно избегая мужа. В этом она поднаторела: несколько недель назад Дина делала это, пытаясь показать ему свое безразличие. Теперь же все было совсем иначе. Колин был ей небезразличен даже больше, чем она думала. Только Дина не знала, как сказать ему... В основном потому, что была почти уверена: уже слишком поздно.

Дина проверила мясо в мультиварке, затем взяла ягоды, которые купила в киоске у моста. Собиралась приготовить из них десерт.

Она как раз закончила промывать клубнику, когда в кухню вошел Колин.

– Привет, Дина.

Собравшись с духом, она повернулась и улыбнулась ему.

– Привет. Хорошо, что ты вернулся.

Он изучающе посмотрел на нее, подошел, прислонился к кухонной стойке, скрестив руки на груди.

– Ты используешь мультиварку.

– Жаркое в горшочке. На улице прохладно и дождливо, погода очень подходит для жаркого.

– Ты же ненавидишь мультиварку.

– У нас с ней были непростые отношения, но мы все обсудили, и я думаю, что сумеем подружиться.

Колин поднял брови.

– Интересно.

– Мы с мультиваркой согласились, что поторопились вынести суждения друг о друге. Жаркое в горшочке станет проверкой. О результате могу сообщить завтра, если захочешь.

– Конечно. Как прошла твоя неделя?

– Хорошо. А твоя?

– Успешно.

Дина ждала. После этих слов он обычно уходил. Они больше не разговаривали, причем уже несколько недель. До этого ссорились, а еще раньше... Ну, и тогда все было не слава богу.

– Ты в порядке? – спросил Колин. – Ты кажешься какой-то другой...

– Я в порядке. Занималась девочками. Вспомнила, как ты сказал, что нам хорошо бы повысить семейные доходы, поэтому привела в порядок свое резюме. Записалась на онлайн-курс – бесплатно, но полезно.

Его голубые глаза сверкнули удивлением.

– Тебе же нравится работать в магазине ремесел.

– Нравится, но за это мало платят. Мне стоит взять на себя больше финансовых обязанностей. Кроме того, близнецы пойдут в первый класс, их не будет весь день. Я смогу больше работать. Ты прав – ты слишком долго отсутствовал. Ты нужен девочкам – здесь, дома.

«Ты нужен мне».

Слова застряли у Дины в горле – и в сердце. Правда этих слов едва не швырнула ее на колени. Она скучала по Колину. Не по тому холодному незнакомцу, которого она выдумала, а по мужчине, которым он был раньше. Когда-то Колин обожал ее, а Дина любила его и они были счастливы. Почему же она захотела, чтобы это изменилось? Дина откашлялась.

– Я, э-э, кое с кем встречаюсь.

Колин напрягся. Его руки опустились, а рот сжался в линию.

– Кто он такой?

Она нахмурилась.

– Что ты... О нет. Я... – Дина оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что они одни, и понизила голос: – Я имею в виду, что начала ходить к психотерапевту. По поводу мытья рук и прочего, о чем мы с тобой говорили. Она мне очень помогает. Есть прогресс. Тебе ничего не нужно делать, я просто хотела сообщить об этом, чтобы ты знал, в чем дело, когда поступит счет по нашей страховке.

Он расслабился.

– Это большой шаг.

– И необходимый! Учитывая мое прошлое, я полагаю, нет ничего неожиданного в том, что у меня проблемы. Но я хочу быть уверена, что не передам их своим детям. Хочу разорвать порочный круг и все такое.

Дина ощутила нечто похожее на робкий трепет надежды. Если Колин ревнует при мысли о том, что она может встречаться с кем-то, это же хорошо, не так ли? Она не хотела придавать слишком большого значения его реакции, но, возможно, это начало.

– Чем я могу помочь? – спросил Колин.

Надежда затрепетала немного больше и ярче.

– Пока что все задания – только мои, но, если что-то изменится, я дам тебе знать.

Он взглянул на мультиварку и ухмыльнулся.

– Это одно из них?

Дина рассмеялась.

– Технически я не использую время терапии для работы над проблемами с кастрюлями, но да, мультиварка – действительно мое домашнее задание на неделю.

– Не могу дождаться, что будет дальше. Погружной блендер?

– Или фритюрница. Никогда нельзя знать наверняка.

– Красиво, правда? – спросила Энди, стоя в дверях одной из своих смотровых. Фон закончен, смотровой стол уже на месте, как и стойка и небольшая раковина. Бостон доделала набросок счастливой обезьяны для стены и собиралась дорисовать ее в ближайшие несколько дней. – Думаю, все складывается прекрасно. Получится открыться на пару недель раньше, что весьма неожиданно. – Энди откашлялась. – Доктор Харрингтон не против того, чтобы Нина перешла ко мне на работу. На следующей неделе мы проведем собеседования. Она мне очень

помогла. – Энди сделала паузу, так как ей пришлось подавить желание разрыдаться. – Видишь, я держусь молодцом.

Пикуль пошевелился у нее на руках, будто намекая, что был очень терпелив в течение долгого времени, но это уже становится нелепым.

– Ты прав, – сказала Энди, опуская кота на землю. – Прости. У тебя есть семья, к которой ты должен вернуться. В эти выходные я чувствую себя такой потерянной... но не стоит тебя в это впутывать.

Пикуль потерялся о голую ногу Энди и направился к открытой входной двери. Она смотрела ему вслед, осознавая, что дом ее пуст, а впереди долгий вечер в одиночестве.

Люси и ее сестры уже давно не заходили. Энди знала почему: у Люси появилась новая лучшая подруга и они много времени проводили вместе. Так и должно быть. А другие девочки всегда ходили в гости только вместе с Люси.

А как дела у нее самой? Энди знала, что преуспела за те несколько коротких месяцев, которые провела на острове. У нее появился прекрасный дом, она подружилась с коллегами и любительницами пилатеса. Энди любила свою работу и получала от нее удовлетворение. Даже если она случайно влюбилась в полного придурка – что ж, такое случается, верно? Может быть, действительно пришло время поставить крест на попытках завести отношения.

– Тук-тук. Это я.

Энди прошла в переднюю часть дома и обнаружила в приемной Бостон. Соседка огляделась и усмехнулась:

– Хорошая работа или как?

– У тебя талант.

– Спасибо. – Бостон пожала плечами. – Я в аду.

– Я тоже.

Они коротко обнялись, а затем Бостон схватила ее за руку.

– Пойдем! Посидим по-соседски. Колин ведет девочек в кино, а Дина пошла в закусочную «У Арни», чтобы купить нам бутерброды с тушеной свининой. У меня есть вино, и мы собираемся скоротать с ним вечер.

– Слава богу, – выдохнула Энди, следуя за ней. – Я тут с ума сходила! В рабочие дни я плотно занята, но выходные просто бесконечны, а воскресенье – самое худшее.

– Для меня тоже. Сейчас – да.

Энди не знала подробностей случившегося между супругами, но у нее сложилось впечатление, что Бостон не ждет скорого возвращения Зика домой.

– Все еще ни слова? – спросила она, когда они пересекли лужайку и поднялись по парадной лестнице.

– Ни единого. Зик сказал, что он мне не нужен. Вот я и думаю – а может, он прав.

Они вошли в кухню. Энди покачала головой.

– Не могу согласиться. Ты любишь его. Вы чудесно смотрите вместе. Потеря ребенка – это очень тяжелый стресс. Нужно время.

– Прошло девять месяцев, Энди. На три месяца дольше, чем он у нас был. В какой-то момент мы должны исцелиться и двигаться дальше. Я пытаюсь, но для Зика этого недостаточно. Ему нужно, чтобы я прошла через горе так, как он считает правильным, по его расписанию. Зик не может смириться с тем, что мы разные, и винит меня в том, что я разочаровала его.

– Ты рассуждаешь так рационально, – сказала Энди, не уверенная, что это хорошо.

– Не переоценивай рациональность, – заметила Дина, входя с пакетами еды. – Я плачу много денег, чтобы хоть прикинуться рациональной.

– Все с тобой в порядке, – сказала Бостон.

– Ну, кроме ОКР, – улыбнулась Дина.

– У всех свои причуды.

Дина раздала еду, а Бостон открыла вино. Энди расставила стулья вокруг барной стойки, чтобы они могли видеть друг друга, и разложила салфетки.

– Вы говорили о Зике? – спросила Дина, когда они расселись.

– Да, он придурок, – заявила Энди.

– Не такой большой придурок, как Уэйд.

Энди изо всех сил постаралась не вздрогнуть.

– Это у них семейное, – сказала она.

– А в чем проблема Уэйда? – спросила Дина, посмотрев на них.

– Я не защитила его перед своей матерью. – Энди уставилась на бутерброд и задумалась, а действительно ли она голодна. – Мать

говорила, что он красивый парень из «синих воротничков», с которым я могла бы переспать. Я не стала ей возражать – бесполезно.

Дина взяла картошку фри.

– Разве твоя мать не защищала того болвана, который бросил тебя у алтаря?

– Защищала.

– Уэйд это слышал?

– Возможно.

– Значит, он знает, что она идиотка.

Энди не была уверена, что это полезная информация.

– Знаю. И это наводит на мысль, что Уэйд использовал ту ситуацию как повод пойти на попятную. Не та новость, которая может сделать меня счастливой.

– Прости, – сказала Дина.

– Ничего. Я долго пряталась от правды и больше не хочу это делать. Я просто подумала... – Энди пожала плечами. – Он мне очень нравился. Я надеялась на серьезные отношения и старалась обуздать свою потребность в обязательствах, понимая, что спешить не стоит. У меня получалось. Мне нравится Кэрри, и в этом тоже большой потенциал для наших отношений. Наверное, вот что самое сложное: я не считаю, что сделала что-то не так. Я вижу своих родителей раз в два года, они бы не стали важной частью нашей семейной жизни. Так почему бы просто не поплыть по течению, а потом, когда визит закончится, почувствовать облегчение? Но Уэйд смотрит на все это иначе. – Энди покосилась на Бостон. – Сменим тему?

– Нет. Я в порядке. Уэйд ведет себя глупо, и мне невдомек почему. – Бостон повернулась к Дине. – Ты выглядишь счастливой.

Дина улыбнулась и взяла бутерброд.

– У меня дела идут получше. Думаю, лекарство помогает, к тому же я мирюсь с кухонной техникой.

– Прошу прощения? – удивилась Энди.

– Прости, глупая шутка. Мне лучше. Колин ведет себя мило, что вселяет надежду, но в то же время заставляет нервничать. Я не хочу думать, что все будет хорошо, а потом он вдруг уйдет. Не думаю, что переживу это. – Она посмотрела на Бостон и Энди. – Простите. Это было эгоистично.

Бостон покачала головой.

– Не извиняйся. Я так кичилась отношениями с Зиком с того самого дня, как мы встретились. И в какой-то момент я почувствовала, что так все и будет.

– И все же я не хотела...

Энди наклонилась к ней и слегка толкнула плечом.

– Оставь. Сменим тему. Вы видели моего мастера ландшафтного дизайна?

Бостон рассмеялась.

– О да. Он восхитителен!

– Ему двадцать четыре. Не подумайте ничего такого, но да, Тэд очень симпатичный.

– Мне нравится, когда рано утром он снимает рубашку, – призналась Дина. – Все эти мышцы, перекачивающиеся на солнце...

– Или в дождь, – добавила Бостон. – Полная гармония с природой. Уважаю.

– Ты уважаешь его пресс из шести кубиков.

– И это тоже. Мне всегда нравилось рисовать обнаженную натуру. Интересно, он согласится позировать?

Дина и Энди рассмеялись.

Энди поняла, что все-таки проголодалась, и откусила от своего бутерброда. Пока у нее есть подруги, подумала она, воскресенья будут не такими уж плохими.

Бостон сидела на полу в приемной Энди. Пока ждала, когда высохнет краска на нескольких животных, которых ей осталось дорисовать, она разложила перед собой листы бумаги и посмотрела на присланные образцы.

Хотя она не работала почти год, дизайнеры интерьеров продолжали связываться с ней, спрашивая, готова ли она взяться за работу. Впервые с момента поздней беременности Бостон почувствовала, что наконец-то может взглянуть на различные проекты и, возможно, даже согласится на один из них.

Она взяла письмо от дизайнера из Рóли^[39].

«Заказчица любит синий. Я пытался уговорить ее подобрать акцентные цвета, но она сопротивляется. Так что нужно что-нибудь синее. Если вы сможете склонить ее к другому цвету, я буду любить вас вечно», – говорилось в письме.

Бостон улыбнулась, затем посмотрела на образцы тканей и красок из посылки. Там также были фотографии возможных вариантов мебели.

Ее работа состояла в том, чтобы превратить все пожелания в индивидуальный дизайн ткани. Она набрасывала пару идей на небольших квадратиках материи, клиент выбирал один из них, а затем Бостон вручную расписывала ткань нужной длины.

Это был дорогой вариант отделки. За работу она брала по сто долларов за ярд плюс стоимость ткани и доставки. Клиент получал уникальный интерьер, а также возможность щегольнуть тем, что шторы в его доме расписаны вручную самой Бостон Флемминг.

Бостон Флемминг, а не Бостон Кинг. На работе она использовала свою девичью фамилию, и Зик это поощрял. Он хотел, чтобы их бизнесы были разделены, и она с ним соглашалась. Теперь Бостон задавалась вопросом, не стал ли ее успех проблемой в их отношениях.

Уэйд вошел в приемную и присел на корточки рядом с ней.

– Слишком много синего.

– И это говорит парень, который считает, что бежевый – это цвет.

– Но это же цвет!

– Не очень-то хороший. – Бостон взглянула на него снизу вверх. – Что ты здесь делаешь? Я думала, ты прячешься от Энди.

– У нас с братом небольшая дилемма, – признался он.

– Ты не хочешь быть здесь, когда здесь Энди, а Зик не хочет быть здесь, когда здесь я.

Уэйд уселся на брезент, покрывающий пол.

– Что-то в этом роде. Ты могла бы дать ему передышку.

– Могла бы, но не дам.

– Почему?

– Он поставил крест на наших отношениях. – Бостон посмотрела на Уэйда. – Похоже, это у вас семейное.

Выражение его лица стало напряженным.

– Я не хочу говорить с тобой об Энди.

– Нет проблем. Я сама все скажу. Ты ошибаешься насчет нее. Энди милая и веселая, и она заботится о людях. Ты ей очень нравишься, и со всеми твоими недостатками ты должен быть благодарен, что тебя кто-то любит.

– Ого.

– Не время миндальничать. Ты же знаешь, что ее мать странная. Все родители такие. Почему ты наказываешь Энди за то, что сказала ее мать?

– У нас с ней ничего не получится.

– Еще как получится. Думаю, именно это тебя и пугает. Тебе так комфортно в твоей жизни. У тебя есть Кэрри, и брат, и я, и работа. Снова ввязаться в отношения – значит выйти из зоны комфорта. Рискнуть. Что, если ты совершишь еще одну ошибку?

Уэйд уставился на нее.

– Раньше я не совершал ошибок.

Бостон вздохнула.

– Конечно, совершал. Я знаю, что она хотела, чтобы ты уехал с острова, но ты этого не сделал. Я знаю, что вы говорили о разводе перед тем, как она умерла. Я знаю, что ты не был счастлив. – Бостон легонько коснулась его руки. – Я знаю о ее романе на стороне.

Уэйд отвернулся.

– Да, но теперь все это не имеет значения.

– Конечно имеет. Энди в ужасе от того, что может отдать сердце парню, который не захочет связывать себя обязательствами. Ты боишься, что отдашь сердце той, которая втайне желает, чтобы ты был другим. Вы оба так чертовски чувствительны и не видите, что идеально подходите друг другу. Так что пока ты не разберешься со своими собственными проблемами, держись подальше от моего брака.

Бостон перевела дыхание и приготовилась: вдруг Уэйд сейчас скажет, что у нее больше нет брака. Но вместо этого он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Жаль, что мы не вместе, малыш. Мы бы все сделали правильно.

Она рассмеялась.

– Я знаю, но ты никогда не обращал на меня внимания. Мне жаль разбивать тебе сердце.

– Ты тоже на меня не заглядывалась. Но я все равно люблю тебя.

– Я люблю тебя больше.

Уэйд усмехнулся.

– Может, и так. – Он оборвал смех. – Поговори с Зиком.

– Поговори с Энди.

Он встал.

– Ты упрямая. – Уэйд поднял руки вверх. – Знаю, знаю – я тоже.
Мне пора идти.

Бостон взглянула на часы и увидела, что уже почти пять.

– Трус.

– Я просто знаю толк в стратегических отступлениях.

Глава 27

Одри прикусила нижнюю губу.

– Мам, ты уверена?

Дина улыбнулась.

– Да. Тысячу раз да.

– Но это платный просмотр.

– Нажми на кнопку, милая.

Близнецы взвизгнули, а Люси прижала к груди подушку. Одри сделала как ее просили, и на экране появился мультфильм. И в этом вопросе она была слишком жесткой, с грустью подумала Дина, направляясь на кухню, чтобы приготовить девочкам попкорн. Конечно, ежевечерние платные просмотры влетят в копеечку, но иногда можно порадовать детей. До недавнего времени она так не считала.

Дина разделила большую миску попкорна на две поменьше и отнесла их в гостиную. Девочки уже были загипнотизированы мультфильмом на экране.

– Наслаждайтесь, – сказала она и вернулась на кухню. Посмотрела на потолок и подумала, не отнести ли Мэдисон миску попкорна. Дину остановило лишь то, что старшая дочь все переиначит, выставит ее поступок как нечто кошмарное. А сейчас Дина не смогла бы вынести еще одного свирепого взгляда или закатывания глаз.

Ей становилось лучше. Дина чувствовала это. Она была менее напряжена и лучше спала. Девочки стали более непосредственными и выглядели счастливыми. За исключением Мэдисон, конечно. Но сейчас выходные – Колин дома. Хотя ей нравилось, что он рядом, это заставляло ее нервничать.

– Девочки смотрят мультфильм?

Дина подскочила и, обернувшись, увидела в дверях кухни мужчину, о котором думала. На нем были джинсы и футболка. Повседневная одежда смотрелась на Колине так здорово. Так сексуально. Волна желания прокатилась по телу, задержавшись в сердце – и немного ниже, да.

Она желала заняться с ним любовью, а еще ей так же сильно хотелось, чтобы он ее обнял. И держал так, чтобы она почувствовала

себя в безопасности, уютно, уверенно. Она хотела не беспокоиться о том, что он уезжает. Хотела, чтобы они вновь стали мужем и женой.

– Они наслаждаются своим мультфильмом, – сказала Дина. – Кроме Мэдисон.

– В двенадцать лет она уже слишком взрослая для такого рода вещей, – ответил Колин.

Дина кивнула.

– Мы оба были так заняты детьми, что у нас не было возможности поговорить, – сказал он. – Почему бы тебе не присоединиться ко мне за бокалом вина и мы наверстаем упущенное?

Дина задумалась, заметил ли Колин ее удивление.

– Хм, конечно. Это было бы здорово.

Она последовала за ним в кабинет, где ждали бутылка мерло и два винных бокала. Устроилась в углу дивана, затем подумала, не лучше ли сесть посередине. Или...

Дина вздохнула. Она знала Колина почти шестнадцать лет. Это не должно было быть так сложно. Но было...

Колин протянул ей бокал и тоже сел на диван. Наклонился к ней. Они сидели близко, но не касались друг друга, и она чувствовала, как сильно нуждается в его прикосновении. Всего один поцелуй, с тоской подумала она.

– У девочек все хорошо, – сказала Дина. – Невероятно, как быстро пролетает лето. Школа уже прислала по электронной почте список всего необходимого для учебы.

– Мы никогда не планировали отпуск, – заметил Колин.

– Знаю. Из-за того, что были заняты, и из-за всего остального, что происходило...

Колин отхлебнул вина.

– Я говорил с боссом о том, чтобы взять на себя управление отделом продаж. Он согласен, дело за мной. Без комиссии и сверхурочных за дальние поездки моя зарплата сократится примерно на пятнадцать процентов. Я проверил наши счета, это стеснит нас в средствах.

– Все в порядке, – быстро сказала Дина. – Я разослала резюме в несколько мест. На следующей неделе у меня собеседование в гостинице «Ежевичный остров». Им нужен бухгалтер примерно на тридцать часов в неделю. Я пока не в курсе подробностей, но, похоже,

можно выполнять часть работы из дома, а значит, я смогу быть с девочками. По деньгам это заметная прибавка, так что я компенсирую и свой предыдущий доход, и сокращение твоей зарплаты.

Его голубые глаза были спокойны.

– Уверена?

– Более чем. Мы уже говорили об этом, Колин. Тебе нужно быть здесь, с девочками. Они скучают по тебе. – Дина откашлялась. – Я, м-м, тоже скучаю.

Он поставил вино на кофейный столик и потянулся к ее свободной руке.

– Хотел бы я чаще быть рядом, – признался Колин.

Его пальцы были теплыми и сильными. Это так знакомо, подумала Дина. Но он так давно не прикасался к ней. Желудок пару раз перевернулся, и ей захотелось броситься к нему в объятия и убежать прочь – одновременно. Она решила отставить бокал на край стола и выровнять дыхание.

– Я поговорю с боссом, когда приду в понедельник на работу, – сообщил Колин. – Переход должен занять всего пару недель. И тогда я буду дома каждый вечер.

Дина рискнула взглянуть на него и обнаружила, что он наблюдает за ней.

– Ты не будешь знать, куда себя деть, – сказала она.

– Найду уж, чем заняться. Смогу взять на себя часть обязанностей и отвозить девочек.

– Было бы здорово! Близнецы хотят пойти на уроки танцев.

Это плод ее воображения или он придвинулся к ней? Колин все еще держал руку Дины в своей – приятное чувство. Но внезапно она поняла, что не знает, куда деть другую руку. И куда смотреть. И что думать.

– Мы могли бы покататься на лыжах, – выпалила Дина.

Колин выпрямился.

– Что?

– Если не поедem в отпуск этим летом, мы могли бы покататься на лыжах на Рождество. Снять дом в Сэндпойнте^[40] – это не слишком далеко. Мы с тобой не катались на лыжах с тех пор, как родилась Одри. Даже не уверена, что помню, как это делается, но будет весело.

Он улыбнулся.

– Покататься на лыжах было бы неплохо. Давай поговорим об этом позже. А сейчас я хочу тебя поцеловать.

Дина сглотнула.

– Хочешь?

– Очень сильно.

– Я не была уверена. Надеялась, что ты захочешь, но после всего случившегося не знала, что и думать... – Она наклонилась вперед, но тут же отстранилась. – Ты покупал мне все это красивое нижнее белье, а я никогда его не надевала. Мне жаль. Стоило надевать. Просто секс был так хорош, что меня это пугало. Я чувствовала себя уязвимой. И притворялась, что не хочу заниматься любовью, потому что так я меньше боялась. А через некоторое время как будто потеряла эту часть себя, и мне больше не нужно было притворяться...

Ее муж выглядел слегка озадаченным.

– Ты пытаешься меня отвлечь?

– Вовсе нет. Прости. – Дина цеплялась за крупницы мужества, которые ей удалось собрать. – Было бы просто великолепно, если бы ты сейчас поцеловал меня.

– Так и будет.

Колин наклонился, накрыв ее рот своим. Его губы были твердыми, но нежными и такими страстно требовательными, что ей захотелось буквально извиваться. Внизу живота появилась сладкая тянущая боль, которую Дина не ощущала уже много лет.

Его язык нежно коснулся ее языка. Она встречала касание за касанием. Колин опустил руку ей на бедро и провел вверх по боку, по ребрам, к груди. Когда он дотронулся пальцами до сосков, они уже затвердели и стали очень чувствительными.

Дверь в кабинет распахнулась.

– Папа, мне нужно...

Дина подскочила и отстранилась. Колин поднял глаза.

– В чем дело, Мэдисон?

Дина не знала, что и подумать. Она была смущена, напугана, возбуждена и сбита с толку. Комбинация на животе смялась.

– Я, э-э, хотела поговорить с тобой о занятиях, которые собираюсь посещать.

Дина взглянула на дочь. Мэдисон стояла в дверях и переводила взгляд с матери на отца. Тоска и надежда в ее глазах быстро сменились

смирением. Как будто она научилась не ожидать слишком многого.

Дина встала и улыбнулась старшей дочери.

– Все в порядке, милая. Сейчас подходящее время. Папа может тебе помочь.

Дина ушла прежде, чем кто-либо из них успел хоть что-то сказать. Оказавшись в безопасности своей спальни, села на краешек стула в углу и закрыла лицо руками.

Мэдисон могла ненавидеть ее, но не по тем причинам, какие предполагала Дина. Девочка была в ужасе оттого, что родители расстанутся и ей придется пройти через их развод. Она давила на Колина не потому, что хотела, чтобы отец ушел, а потому, что лучше уж раньше, чем позже, раз это все равно произойдет. Мэдисон хотела знать. Она была дочерью своей матери, и поэтому неопределенность для нее хуже всего.

На следующее утро в половине шестого Колин тихо прошел через спальню в ванную. Он осторожно прикрыл дверь, прежде чем включить свет. Дина прислушалась: вот он бреется, вот чистит зубы, вот включил душ. Прошлой ночью она почти не спала. Ее полностью опустошило осознание того, какую сильную боль она причинила дочери. К тому же непонятно, каким будет следующий шаг Колина. Дина была совершенно уверена: они бы занялись любовью, не войди в тот момент Мэдисон.

Колин сделал свой ход – она убежала. А значит, следующий ход за ней. Эта мысль посетила ее пару часов назад.

Дина встала и пошла в ванную. Она сходила в туалет и почистила зубы примерно полчаса назад. А теперь стояла у душа и ждала, пока Колин заметит ее. Он закончил ополаскивать волосы и открыл глаза.

– Ты рано встала, – сказал он сквозь брызги воды.

Она кивнула.

На ней была ночная сорочка с узкими бретельками, которые легко соскальзывали с плеч. Дина спустила их и позволила одежде упасть на пол. Его глаза слегка расширились. Она открыла дверь душа и вошла. Ей было страшно, но она игнорировала страх. Если хочешь спасти брак, порой нужно идти на риск. Кроме того, обнаженное тело Колина манило и возбуждало.

– Доброе утро, – сказала Дина и положила руки на плечи мужу. Приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Вода хлынула на них, делая кожу скользкой. Дина переместила руки ему на грудь. Колин ответил на поцелуй, его губы крепко прижались к ее губам, а язык скользнул ей в рот, движения стали почти неистовыми. Он опустил руки на ее ягодицы и сжал их. Она выгнулась ему навстречу и застонала, поняв, что он уже тверд.

Ощущение его эрекции, пульсирующей у ее живота, вызвало волну тепла, которая прошла по всему ее телу. Дина потерлась об него, желая большего, желая, чтобы он прикасался к ней повсюду. Она так изголодалась... Нет, она была в отчаянии.

Колин прервал поцелуй и склонился к ее груди. Глубоко втянул правый сосок, облизывая и посасывая. Дина откинула голову назад и отдалась горящему внутри жару. Когда он перешел к другому соску, она обхватила его голову, чтобы удержать на месте. Он просунул руку ей между ног и скользнул в нее пальцем. Непроизвольно она сжала мышцы вокруг него, желая гораздо большего.

Он поднял голову.

– Ты мокрая.

Серьезно? Неужели сейчас время для разговоров?

– Мы в душе. Какой еще я могу быть?

– Не в этом смысле. Ты хочешь меня.

В его голосе она услышала сочетание облегчения и опасения. Потому что он не был уверен, что это реально. Не знал, может ли он доверять ей.

– Прости, – прошептала Дина. – Колин, прости меня. За все.

– И ты меня тоже, – сказал он ей. – За то, что отказал тебе тогда. – Колин выругался. – Мне нужно было знать, что ты хочешь быть со мной, а не просто выполняешь супружеские обязанности. Это едва не убило меня...

Ее тоже, но ей стоило знать, что притворством брак не спасешь.

– Все хорошо.

Его опасения исчезли, сменившись страстью. Колин повернулся и выключил воду, затем вытащил ее из душа. С них обоих текло, но Дина не сказала ни слова. С беспорядком она разберется позже.

Голый и мокрый муж оставил ее у кровати лишь на секунду – чтобы запереть дверь спальни. Затем он притянул Дину на постель и стал целовать так, будто никогда не остановится. Одновременно Колин

водил пальцами по ее груди, играя с тугими ноющими сосками, пока ей не стало трудно дышать.

Когда Колин переместился, чтобы поцелуями проложить дорожку вниз по ее телу, Дина уже знала, что будет дальше. То, чему она противилась так много лет, и причин тому было больше, чем можно вспомнить за целую жизнь. Но вместо того, чтобы протестовать, отказываться или отговаривать, она пальцами раздвинула себя для мужа, позволяя ему поцеловать себя более интимно.

При первом прикосновении языка к клитору Дина закрыла глаза. От второго ей стало трудно дышать, а с третьим пришлось сдерживать крик чистого удовольствия.

Колин облизывал ее всю, исследуя, может быть вспоминая, играл с ней, пока ее мышцы не напряглись и не задрожали. Только тогда он вошел в ровный ритм, чтобы Дина оказалась полностью в его власти и умоляла.

– Вот так, – выдохнула Дина, по спирали приближаясь к вершине.

Он на секунду замедлил ритм. Она улыбнулась, не открывая глаз.

– Да, это я, и я разговариваю во время секса.

Столько раз Колин просил ее об этом, но она не соглашалась.

– Очень скоро ты попросишь меня заткнуться.

Дина почувствовала, как он улыбнулся, но продолжил восхитительные движения языком по ее набухшему клитору.

Она потерялась в этом ощущении, желая, но не умея сдержаться. Все ближе и ближе.

– Колин, – выдохнула она. – Почти. Я так близко. Я...

Внезапно Дина кончила, содрогнувшись в своем освобождении. Она знала, что вскрикнула, но надеялась, что не очень громко. В основном потому, что не хотела объяснять этот звук девочкам.

Она продолжала кончать, а Колин смягчил прикосновения, позволив ей отдаваться наслаждению, которое он создавал в ее теле.

Прежде чем экстаз прекратился, он переместился, встал на колени и вошел в нее.

– Не останавливайся, – сказал он ей. – Не останавливайся.

Колин просунул руку между ними и потер большим пальцем клитор. Дина открыла глаза и увидела, что он наблюдает за ней. Это всегда заставляло ее чувствовать себя неловко. Но она не могла сдержаться, не могла остановиться, когда он заполнял ее, входил и

выходил, когда ласкал ее набухший клитор. Она подалась ему навстречу и почувствовала, как снова началась пульсирующая кульминация. Дина обхватила ногами Колина.

– Еще! – стонала она, притягивая его ближе и одновременно раздвигая бедра. – Пожалуйста...

Колин сделал, как она просила, и ей пришлось закрыть рукой рот, чтобы сдержать крики наслаждения. Затем он взорвался внутри ее, и выражение его лица стало напряженным. Он не закрывал глаз, наблюдая, как она наблюдает за ним, и впервые в жизни Дина заглянула Колину в душу.

В среду вечером Энди приехала домой и обнаружила, что на крыльце ее ждет Кэрри. Она почти не видела девочку после их похода по магазинам – в основном потому, что не видела Уэйда. Ремонт дома занимался Зик.

На прошлой неделе бригада закончила с первым этажом, и все работы переместились на второй. Меньше чем через месяц у нее будут нормальная кухня и ванная, а потом она сможет съехать с мансарды. Захватывающая мысль, сказала себе Энди.

Но было трудно радоваться чему-либо, когда она так скучала по Уэйду. Хуже того, она тратила слишком много времени, убеждая себя, что не должна скучать по нему. Вот вам и замкнутый круг.

Энди вышла из машины. Кэрри сбежала по лестнице и улыбнулась ей.

– Мы все ждали и ждали! Ты должна зайти и посмотреть!

– Кто это – мы? – поинтересовалась Энди, когда Кэрри повела ее к крыльцу, а затем остановилась у входной двери.

– Бостон и Дина. Мы больше не можем ждать!

Девочка открыла входную дверь и вошла внутрь, почти пританцовывая. Энди медленно последовала за ней. Они оказались в полностью завершенной приемной, и она замерла.

В ярком, хорошо освещенном пространстве все внимание приковывала волшебная фреска Бостон. Через большие окна солнечный свет лился на нарисованных обитателей джунглей. Огромные листья практически трепетали, как настоящие, а бабочки выглядели так, словно вот-вот улетят.

Там было несколько стульев и диван – Энди заказала их, но не знала, что они уже прибыли. Столы, стопки журналов для детей и взрослых. Один из углов комнаты занимала игровая площадка. Для маленьких пациентов был расстелен толстый ковер. В дополнение к прочным пластиковым игрушкам, которые она купила, там было несколько красивых деревянных фигурок – старых и, кажется, сделанных вручную. Поезд с вагончиками, кубики и несколько животных с ферм.

– Сюрприз, – сказала Дина, входя вместе с Бостон в приемную. – Мы добавили несколько вещей. Надеюсь, тебе нравится.

– Это потрясающе! – Энди коснулась одного из маленьких столиков. – Я не покупала его...

– Знаю. – Дина пожала плечами. – Это подарок. Я переделываю гостиную, она была слишком официальная. Эта мебель – репродукция, и достаточно прочная, дети смогут годами по ней лазать. И я принесла этот коврик. – Она легонько топнула ногой по красивому ковру на полу.

– А игрушки мои, – сказала Кэрри, поднимая резную свинью. – Папа сделал их для меня, когда я была маленькой. Он сказал, что я могу их выбросить, если больше не нужны. Но я подумала, пусть они будут здесь, чтобы другие дети могли наслаждаться ими. – Она улыбнулась Энди. – Я оставила себе пару самых любимых, – призналась девочка. – На то время, когда у меня будет своя семья.

– Я рада, что ты так поступила. Если захочешь их вернуть, просто дай мне знать.

– Это еще не все, – заметила Бостон. – Пойдем посмотрим твой офис.

Энди прошла по коридору и вошла в свой кабинет. Письменный стол стоял на месте. Там было несколько ламп и удобные кресла для консультаций, а также две картины. На одной – морской пейзаж, на другой – дочери Дины, играющие с Пикулем под деревом перед домом.

Энди глубоко вздохнула.

– Не знаю, что сказать, – призналась она. – Все замечательно! Вы так добры.

– Теперь ты одна из нас, – ответила ей Дина. – Нравится тебе это или нет.

Энди рассмеялась. Кэрри подошла и обняла ее, а потом они все обнялись. Энди впитывала в себя чувство родства, понимая, что за

несколько коротких месяцев ей удалось обрести дом здесь, на острове. И дело было не в доме, в котором она стояла, а в женщинах, которых она встретила.

Они разжали объятия. Кэрри направилась к двери.

– Я навещу Мэдисон, – сказала она.

– Развлекайтесь! – крикнула Энди ей вслед. Когда девочка ушла, она повернулась к подругам. – Серьезно, вы не должны были этого делать.

– Мы хотели, – улыбнулась Бостон. – Ты затеяла новое приключение в своей жизни, и мы решили стать его частью.

Дина кивнула в знак согласия.

– Все получилось просто идеально. Бостон, фреска великолепна!

– Спасибо.

Энди начала что-то говорить, но вдруг поймала себя на том, что смотрит на Дину.

– Что-то случилось? – спросила она.

Дина обернулась к ней.

– Ничего. А что?

Энди изучающе посмотрела на подругу. Дина выглядела точно так же, как и всегда – от идеального макияжа до гармоничной одежды. И все же кое-что изменилось. Что-то в глазах или яркой улыбке...

– Ты счастлива, – не задумываясь, сказала Энди.

Дина усмехнулась.

– Может быть. Да. Я пытаюсь. Все не идеально, но становится лучше. По крайней мере, надеюсь на это. Я стараюсь, и Колин тоже старается. – Она сжала губы. – На днях утром у нас был совершенно невероятный секс. Такого не было даже не знаю сколько. Если вообще когда-нибудь было... Знаю, что еще есть над чем работать, но я полна надежд.

– Рада за тебя, – сказала Энди. – Мне только немного горько.

– Уэйд так и не появился?

Энди покачала головой.

– Мужчины Кинги все идиоты, – заметила Бостон. – Я с этим смирилась. Мне это не нравится, но я знаю, что не могу это изменить.

Энди вздохнула.

– Значит, от Зика тоже ничего?

– Ни словечка. – Зеленые глаза Бостон наполнились слезами. – Я люблю его и скучаю по нему, но не знаю, как наладить отношения. Может быть, все, что было между нами, умерло вместе с Лиамом. Я не знаю...

– Не умерло, – возразила Дина. – Ты найдешь путь к нему.

– Я надеюсь на это, – сказала Бостон. – Потому что мы оба действительно заблудились.

Глава 28

Бостон стояла перед закрытой дверью, ее пальцы замерли над ручкой.

– Спасибо, что пришла.

– Всегда пожалуйста, – Дина коснулась ее руки. – Ты не обязана это делать.

– Обязана. Время пришло. Я и так слишком долго откладывала.

Она взялась за ручку двери, повернула ее и вошла в угловую комнату.

Бледно-желтые стены, занавески в сине-желтую клетку. На самой длинной стене прямо в центре нарисован большой ухмыляющийся паровоз. Выкрашенные в белый цвет детская кроватка и пеленальный столик придавали легкости пространству. Толстые ковры покрывали деревянные полы, а в углу стояло кресло-качалка.

Бостон встала посреди комнаты и позволила страданию захлестнуть ее. Она была рада этой пронзительной боли в сердце и молилась, чтобы на этот раз удалось заплакать. Дина подошла к ней и обняла за плечи.

– Мне жаль, – прошептала подруга. – Это действительно ужасно.

Бостон коротко кивнула.

– Когда ты была здесь в последний раз?

– Через неделю после его смерти. С тех пор я не возвращалась. Не уверена, что Зик вообще был здесь.

Дина вышла в коридор и вернулась с несколькими коробками.

– Давай все упакуем. Позже к нам присоединится Колин, чтобы помочь разобрать мебель. Тогда и перенесем коробки на чердак. Если ты уверена, что хочешь этого.

Бостон покивала головой.

– Хочу. Даже если бы мы с Зиком помирились, я никогда не стала бы использовать эту комнату для нашего ребенка. Лучше перенести сюда спальню для гостей.

– Думаю, это лучше, – согласилась Дина.

Она поставила одну из коробок у комода и начала открывать ящики.

– Тебе не обязательно оставаться. Я могу сделать все сама.

Бостон покачала головой.

– Мне нужно быть здесь.

Пока Дина опустошала ящики, Бостон подошла к креслу-качалке.

– Это нужно убрать.

– На выходных Колин отвезет его в женский приют в Мэрисвилле. – Дина посмотрела на нее. – Я догадалась, что ты не захочешь его оставить.

Бостон дотронулась до кресла. Прохладное дерево было прекрасно, ручная резьба в отличном состоянии. Но она сидела в этом самом кресле, когда умер Лиам. Она не могла позволить, чтобы оно осталось в доме.

Она опустилась на пол и подтянула колени к груди. Слез не было, боль утихла. Бостон находилась в комнате, но видела ее как будто с большого расстояния.

– Думаешь, я сломлена? – спросила она Дину.

– Нет.

Бостон повернулась к ней.

– Нет? Просто «нет»?

Дина улыбнулась.

– Ты исцеляешься, Бостон. Но на это требуется время.

– Я не могу заплакать.

– А я в последнее время плачу слишком много. Ты чрезмерно строга к себе. У тебя все получится.

Бостон выдавила из себя улыбку.

– Эта твоя терапия действительно работает.

– Она очень помогает. Я учусь отпускать ситуации. Все вокруг не должно обязательно быть идеальным. Мир не рухнет, если я не стану каждый вечер чистить зубы зубной нитью или если мои дети будут носить не ту одежду. – Дина понизила голос. – Я прибавила три фунта^[41], и, кажется, меня это не очень-то волнует.

– Я набрала тридцать с рождением ребенка.

Дина покачала головой.

– Не меняйся, Бостон. Ты прекрасна такой, какая ты есть.

– Спасибо.

Дина вернулась к комоду. Бостон смотрела, как она достает из ящиков крошечные штанишки и распашонки. Там были носочки – такие маленькие, что казались сшитыми для куклы. Ее грудь сжалась.

Бостон развела руки, будто впуская всю боль внутрь, и та обрушилась на нее сокрушительным ударом.

Бостон закрыла глаза, желая, чтобы навернулись слезы. Ей нужно было выплеснуть горе. «Пожалуйста, – беззвучно молилась она. – Пожалуйста».

Дина встала и подошла к шкафу. Бостон открыла глаза и поняла, что еще не готова. Еще нет.

– Сожалею, но должна сообщить вам, что у нас три вида учета, – сказала Мишель Сандерсон из-за своего стола в отеле «Ежевичный остров». – Сама гостиница, а также ресторан и эта чертова сувенирная лавка.

Дина выпрямилась на стуле, решив не показывать, что нервничает.

– Вы явно не фанат сувенирной лавки?

– Мы с моей деловой партнершей спорим по поводу инвентаризации. Можете представить, сколько у нас товаров, расписанных маргаритками? – с раздраженной улыбкой ответила Мишель, симпатичная женщина с темными вьющимися волосами и большими зелеными глазами. – Слишком много! Они повсюду, и Карли клянется, что их покупают. К несчастью для меня, она права. – Мишель вздохнула. – Пожалуйста, поверьте, я человек хороший. Не позволяйте моей нездоровой ненависти к маргариткам помешать вашей заинтересованности в работе.

– Я очень заинтересована, – заверила Дина.

– Хорошо. Как мы с вами обсуждали по телефону, нам нужен тот, кто возьмет на себя ведение бухгалтерского учета всех трех предприятий. Это слишком тяжело для нас с Карли. Вы будете отвечать за кредиторскую и дебиторскую задолженность, а также за начисление заработной платы. Карли занимается инвентаризацией, так что вам не придется иметь дело с поставщиками, будете только платить им.

Мишель взглянула на лежащие перед ней записи.

– Мы подумали, что лучше всего видеть вас в офисе три раза в неделю по утрам. Сможем обсудить происходящее и, конечно, ответить на любые ваши вопросы. Остальную работу вы можете выполнять из дома. Честно говоря, здесь мало места. Гостиница почти все время переполнена, и, хотя это прекрасно, мы очень заняты. А теперь, когда Карли выходит замуж... – Мишель откинулась на спинку стула. – Она

хочет пышную свадьбу, можете в это поверить? – женщина взмахнула левой рукой. На безымянном пальце сверкнуло простое золотое кольцо. – Я никак не пойму, почему, черт возьми, Карли не захотела отпраздновать в Рино^[42], как все мы. Хотя она разбирается в торжествах...

Казалось, Мишель жаловалась, но Дина услышала в ее голосе нежность.

Она была на несколько лет старше Мишель и Карли. Хотя все трое ходили в одну школу на острове, Дина опережала их на пару классов. Она знала, что они много лет были близкими подругами. Позже что-то произошло, но подробности ей неизвестны. Как бы там ни было, очевидно, проблема решена. Мишель и Карли стали деловыми партнерами здесь, в гостинице, и дела у них шли хорошо.

– Вы знакомы с программным обеспечением, которое мы используем? – спросила Мишель.

– Да. Недавно я прошла онлайн-курс, чтобы освежить навыки. – Дина передала ей полученный сертификат.

Мишель взглянула на него.

– Превосходно. Карли знает вас по лавке ремесел.

Дина кивнула.

– Они с Габби пару раз брали у меня уроки вязания.

– Поделки, – проворчала Мишель. – Даже не говорите о них! – Она встала. – Ну ладно. Давайте отправимся на экскурсию. Хочу, чтобы вы оценили все это безумие, прежде чем я сделаю вам предложение по работе. Вы любите домашних животных?

– Эм-м, конечно.

– Здесь у нас живут собака и кошка. Пес мой. Кот, мистер Усач, принадлежит нашей поварихе. Сразу внесу ясность: мистер Усач считает, что это он управляет гостиницей. Иногда я почти уверена, что так и есть.

Час спустя Дина сидела в своей машине. Она достала мобильный телефон и набрала знакомый номер.

– Привет, – сразу ответил Колин. – Как все прошло?

– Я получила работу.

Он издал низкий смешок.

– Поздравляю! Я не удивлен, но очень рад за тебя.

– Я тоже. Начинаю через неделю. Нервничаю...

– Ты отлично справишься.

– Спасибо. Я надеюсь.

Это было в новинку – их разговоры. Колин позвонил вечером после того, как они занимались любовью, и они проговорили почти до полуночи. Теперь они разговаривали по несколько раз в день. В основном ни о чем, но это было неважно. Дина это понимала и с нетерпением ждала, когда услышит его голос, расскажет о девочках и позволит ему подразнить ее. Она чувствовала себя молодой, глупой и счастливой. Это было все равно что снова влюбиться.

– Я приеду завтра, – сказал Колин.

– Жду не дожусь.

– Я тоже. – Он помолчал. – Итак, что на тебе надето?

– Колин! Я в машине, перед гостиницей, где собираюсь работать...

– Это твой способ сказать, что ты не голая?

Дина крепко зажмурилась.

– Я не голая.

– Черт. – Он понизил голос: – Но будешь сегодня вечером?

Она почувствовала, как запылали щеки. За последние несколько дней Дина обнаружила, что ей нравится разговаривать во время секса почти так же, как Колину нравится слушать.

– Буду, – прошептала она.

– Я тоже.

– Вот, пожалуйста, – доктор Харрингтон протянул Энди приглашение. – Мы устраиваем большую вечеринку по случаю приезда моего сына. Он возвращается на остров.

Энди улыбнулась.

– Не могу дождаться встречи. Я столько о нем слышала.

– Мы с его матерью так гордимся. – Он оглядел кабинет. – У него есть планы на эту практику.

– Хорошие, я уверена.

Энди не могла представить бизнес со своими родителями. Она ощутила укол совести, на мгновение ей захотелось, чтобы между ними все было по-другому. Но, независимо от чувств матери и отца, она нашла свое место в жизни, и это для нее очень важно.

– У вас с Ниной все готово? – спросил доктор Харрингтон.

– Да. Еще раз спасибо, что позволили ей уйти ко мне.

Пожилой мужчина переступил с ноги на ногу.

– Что ж, даже к лучшему. Они с Диланом встречались еще в старших классах, и это ничем хорошим не закончилось. В то время мы думали, что они слишком молоды, но, возможно, нам не следовало вмешиваться. – Он помолчал и покачал головой. – Что было, то прошло, верно? Люди меняются и двигаются дальше.

Нина намекала на свое романтическое прошлое с Диланом. Энди задалась вопросом, услышит ли она когда-нибудь эту историю целиком.

Доктор Харрингтон улыбнулся.

– Ты – полезный член нашего сообщества, Энди. Если что-нибудь понадобится, ты знаешь, где меня найти.

– Я знаю. Спасибо.

Пожилой мужчина покинул ее крошечный кабинет. Энди выключила компьютер и достала сумочку из нижнего ящика стола.

На сегодня дела закончены, а в пятницу завершится ее временная работа у доктора Харрингтона. Через две недели она откроет собственную практику у себя дома.

Они с Ниной собирались встретиться в понедельник утром, чтобы все уладить и начать записывать пациентов на прием. Несколько родителей уже оставили сообщения на ее новом номере, спрашивая, когда можно привести детей.

Энди пошла к задней двери. Завтра состоится последний совместный обед для персонала. А еще два учителя связались с ней, чтобы узнать, не хочет ли она поговорить с их классами о здоровье в целом и о том, как стать врачом. У нее были друзья, занятия пилатесом, и она собиралась пойти на курсы вязания в лавке ремесел, где работала Дина. Итак, Энди успешно обосновалась на острове.

Она направилась к машине, но остановилась, увидев прислонившегося к дверце мужчину. Высокий и симпатичный, словно светловолосая кинозвезда. Заметив ее, он расцвел ослепительно-белой улыбкой.

– Энди, вот ты где! Я заждался.

Она остановилась, не в силах поверить, что он здесь. Спустя столько времени.

– Мэтт?

– Ты выглядишь удивленной.

– Потому что я удивлена. Прошло уже несколько месяцев.

В последний раз Энди видела Мэтта, когда тот пытался объяснить, почему бросил ее у алтаря. Он был больше озабочен оправданием своего поступка, чтобы доказать – на самом деле это не его вина. О признании того, что он унизил ее, речи и не шло. Тогда Энди была обижена и зла. Лучше всего было разорвать отношения, но в глубине души маячил вопрос, не застрянет ли она, продолжая любить этого человека.

Теперь, приблизившись, Энди поняла, что не вспоминала о бывшем женихе уже несколько недель. Мэтт больше не был для нее важен. Он был тем, кто преподавал ей хороший урок действительно отвратительным способом. «Полный придурок», – с улыбкой подумала она. Но ведь почти каждая женщина хоть раз попадала в романтическую историю с негодяем, разве нет?

– Как у тебя дела? – спросила Энди, но сразу же покачала головой. – Знаешь что? На самом деле я предпочла бы узнать, зачем ты здесь.

– Чтобы увидеть тебя.

Мэтт потянулся к ее ладони. Энди отдернула руку и отступила за пределы досягаемости.

– Зачем ты здесь? – снова спросила она.

Он двинулся к ней.

– Нам нужно поговорить, Энди. Мы можем куда-нибудь пойти?

Она не доверяла ему. Ничего удивительного, учитывая его предыдущие поступки. Но еще более интригующим было то, что пребывание рядом с Мэттом не вызывало никаких воспоминаний, по крайней мере хороших. Энди предпочла бы сейчас планировать ужин дома или тусоваться с кем-нибудь из друзей.

– Давай по коктейлю. На острове должен быть бар.

– Уверена, их здесь несколько, но нет. Или говори, почему ты здесь, или я ухожу.

– Ух ты! Это твоя новая сторона. Помнишь, я всегда учил тебя стоять за себя. Похоже, ты последовала моим советам.

Энди закатила глаза, затем потянулась за ключами от машины. Он быстро встал между ней и автомобилем.

– Хорошо, – сказал Мэтт. – Я здесь для того, чтобы сказать тебе, что сожалею о содеянном. Бросил тебя... Это было глупо и необдуманно.

Он извиняется? Кто бы мог подумать.

– Ладно. Я рада, что ты понял, что ты плохой парень. Что-нибудь еще?

Мэтт изучал ее.

– Я совершил ошибку, Энди. Я здесь, чтобы сказать тебе это. Сбежав, я отреагировал слишком остро. Жениться на Линдси было идиотизмом. – Мэтт пожал плечами. – Мы разводимся. Уже подали документы. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять – я выбрал не ту девушку. Ты единственная, кого я люблю. Вот почему я хотел тебя увидеть. Сказать, что наконец-то готов к тому, чтобы мы были вместе, как ты всегда хотела. – Он одарил ее своей очаровательной однобокой улыбкой. – Выходи за меня замуж, Энди. Я все еще люблю тебя.

Полгода назад она бы продала душу, чтобы услышать эти слова. Четыре месяца назад у нее, возможно, возникло бы искушение сказать «да». Но теперь...

– Нет, спасибо.

Энди нажала кнопку, чтобы отпереть машину. Мэтт моргнул, глядя на нее.

– Не понял.

– Я сказала «нет». У меня нет никакого желания быть с тобой. Я считаю ужасным то, что ты сделал, но мне грех жаловаться на результат. Я не люблю тебя, Мэтт. И не хочу снова вступать с тобой в отношения.

– Но мы были вместе десять лет. Нам было так хорошо. – Он заколебался. – Я знаю, что немного настаивал на том, чтобы ты изменилась, но с этим покончено. Я хочу тебя такой, какая ты есть. – Его взгляд скользнул по ее медицинской форме. Он открыл и закрыл рот. – Пожалуйста, Энди.

– Нет. Слишком поздно, Мэтт. Женщина, которая тебе нравилась, исчезла. Я изменилась, и не так, как тебе бы хотелось. Когда ты только порвал со мной, я была опустошена. Теперь же я считаю, что мне следовало расстаться с тобой много лет назад.

– Ты не можешь так думать.

Энди потянулась к дверце машины.

– И все же я не шучу.

Она подумала обо всем том времени, которое потратила с ним впустую, о том, как стояла в свадебном платье перед всеми, кого любила, а он не потрудился явиться.

– У тебя кто-то есть? – спросил Мэтт.

– Нет.

Был Уэйд, но ясно дал понять, что не желает с ней связываться. Это было обидно, потому что Энди думала, что у них есть будущее. Но она все равно не собиралась возвращаться.

Мэтт подался к ней.

– Энди, ты не можешь так поступить. Ты мне нужна!

Она открыла дверцу машины.

– Тебе следовало подумать об этом до того, как ты ушел от меня. У тебя было десять лет, Мэтт. Уйма времени. Теперь уже слишком поздно.

Его глаза расширились, и она могла бы поклясться, что он вот-вот заплачет.

– Но я все еще люблю тебя...

– Прости.

– Энди, нет!

– Прощай, Мэтт.

Она скользнула на сиденье и завела двигатель. На секунду ей показалось, что он бросится под машину. К счастью, этого не произошло и она смогла уехать.

Свернув на улицу, Энди поняла, что не только не чувствует себя виноватой, но и обрела какую-то новую легкость. Это свобода, подумала она. Она предпочла остаться одна, чем быть с Мэттом. С ним у нее все кончено. Энди сожалела только о том, что поняла это с опозданием на восемь с половиной лет.

Дина подождала, пока пять дочерей рассядутся за обеденным столом. Поскольку именно здесь происходили все серьезные разговоры, они выглядели встревоженными и ерзали.

– Не волнуйтесь, – начала она с улыбкой. – Ни у кого нет проблем. Просто будут некоторые изменения, и я хочу поговорить с вами о них.

Девочки переглянулись и снова уставились на мать. На лицах старших застыло обеспокоенное выражение, в то время как близнецы выглядели скорее смущенными, чем встревоженными.

– Через несколько дней я приступлю к новой работе. Устроилась бухгалтером в отель «Ежевичный остров».

Они с Колином собирались сообщить детям, что их отец будет чаще бывать дома. Он сказал ей поделиться с ними новостями, но Дина хотела, чтобы именно он все им рассказал. Девочки будут в восторге, и Колин заслуживал того, чтобы стать частью этого момента.

– Я буду работать в гостинице по утрам три дня в неделю, а остальное время – из дома. Так что в рабочие часы мне понадобится ваша помощь. Как только вы снова пойдете в школу, я буду стараться закончить дела к вашему возвращению. Но нам понадобится выработать систему, чтобы я отвлекалась по минимуму.

Губы Мэдисон задрожали.

– Это папа... Вы что...

«Вы разводитесь?»

Мэдисон не смогла произнести эти слова, но Дина все равно их уловила. Она улыбнулась дочери.

– Папа очень рад моей новой работе. Мы все вместе отправимся на торжественный ужин в эти выходные, чтобы отпраздновать.

Они также будут праздновать то, что Колин теперь будет часто бывать дома вместо постоянных разъездов по работе. Но она пока не собиралась этого говорить.

– Мы семья, Мэдисон. Это не меняется, – мягко произнесла Дина.

Если бы беспокойство исходило от любой другой дочери, она бы подчеркнула свои слова объятием или прикосновением. Но со старшей до сих пор было сложно.

Мэдисон посмотрела на мать, затем отвернулась.

– Хорошо, – прошептала она.

Дина снова обратила внимание на других девочек.

– Я собираюсь составить список обязанностей для всех. Мы поговорим о том, что вам удобно делать и что мы с вашим отцом ожидаем от вас. Я также хочу начать учить вас, девочки, готовить. Вы вполне сможете помочь мне с вареньем, которое я буду варить следующие несколько недель. А еще, думаю, каждая из вас легко освоит несколько простых блюд.

Близнецы посмотрели друг на друга, потом на нее.

– Печенье? – в один голос спросили они.

Дина рассмеялась.

– Да, печенье – отличное начало. Может быть, арахисовое масло.
Сидни и Саванна захлопали в ладоши.

Она улыбнулась Одри и Люси.

– Я подумала, что мы втроем могли бы вместе придумать и приготовить несколько ужинов. Может, используем мультиварку.

– Сделаем спагетти, – предложила Люси.

– Неплохая идея. Я присмотрю за кастрюлей с кипятком, а ты научишься готовить соус.

Одри усмехнулась.

– Курица с пармезаном!

– Амбициозно, но уверенно. Будет весело! – Дина повернулась к Мэдисон. – Я догадываюсь, что тусоваться со мной на кухне – это не твое представление о веселье. Ну и ладно. Список обязанностей относительно разнообразный, и я не возражаю, если ты выберешь что-нибудь другое.

Мэдисон уставилась на нее. На лице девочки отразилась целая гамма эмоций, но все сомнения были ясны. Она хотела веселиться как сестры, но насколько весело проводить время с матерью?

Дину охватила печаль. Когда-то они были так близки, подумала она, страдая от потери контакта с дочерью. Мэдисон была ее маленькой солнечной девочкой, полной любви и света. Теперь она стала незнакомкой, которая ненавидит ее. Психотерапевт посоветовала набраться терпения. Дина знала, что врач права, но ждать было так тяжело.

Близнецы вскочили со своих мест и обежали вокруг стола. Они бросились к Дине и крепко обняли ее.

– А мы можем испечь печенье прямо сейчас? – спросила Сидни.

– Я хочу начать учиться! – кивнула Саванна.

Дина обняла их.

– Думаю, печенье – отличная идея! Все желающие могут присоединиться.

Одри и Люси вбежали на кухню, крича, что они сейчас же вымоют руки, чтобы тоже помочь. Мэдисон медленно поднялась и направилась к лестнице.

Дина повела близнецов на кухню. Ей хотелось оглянуться, чтобы увидеть, как старшая колеблется. Но, если серьезно, каковы шансы? Когда она сама была в возрасте Мэдисон, ее мать абсолютно ничего не

могла сделать, чтобы преодолеть пропасть между ними. Дина спрашивала себя, пройдена ли и здесь точка невозврата. И если да, сможет ли она перенести эту потерю и двигаться дальше.

Глава 29

Войдя в парадную дверь своего дома, Бостон сразу же почувствовала запах краски. Он пропитал воздух так, что ей захотелось чихнуть. Секунду не могла понять, в чем дело. Она рисовала только в своей мастерской, так почему же кто-то рисовал в...

Бостон замерла, не в силах пошевелиться. Она рассказала Уэйд, что собрала детские вещи, а Дина и Колин помогли. Упомянула фреску – веселый паровоз. И то, что она знает, что должна закрасить его, но не знает, хватит ли сил. Уэйд предложил свою помощь. Она отказалась.

– Нет! – закричала Бостон и побежала к лестнице.

Она перепрыгивала через две ступеньки и, запыхавшись, ворвалась на второй этаж. Пospешила по коридору, но поняла правду еще до того, как переступила порог. Поняла, что произошло. Поняла, что у нее отняли.

Комната была пуста. Не было ни занавесок, ни ковра на деревянном полу. Только выключатель из нейтрального пластика. Приятные желтые стены были выкрашены в кремово-белый цвет. И фреска исчезла.

Бостон стояла в центре комнаты и остро ощущала отсутствие всего, что когда-то любила. Как будто Лиам вообще никогда здесь не жил.

Ей показалось, что грудь вот-вот разорвется. Она прижала руку к ране, которая должна была появиться, ожидая буквально утонуть в крови, но там не оказалось ничего, кроме футболки и тепла кожи.

Это неправильно, подумала Бостон, желая истечь кровью. Все неправильно. Лиам, милый Лиам! Она не могла...

Она втянула воздух, но не смогла дышать. Крикнула, но ответа не было. Не отдавая себе отчета в своих действиях, вытащила из кармана телефон и нажала кнопку.

– Зик, – выдохнула она. – Зик! Он умер.

Все тело затряслось. Телефон упал на пол, и Бостон рухнула рядом с ним. Свернулась калачиком, вцепившись в самую себя, чтобы не развалиться на части.

Когда пришли слезы, они были резкими, отвратительными и заставили ее задохнуться. Бостон оплакивала все, что утратила.

Невинного ребенка, который был для нее всем. Последствия случившегося и потерю Зика. Впервые она ощутила боль одиночества. Того, что у нее никого не осталось.

Бостон закрыла лицо руками и продолжала рыдать. Время шло, но она этого не чувствовала, не чувствовала ничего, кроме темной воронки, которая ширилась вместо сердца. Затем что-то теплое коснулось ее руки.

Она открыла глаза и увидела Зика. Он лежал рядом с ней на полу, прижимая ее к себе. Его тело успокаивало, защищало. Зик притянул жену в свои объятия и вцепился в нее, будто никогда не собирался отпускать. Бостон положила голову ему на плечо, и ее слезы омыли их обоих.

Дина смотрела на одежду, разложенную на кровати. По большей части то, что она надевала в лавку ремесел, подойдет и для новой работы в гостинице. Когда дело доходило до выбора нарядов, она предпочитала консерватизм, и это было хорошо. Им с Колином нужно накопить на лыжный отпуск. Дина не хотела тратить драгоценные доллары на что-то глупое вроде своего рабочего гардероба. Особенно теперь, когда он отправил ей по электронной почте информацию о паре домиков в горах, доступных для аренды.

Ей понравилось трехэтажное шале с главной спальней на третьем этаже. Там был не только камин, но и двойной душ и ванна, куда запросто поместятся двое. Единственным комментарием Колина было: «Думаешь, девочки достаточно взрослые, чтобы кататься на лыжах без нас?»

Одной мысли о долгих снежных ночах в этой спальне с мужем оказалось достаточно, чтобы заставить ее трепетать в предвкушении.

– Мам?

Дина обернулась и увидела Мэдисон, стоящую в дверях спальни.

– Что случилось? – спросила она.

– Можно поговорить с тобой секундочку?

– Конечно.

Дина отодвинула одежду и села на кровать, похлопала по месту рядом с собой. Она ожидала, что старшая закатит глаза и останется стоять, но Мэдисон действительно села и наклонилась к ней.

Дина смотрела на лицо своей дочери, на слияние ее и Колина черт. Большие голубые глаза, сияющая кожа.

– Ты такая красивая, – сказала она с улыбкой. – Прости. Вряд ли ты пришла, чтобы поговорить об этом.

Мэдисон покачала головой, прикусила нижнюю губу и вдруг заплакала. Дина пыталась понять, что сделала не так. Ничего не приходило на ум, поэтому она подождала. Но Мэдисон продолжала плакать, и Дина наклонилась, слегка обняла дочь.

– Что случилось, милая? – спросила она. – Ты плохо себя чувствуешь?

Мэдисон заплакала еще горше. Дина привлекла ее к себе и просто держала. Она чувствовала себя неловко и в то же время надеялась. Дочь обратилась к ней, и она не хотела облажаться. Нерешительность и замешательство принесли неопределенность... Покалывание в руках чуть было не заставило Дину рвануться к раковине, ведь сочетание мыла и воды принесло бы такое облегчение...

Это навсегда со мной, подумала Дина. Уже несколько недель психотерапевт так и говорила ей. Побуждение, потребность. Сейчас справляться стало легче. Можно подавить, на время подчинить воле, но это никогда не исчезнет до конца.

Дина напредила себе, что нужно дышать. Она начала считать, пытаясь отвлечься от сумасшествия, но прежде, чем досчитала до десяти, Мэдисон выпредила.

– Прости, мама, – прошептала дочь. – За все, что было.

– И ты меня прости. Я знаю, что со мной было трудно. Все эти правила... – Дина взяла руки дочери в свои и тихонько сжала ее пальцы. – К тому же я знаю, ты боялась, что мы с твоим отцом собираемся развестись.

Глаза Мэдисон наполнились слезами, она кивнула.

– Не знать – так ужасно! Ненавижу это...

– Это очень нехорошее состояние. – Дина подыскивала правильные слова и хотела, чтобы у нее получилось. – Я люблю тебя, и твой папа тебя любит. Что бы ни случилось, это не изменится. Мы оба преданы нашему браку и нашей семье. Мы усердно трудимся. Я хочу, чтобы у всех нас все стало по-другому. Я знаю, что ты злишься. И надеюсь, что ты попытаешься быть мягче, хотя бы немного.

– Я не злюсь все время, – сказала Мэдисон. – И иногда я не хочу быть такой.

– Иногда ты боишься, но злиться на меня легче, чем признать это.

– Да. – Мэдисон вытерла щеки и неуверенно улыбнулась. – Ты изменилась за последнее время.

– Я пытаюсь смягчить некоторые правила. – Дина наклонилась и поцеловала Мэдисон в макушку. – Твой отец собирается кое о чем объявить, когда вернется завтра домой, но ты, вероятно, почувствуешь себя лучше, если узнаешь об этом раньше. Он меняет работу. Будет руководителем отдела продаж, а не главным продавцом.

Глаза Мэдисон загорелись.

– Папа не будет уезжать?

– Будет, но совсем ненадолго. Пожалуйста, не говори другим девочкам. Он хочет сделать им сюрприз.

– Я ничего не скажу. – Мэдисон фыркнула. – Так вот почему ты берешься за бухгалтерскую работу?

– Да. Хочу зарабатывать больше денег для семьи. У нас ведь пять дочерей, которых предстоит отправить в колледж.

Мэдисон улыбнулась.

– У Люси хорошие шансы на стипендию.

– Я тоже так думаю.

Старшая дочь высвободила руки и поерзала на кровати.

– Мам, я должна тебе кое-что сказать. – Она посмотрела вниз, затем снова на Дину. – У меня начались месячные несколько недель назад.

Дина приготовилась к подобному разговору заранее и сумела не дрогнуть.

– Ты в порядке?

Мэдисон кивнула.

– Мне было страшно, поэтому я поговорила с Энди. Я приходила к ней в кабинет. Она сказала, чего ожидать, и сходила со мной в аптеку, чтобы купить все необходимое. – Мэдисон сглотнула. – Энди хотела, чтобы я сказала тебе, а я отказалась.

Двенадцатилетняя девочка закрыла лицо руками и снова заплакала.

– Прости меня, мамочка. Прости.

Дина привлекла ее к себе и крепко обняла.

– Я понимаю, малышка. У нас были трудные времена. Я так сожалею об этом. Но знаешь что? Ты поступила правильно. Поговорила с ответственным взрослым человеком. Не полезла в интернет и не позволила своим друзьям советовать тебе, что делать. Ты выбрала очень разумный способ получить помощь, и я думаю, что это просто потрясающе.

Мэдисон опустила руки на колени. Ее лицо пылало, глаза покраснели.

– Ты не сердишься?

– Нет. Мне жаль, что я не смогла помочь тебе пройти через это.

Дина была опустошена тем, что потеряла драгоценный момент, когда была нужна дочери, но понимала, как много в этом ее собственной вины.

– У меня были сложные отношения с матерью, – тихо сказала она. – Мама много пила и била меня.

Мэдисон уставилась на нее.

– Бабушка над тобой издевалась?

Издевалась. Вот оно, в одном-единственном слове.

– Да. Однажды она сломала мне руку, и полиция забрала меня. И я приехала сюда жить со своими тетей и дядей. Они сказали, что я могу остаться, если буду хорошей девочкой. Если буду делать то, что они велят, и не стану создавать проблем. Я так боялась, что меня отошлют обратно, что решила стать идеальной. Думала, если буду совершенной, ничто не сможет пойти не так.

– Никто не может быть совершенным, – заметила Мэдисон.

– Знаю, но я пыталась. В конце концов достичь идеала стало самым главным в моей жизни. Мне было все равно, как обстоят дела, для меня было важно лишь то, как все выглядит. И я до сих пор пытаюсь в этом разобраться. Именно поэтому порой веду себя странно – например, прошу что-то делать определенным образом.

– Ты не так уж плоха, – сказала Мэдисон.

Дина улыбнулась.

– Я хочу научиться отпускать ситуации. Я стараюсь, и иногда это очень, очень трудно. Поэтому, пожалуйста, будь со мной терпелива.

Мэдисон бросилась к ней.

– Я люблю тебя, мамочка.

– И я люблю тебя.

– В следующий раз, когда у меня начнутся месячные, я скажу тебе.

– Это было бы здорово.

Дочь продолжала прижиматься к ней.

– Пожалуйста, научи меня что-нибудь готовить.

Дина сжала ее чуть крепче.

– Все, что пожелаешь.

Мэдисон отстранилась и улыбнулась.

– Мясной рулет! Это папино любимое блюдо.

– Хорошая идея. Хочешь сходить со мной в магазин за продуктами, чтобы мы могли приготовить его завтра?

– Да! – Мэдисон вскочила на ноги. – Знаешь, мам, Люси готова присматривать за близнецами. Она довольно ответственная.

Дина сдержала свой протест. Люси всего десять. С другой стороны, Мэдисон всего двенадцать. Доверие, подумала она. Создание семьи связано с любовью, доверием и пониманием того, где следует остановиться.

– Спасибо, что поделилась мнением, – сказала Дина. – Я ценю твой вклад. Пойдем спросим Люси, сможет ли она побыть за старшую, пока мы сбегает в продуктовый магазин.

Они вместе пошли по коридору. Мэдисон взяла маму за руку и сжала. Дина почувствовала, как сжимается и ее сердце. Все не идеально, и у нее с дочерью еще будут ссоры, но они нашли обратный путь друг к другу.

Энди сидела на крыльце своего дома. У нее была назначена встреча с подрядчиком – нужно поговорить о том, что сделано на сегодняшний день. Она собиралась подписать бумаги по работам на первом этаже, а затем обсудить планы по мансарде. Все это было проще простого, кроме одного: приедет Уэйд, а не Зик.

Она не видела Уэйда несколько недель. Если он и приходил, то старался делать это, когда Энди на работе. Хотя у нее не было никаких доказательств, она могла бы поклясться, что порой знала – Уэйд был в ее доме. Как будто энергетика изменялась или что-то в этом роде.

Теперь Энди смотрела, как подъезжает знакомый грузовик, как Уэйд выходит из него. Она почти ожидала, что он возьмет с собой Кэрри – в качестве этакого предохранителя от скандалов, но он был один. Высокий и красивый. Мускулистый. В постели – просто бог. Этот

мужчина также был добрым и преданным, отличным отцом. Он заставил ее смеяться... Но он не доверял ей, и Энди нутром чуяла, что это и стало причиной разрыва.

Она подождала, пока он дойдет до лестницы, и встала. Их взгляды встретились.

– Привет, Энди.

– Уэйд.

Он хорошо выглядел. Ее женское начало шептало, что было бы неплохо еще один разок – на дорожку, как говорится. Но она сделала все возможное, чтобы не обращать на этот шепот внимание.

– Готова принять работу? – спросил Уэйд, держа в руках планшет.

Энди кивнула. В заднем кармане джинсов лежал чек.

Они вошли в приемную. Уэйд пустился рассказывать о том, что сделали рабочие, как привели в порядок электрику и насколько отличной была изоляция. Они проверили, что выключатели работают, пол ровный, а окна – именно те, за которые она заплатила. Двадцать минут спустя они были все там же. Такими темпами можно проторчать здесь неделю, ей следовало бы запастись провизией...

– Ты не слушаешь, – сказал Уэйд.

– Мы оба знаем, что ты работаешь хорошо. Я живу по соседству с твоим братом. Если возникнут проблемы, пойду и пожалуюсь. – Энди вытащила из кармана чек и протянула ему. – Это последний платеж за офисное пространство внизу и следующий платеж за ремонт верхнего этажа.

Он взял бумагу и встретился с ней взглядом.

– Пытаешься от меня избавиться?

Энди посмотрела в его темные глаза и поняла – этот момент она запомнит на всю оставшуюся жизнь. Перекресток, так сказать. Где принятое или непринятое решение имеет большое значение.

– На днях приезжал Мэтт.

Уэйд поднял брови.

– Твой бывший жених?

– Он самый. Клянется, что понимает, что совершил ошибку. И он разводится. Хочет, чтобы мы снова были вместе.

На челюсти Уэйда дернулся мускул.

– И что ты ему сказала?

– Я сказала Мэтту, что этого не будет. Я и так уже потратила на него слишком много времени. Теперь я живу здесь, на острове. Строю дом и не хочу уезжать. Что еще важнее – я его не люблю. И начинаю сомневаться, любила ли вообще когда-нибудь.

Энди скрестила руки на груди.

– Мне нравится то, что я делаю. Я хочу быть частью этого общества. Хочу помогать детям.

Она расправила плечи.

– Я умная, веселая, заботливая и успешная. Между нами – сексуальное влечение, которое запрещено в нескольких штатах. И знаешь что? Ты будешь полным идиотом, если позволишь мне уйти из твоей жизни. Я не такая, как моя мать. Я не хочу, чтобы ты стал другим. Хочу, чтобы ты был таким, какой есть. – Она сделала паузу. – Ну, я хочу, чтобы ты не был таким идиотом по поводу нас, но это все.

Энди никогда раньше никому не говорила ничего подобного. Мэтт всегда сам выводил их отношения на новый уровень, что, вероятно, и стало большей частью проблемы.

Уэйд положил планшет на стойку администратора.

– Ты же знаешь, что у меня есть ребенок.

Не совсем понимая, к чему он клонит, она кивнула.

– Да, я общалась с Кэрри.

– Ты захочешь еще детей.

У Энди отвисла челюсть. Уэйд в своих мыслях зашел намного дальше ее. Она говорила о том, чтобы встречаться, а он... Ну, она понятия не имела, о чем именно он думал.

– Одного, – призналась Энди тихим голосом. – Может быть, двух.

– Ты врач.

Это вывело ее из себя. Она опустила руки и топнула ногой.

– Да, и знаешь что? Я не собираюсь за это извиняться! Я много училась и работала не покладая рук, и да, я врач. Ну и что? Скажи мне, какое отношение к чему-либо имеет моя профессия?

Уэйд ухмыльнулся.

– Тебя легко вывести из себя, не так ли? – Он шагнул к ней. – Я скучал по тебе, Энди. Ты права. Ты веселая, сексуальная и все такое прочее, и я буду идиотом, если позволю тебе уйти. – Он обхватил ее подбородок. – Но признаю: я в ужасе оттого, что ты собираешься

втянуть меня в отношения, заставишь влюбиться, а потом сбежишь с каким-нибудь биржевым маклером.

– Зачем мне сбегать с биржевым маклером?

– Черт меня подери, если я знаю, но дело не в этом.

– А в чем?

Он наклонился и поцеловал ее. Энди подалась к нему и закрыла глаза. Его поцелуй оказался медленным и долгим, и все ее женское естество разразилось радостными возгласами.

Когда Уэйд выпрямился, она с трудом перевела дыхание.

– Не могу сказать, что мне нравится твоя мать, – заметил он.

– Мне тоже.

– Когда мы скажем ей, что это серьезно, я собираюсь усадить ее и объяснить, как обстоят дела.

Серьезно? Так у них все серьезно?

– Не терпится услышать, что ты ей скажешь.

Его темные глаза встретились с ее.

– Когда я в деле, Энди, я целиком и полностью в деле. Ты к этому готова?

Она обняла его за шею и улыбнулась.

– Готова, Уэйд. Целиком и полностью.

Он одарил ее своей лучшей улыбкой – медленной и сексуальной.

– Рад это слышать. А теперь что ты скажешь, если мы выясним, так ли удобен диван в приемной, как кажется?

Энди начала смеяться.

– Я думала, ты никогда этого не скажешь.

Бостон готовила бекон на сковороде и напевала. Было рано, едва перевалило за шесть, и она совсем не спала прошлой ночью, но была полна энергии и целеустремленности. Она достала яйца из холодильника, затем отвлеклась, чтобы сделать несколько записок. Трое дизайнеров умоляли взяться за работу. Бостон просмотрела присланные ими материалы и обнаружила, что ее переполняют идеи.

Ей удалось взбить яйца и вылить их на сковородку, прежде чем отвлечься, чтобы записать еще пару задумок. Зик вошел на кухню как раз вовремя, чтобы спасти стремительно подрумянивающуюся яичницу.

– Доброе утро, – сказал он, снимая сковороду с огня, затем подошел к ней.

– Доброе утро.

Супруги посмотрели друг на друга.

Прошлой ночью они занимались любовью. Старая кровать счастливо скрипела в знакомом ритме слияния их тел. После этого Бостон снова разрыдалась, и Зик обнял ее.

Сейчас он просунул руки ей под халат и обхватил груди. Она подалась навстречу его прикосновению, прижимая ладонь к его члену – твердому, толстому и пульсирующему. Бостон рассмеялась.

– Твоя яичница остывает.

Зик поцеловал ее, затем отпустил.

– Моя яичница? А у тебя что, ничего нет?

– Я поем, но без бекона. Сажусь на диету.

– Зачем?

Искреннее недоумение в его голосе вызвало у нее желание подарить ему весь мир.

– Зик, я набрала тридцать фунтов, пока была беременна, и не сбросила ни унции!^[43]

– Ты выглядишь великолепно.

– Мне нужно привести себя в форму. Начать тренироваться. Энди ходит на занятия пилатесом, ей нравится. Я тоже могла бы попробовать. И пешие прогулки. И правильное питание. – Бостон улыбнулась ему. – Я хочу быть рядом с тобой много-много лет. И хочу, чтобы ты тоже был здоровым.

Зик посмотрел ей в глаза.

– Кажется, я знаю, к чему ты клонишь.

– Я всегда любила тебя, Зик. Если мы собираемся двигаться дальше, мне нужно, чтобы ты бросил пить.

Муж взял ее за руку.

– Я уже бросил, скоро ты сама в этом убедишься. У нас все будет хорошо. Мы справимся. Вместе мы способны на все что угодно.

Бостон ухватила за надежду в словах мужа почти так же крепко, как держалась за его сильные руки.

Ниже по улице Дина вышла, чтобы забрать газету. Она увидела, что грузовик Уэйда все еще припаркован перед домом Энди, и улыбнулась. Это объясняло безумный телефонный звонок накануне вечером, когда Уэйд спрашивал, может ли Кэрри остаться на ночь. Дина

заметила, что грузовик Зика тоже стоит перед домом Бостон. Старый район прошлой ночью буквально ходуном ходил.

Она вошла на кухню, где за барной стойкой сидел Колин. Он улыбнулся ей поверх кружки кофе.

– У меня есть кое-что для тебя.

Дина подняла брови.

– Опять?

Ее муж усмехнулся.

– И это тоже. Но я имел в виду вот что. – Колин протянул ей брошюру об отеле в Сиэтле, расположенном прямо на берегу залива недалеко от рынка Пайк-плейс^[44]. – Комплимент от моего босса. Две ночи в лучшем номере. – Он наклонился к ней и понизил голос. – Ты сможешь кричать, сколько захочешь.

Она покраснела.

– Я не виновата, что секс такой потрясающий.

– Приму это как комплимент.

– Хорошо, потому что именно это я и имела в виду. – Дина взяла брошюру. – Будет замечательно! Я попрошу Энди и Бостон забрать девочек на это время. Уверена, они согласятся. – Дина взглянула на часы на стене. – Кстати о детях. Пора их поднимать. – Она направилась к двери.

Колин перехватил ее и привлек к себе.

– Дина?

– Да? – Она пристально посмотрела в его голубые глаза.

– Я люблю тебя.

Ее горло сжалось, сердце переполняли эмоции. Дина не могла вспомнить, когда муж в последний раз произносил эти слова. Много, слишком много лет назад.

– Я тоже люблю тебя, Колин. Мне жаль, что я так запуталась в жизни.

Он покачал головой, затем поцеловал ее.

– Не вини себя. Мы оба запутались, заблудились. Но теперь мы нашли дорогу назад.

– Я никогда не отпущу тебя.

– Я тебя – тоже. – Колин встал и обнял Дину за плечи. – Идем. Разбудим девочек вместе.

Эпилог

Энди сидела с салфетками между пальцами ног и с осторожно растопыренными пальцами рук.

– Я плохо разбираюсь в лаке для ногтей, – пробормотала она, опасаясь, что испортит маникюр.

Ее мать сидела рядом в той же позе, но немного более расслабленно.

– Лак высыхает слоями. Фокус в том, чтобы не обмануться поверхностью, которая кажется полностью застывшей.

Бостон, полюбовавшись наведенным блеском, сунула ноги в туфли и ухмыльнулась.

– Слойми, Линн? Как торт?

– В точности как торт, дорогая.

Энди инстинктивно напряглась, желая встать между матерью и подругой, но затем ей пришлось напомнить себе, что все изменилось.

О, конечно, она все еще регулярно получала информацию о новых стажировках и новости об успехах братьев и сестер. Но с тех пор, как Энди объявила о помолвке с Уэйдом, ее родители, кажется, немного смягчились. Помогла, судя по всему, ее уверенная речь о том, что она не отступит. Другим переломным моментом внезапно стала Кэрри.

Дочь Уэйда познакомилась с родителями Энди в День труда^[45], когда они впятером поехали отдохнуть в Сиэтл. Девочка была в восторге от будущих бабушки и дедушки. Линн побаловала Кэрри грандиозным шопингом в «Нордстроме»^[46], а потом старшие Гордоны сводили ее на игру «Маринерс».

К концу длинных выходных они объявили, что обожают девочку и не могут дождаться, когда смогут проводить с ней больше времени. Кэрри разделяла эту любовь. Таким вот странным образом отношения Энди с родителями стали менее напряженными.

Пронзительный смех вернул Энди к реальности. В рамках девичника пришлось занять весь маникюрный салон. Бостон, Дина и ее девочки присоединились к Энди, Кэрри и Линн, чтобы сделать маникюр и педикюр. Как только они наведут красоту, вернуться в дом Дины – поедят пиццу и посмотрят фильмы.

– Ты еще даже не допила первый бокал, Энди? – Дина передала ей бутылку принесенного с собой шампанского. – Какой же это девичник, если ты хотя бы не попытаешься напиться?

– Сейчас три часа дня.

– Трусишка.

– Здесь дети.

– Я видела тебя пьяной – ты продолжаешь вести себя мило и очень воспитанно. И я не собираюсь рассказывать девочкам, что происходит. Кроме того, мы пойдем домой пешком.

– Ты должна по крайней мере выпить второй, – сказала Линн, протягивая бокал дочери, чтобы Дина снова наполнила его. Та подчинилась.

– Вы заразы, – пробормотала Энди, но сделала глоток.

Линн извинилась и пошла посидеть с близнецами. Бостон пересела на ее место и огляделась. Она наклонилась к Энди и жестом велела Дине сделать то же самое, затем понизила голос.

– Я должна вам кое-что рассказать.

Энди посмотрела на Дину и усмехнулась.

Они уже разгадали секрет. Последнюю пару месяцев Бостон отказалась от алкоголя и кофе. Несколько недель назад она начала буквально светиться.

– Выкладывай, – кивнула Дина.

– Я беременна. Примерно четыре недели, – прошептала Бостон. – Мы с Зиком не хотели ничего говорить до окончания свадьбы, но я решила, что должна сказать вам двоим.

– Поздравляю, – сказала Энди, обнимая подругу и все еще растопыривая пальцы. – Это замечательно!

Дина тоже обняла Бостон и вздохнула.

– Я так рада! Еще больше детей в квартале. Это здорово! – Она повернулась к Энди. – А как скоро ты начнешь пытаться?

Энди чуть не поперхнулась.

– Эй, я еще даже не замужем! Не торопи меня.

– Ты хочешь детей, Уэйд тоже хочет. И ты не молодеешь.

– Блин, вот спасибо!

Дина усмехнулась.

– Всегда пожалуйста.

Они откинулись на спинки кресел и смотрели, как девочки заканчивают делать маникюр-педикюр. Мэдисон и Кэрри хихикнули. Остальные четверо рассмеялись. Линн помогла близнецам выбрать ярко-розовый лак для ногтей.

Завтра Энди выйдет замуж за Уэйда в отеле «Ежевичный остров». Они проведут две недели на Гавайях, а потом вернутся домой. Затем Уэйд и Кэрри переедут в дом на холме. Дом, который Энди купила импульсивно, с мыслью, что если сможет починить его, то починит и себя. С того дня она сумела отпустить прошлое, влюбилась, узнала, что нет нужды исправлять так много, как она думала сначала, и обнаружила, что иногда сестрами не рождаются, а становятся. Энди нашла свой дом, и это лучшее, что с ней случилось.

notes

Примечания

Пьюджет-Саунд (сокращенно – Саунд) – залив Тихого океана у западных берегов США. (*Здесь и далее прим. ред.*)

Шейкер-стиль – особый стиль мебели, разработанный религиозной общиной Шейкеров, которая возникла в середине XVIII века в Англии. Ее члены руководствовались принципами простоты, полезности и честности. Их убеждения нашли отражение в хорошо сделанной мебели минималистичного дизайна.

«Дом и сад» (Home and Garden Television, HGTV) – американский телеканал, принадлежащий Discovery. В основном транслирует реалити-шоу, связанные с покупкой недвижимости, ремонтом, дизайном интерьера.

Софтбол – спортивная командная игра с мячом, облегченная версия бейсбола. Мяч для софтбола больше и мягче бейсбольного, летит медленнее, поэтому по нему проще попасть битой. В софтбол играют как мужчины, так и женщины.

Скрапбукинг – вид рукодельного искусства, которое позволяет красиво оформить или полностью изготовить семейный, личный или тематический фотоальбом, дневник, открытку, кулинарную книгу. Главная идея скрапбукинга – использование для декора множества различных элементов, в том числе лент, пуговиц, кружева, газетных вырезок, фигурок из картона.

Восковница калифорнийская – вечнозеленый кустарник или небольшое дерево, произрастающее на Тихоокеанском побережье Северной Америки.

Леттерман (letterman jacket) – университетская, она же бейсбольная куртка – классический атрибут университетских спортсменов в США. Это короткая куртка с контрастными рукавами, стеганой подкладкой, небольшим трикотажным воротником, манжетами и поясом-резинкой. Впервые леттерман появился в 1865 году, когда тренер бейсбольной команды Гарварда придумалшить на форменные серые свитера самых лучших игроков большую букву Н – в качестве знака отличия. Впоследствии другие команды тоже стали нашивать первые буквы названий своих университетов на свитера и кардиганы.

«Леди-за-ланчем» (Ladies-who-lunch) – так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.

«Мэйфлауэр» («Майский цветок») – морское судно, на котором группа английских переселенцев-пуритан, в англоязычной литературе называемых «отцами-пилигримами», в 1620 году пересекла Атлантический океан, прибыла в Северную Америку и основала одну из первых колоний.

«У тебя волосы виться перестанут» – американская идиома, наиболее близкая по значению к русскому выражению «у тебя волосы дыбом встанут».

11

13,61 килограмма.

Тортилья – тонкая лепешка из кукурузной или пшеничной муки. Употребляется в пищу главным образом в Мексике, странах Центральной Америки и США.

Тамале – тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными листьями и приготовленное на пару. Перед употреблением листья снимают. Может содержать начинку из мясного фарша, сыра, фруктов или овощей, нередко с перцем чили.

Ярд – единица измерения длины в английской системе мер. Равен 91,44 сантиметра.

Спринклерная система – система полива, при которой вода подается на участок по трубам, выбрасывается в воздух через распылительные головки и падает на почву подобно дождю.

«Маринерс» (Seattle Mariners) – профессиональный бейсбольный клуб из Сиэтла. Выступает в Западном дивизионе Американской лиги Главной лиги бейсбола.

«Костко» – крупнейшая в мире сеть складов-магазинов самообслуживания клубного типа. Пятое по величине продаж розничное торговое предприятие в США.

ЦКПЗ (Centers for Disease Control and Prevention) – Центры по контролю и профилактике заболеваний в США – федеральное агентство министерства здравоохранения США, созданное в 1946 году и расположенное на северо-западе Атланты.

Целиакия – наследственное аутоиммунное заболевание, при котором наблюдается хроническая непереносимость некоторых видов злаков, провоцирующая развитие воспалительного процесса и атрофии в тонком кишечнике.

Брауни – шоколадное пирожное темно-коричневого цвета, обычно прямоугольной формы и с жидкой начинкой. В зависимости от рецепта может иметь консистенцию торта, кекса или печенья. Традиционный десерт американской кухни.

«Старбакс» (Starbucks) – американская компания по продаже кофе и одноименная сеть модных кофеен, которые отличаются уютным и современным интерьером, высоким клиентским сервисом.

Двойка (twin set) – женский трикотажный комплект из джемпера и жакета. Впервые появился в 1930-х годах и с тех пор пользуется неизменной популярностью во всем мире.

Крекеры на воде – разновидность крекеров. Они тонкие, сухие, твердые и ломкие, их обычно подают с вином или сыром в качестве закуски.

«Маргарита» – популярный алкогольный коктейль из текилы, ликера «Куантро» или «Трипл-сек», сока лайма. Подается в особом бокале, края которого украшены солью.

Скарлетт Йоханссон (родилась в 1984 году) – американская актриса. Наибольшую известность ей принесло сотрудничество с Вуди Алленом и Софией Копполой, а также роль Черной Вдовы в серии фильмов кинематографической вселенной Marvel.

Утиная лодка (Duck boat) – особо сконструированный транспорт-амфибия, способный передвигаться и по суше, и по воде. В США на утиных лодках часто проводят туристические экскурсии.

Фанк – интерьерный стиль, появившийся под влиянием музыки ритм-н-блюз. Для него характерны беспорядок и жизнерадостность, контрастные цвета и насыщенные оттенки. Мебель в стиле фанк – яркая, с некоторой склонностью к крайностям, сочетающая примитивизм и утонченность, выглядящая несколько нелепо и несуразно.

ОКР (обсессивно-компульсивное расстройство) – психическое расстройство, которое проявляется в произвольно возникающих навязчивых или пугающих мыслях (обсессиях), а также в том, что человек постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной этими мыслями тревоги при помощи столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий). Одним из распространенных действий для страдающих ОКР является частое мытье рук.

«Синий воротничок» – представитель рабочего класса, который занят физическим трудом, как правило с почасовой оплатой. «Синие воротнички» противопоставляются «белым воротничкам», которые занимаются умственным трудом.

Четвертое июля – национальный праздник, День независимости США. Его отмечают по всей стране парадами и ярмарками, концертами и тематическими пикниками, а также обязательно салютом и фейерверками.

Пеперони – острая разновидность салями итало-американского происхождения. Пицца с этой колбасой очень популярна по всему миру.

Шутки «тук-тук» – популярные среди англоязычной молодежи шутки: один «стучится в дверь», говоря: «Тук-тук!», второй спрашивает: «Кто там?» Далее следует фонетическая игра: произносится «имя» «стучавшего», основанное на игре слов и слогов. Пример подобной «звуковой» шутки в русском языке: «Это курица?» – «Нет, это пьется».

Зак Эфрон (родился в 1987 году) – американский актер, известный по комедийным, романтическим и музыкальным фильмам, среди которых «Классный мюзикл», «Двойная жизнь Чарли Сан-Клауда», «128 ударов сердца в минуту», «Свадебный угар», «Спасатели Малибу», «Красивый, плохой, злой».

Райан Гослинг (родился в 1980 году) – канадский актер и музыкант. Двукратный номинант на премию «Оскар», лауреат премии «Золотой глобус», двукратный лауреат премии «Спутник», лауреат премии Национального совета кинокритиков США. Среди ярких работ – роли в фильмах «Ла-Ла Ленд» и «Бегущий по лезвию 2049».

Му гу гай пан – курица с грибами, блюдо традиционной китайской кухни.

«Семейные узы» (Family Ties) – американский комедийный телесериал, выходивший с 1982 по 1989 год. Получил пять премий «Эмми» и премию «Золотой глобус».

Алекс П. Китон – один из ведущих персонажей телесериала «Семейные узы», республиканец по взглядам. В центре сюжета его отношения с родителями-либералами и бывшими хиппи. Роль исполнил Майкл Джей Фокс.

«Секс в большом городе» (Sex and the City) – американский комедийный телесериал, основные шесть сезонов которого выходили с 1998 по 2004 год. В центре сюжета четыре жительницы Нью-Йорка, обсуждающие секс, любовь и карьеру.

Ро́ли – второй по величине город штата Северная Каролина, его административный центр.

Сэндпойнт – крупнейший город и административный центр округа Боннер, штат Айдахо, один из центров туризма США.

41

1,36 килограмма.

Рино – город в штате Невада, популярен у туристов, славится многочисленными казино.

43

28,35 грамма.

Пайк-плейс-маркет – общественный рынок на побережье залива Эллиот. Открыт в 1907 году, является самым популярным туристическим направлением в Сиэтле.

День труда – национальный праздник в США, который отмечается в первый понедельник сентября.

«Нордстром» – американская сеть универмагов класса люкс, торгующая высококачественной модной одеждой. Флагманский магазин находится в Сиэтле.